

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

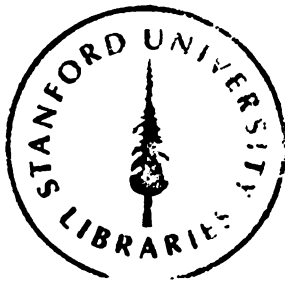
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СЛАВЯНЕ ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. професора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ I.

Очеркъ исторіи Славянъ до XVIII вѣка.

ВАРШАВА.

Типографія К. Ковалевскаго, Королевская М. 29.

—
1886.

D147
P398
v.1

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета печатать дозволяется.

и. д. Ректора Университета
А. Никитснй.

Варшава, 1886 г. 5 февраля.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Стр.

I. Древнѣйшая исторія Славянъ. 1

Племя арійское или индоевропейское и его распространение въ Европу. Славяне-Венеты въ странахъ адриатическихъ, альпійскихъ и подунайскихъ (въ Венетіи, Норикѣ, Паноніи, Дакіи), полабскихъ, повислянскихъ, поддѣпровскихъ и черноморскихъ (въ Германіи — Свевіи, Скиѣи и Сарматіи). Славянскія племена — народы — государства. Полабско-балтійскіе Славяне, Моравяне, Чехи, Поляки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Болгаре, Русь, Христіанство, Римъ и Константинополь, церковно-культурное раздвоение Славянъ. Славяне и Нѣмцы и Угры. Мысль о западно-славянскомъ государствѣ; моравскіе Мойміровичи, чешскіе Болеславы, польскій Болеславъ Храбрый, чешскій Брячиславъ.

II. Славяне балтійскіе и полабскіе. 15

Ободричи, Велеты-Лютичи, Поморяне, Сербы. Борьба Славянъ съ Нѣмцами. Карлъ Великій и его преемники. Христіанство. Княжество ободричско-лютичское, Готескалькъ, Крутъ, Генрихъ, Прибыславъ, Никлотъ. Княжество поморско-лютичское. Рана. Покорение Славянъ полабско-балтійскихъ. Бранденбургъ. Германизация.

III. Чехи 22

Моравское государство Мойміровичей. Чешское государство Премысловичей. Присоединение Чехіи къ Германіи, и водворение и распространение въ Чехіи нѣмецкаго вліянія. Политическое могущество чешскаго государства при Премыслѣ Отакарѣ II, Вячеславѣ II

и Карлъ, императоръ римско-нѣмецкомъ. Гуситское движеніе, религіозное и національное, чешское, славянское. Юрій Подѣбрадскій. Польскіе Ягайловичи въ Чехіи. Габсбурги. Возстанія 1547-го и 1618-го гг. Паденіе Чехіи и его печальныя для чешской народности послѣдствія.

IV. Поляни 31

Польское государство Пястовичей. Распаденіе его, потеря Силезіи и Поморья. Возобновленіе польскаго королевства при послѣднихъ двухъ Пястовичахъ, Владиславъ и Казиміръ. Борьба съ нѣмецкими крестоносцами и соединеніе Польши и Литвы. Поворотъ Польши съ запада на востокъ и ея движеніе въ русскія земли, и происшедшая изъ этого борьба съ Москвою. Ослабленіе королевской власти и усиленіе шляхты, и водвореніе анархіи. Паденіе Польши и его причины. Побѣда Нѣмцевъ надъ всѣми западными Славянами.

V. Словенцы 44

Племена. Государство Сама. Раздробленіе Словенцевъ, покореніе ихъ Нѣмцами, онѣмеченіе сѣверной половины Словеніи. Габсбурги.

VI. Хорваты 47

Хорваты въ Далмаціи. Верховная власть Франковъ и Византіи. Народная династія. Соединеніе Хорватіи съ Угріею. Борьба Хорватовъ съ Уграми, Венеціанцами, Турками. Габсбурги въ Угріи и Хорватіи. Военная Граница. Дубровникъ. Раздробленіе хорватской земли.

VII. Сербы 55

Сербы въ Далмаціи и Мизіи. Сербское государство на сѣверѣ и на югозападѣ. Рассіе Неманичи и ихъ завоевательныя стремленія на балканскомъ полуостровѣ. Царь Стефанъ Душанъ. Покореніе Сербіи и Босны Турками. Черная Гора. Сербы въ Хорватіи и въ Угріи.

VIII. Болгаре 62

Задунайскіе Словѣне. Образованіе болгарскаго государства и его борьба съ Византіею. Царь Симеонъ.

Южноболгарскіе Шишмановичи. Паденіе болгарскаго царства и его возобновленіе Асѣневичами. Покореніе Болгаріи Турками. Болгаре и Греки-Фанариоты.

IX. Славяне въ Угріи и въ Румуніи 68

Угорское государство. Румуны или Волохи, и ихъ государства Валахія и Молдавіи. Словаки, Русскіе, Словѣне. Вліяніе славянскаго элемента на угорскій и румунскій. Возрожденіе угорскихъ Славянъ и начало анти-угорскаго движенія.—Торжество Нѣмцевъ надъ всѣми Славянами западными и многими южными.

X. Русскіе 77

Русь и Варяги. Собраніе восточно-славянскихъ племенъ въ одно политическое цѣлѣ, Русь. Христіанство. Дробленіе Руси и побѣда сѣвера надъ югомъ. Монголы, Литовцы. Нѣмцы. Сѣверовосточная Русь, Москва, освобожденіе ея отъ монгольскаго ига. Юго-западная Русь—Литва, ея соединеніе съ Польшою. Борьба Литвы-Польши съ Москвою. Москва—царство русское. Иванъ III, Иванъ IV Грозный. Смутное время. Воцареніе Романовыхъ. Распространеніе польскаго вліянія въ югозападной Руси. Унія. Казаки. Стремленія русскихъ царей осуществить титулъ царя всей Руси и вытѣснить Польшу изъ русскихъ земель. Петръ Великій. Сношенія Россіи съ западною Европою, съ южными Славянами въ Турціи. Паденіе Польши и ослабленіе Турціи. Значеніе Россіи для Славянъ.

XI. Быть Славянъ 91

1. Колонизація 92

Географическая номенклатура. Названія племенъ и народовъ. Переселенія славянскихъ племенъ. Славянская колонизація востока и юговостока Европы. Село (весь) и городъ.

2. Родъ 100

Славянскій родъ, югославянская задруга. Слѣды родового быта у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Названія рода, семьи: родъ, племя, челядь, полкъ, вервь, жула. Названія начальниковъ рода: дѣдъ, башта, господарь, кметъ, старѣшина-староста, владарь, князь, войвода, жуланъ. Женщины въ родѣ, вѣно, похище-

ніе. „Вражды“ родовъ, междоусобицы, кровавая месть. Имена. Постриги.

3. *Община* 111

Славянская община, жупа, вервь, волость, погость, околица, околина, ополе, миръ, гонитва, губа. Начальники общины, староста, жупанъ, кметъ, князь, ватаманъ. Тысячи, сотни, десятки и ихъ начальники, тысячскіе-воеводы, сотскіе, десятскіе. Сходки общинъ—вѣча. Польское ополе, русская вервь—околица—волость—копа, западно-славянскія общины—села, югославянскія общины—кнежины—жупы—околины. Нѣмецкое и римское вліяніе.

4. *Сословія* 126

Люди вятшіе и меньшіе. Землевладѣльцы, земляне, земцы, дѣдичи. Простой людъ, чернь, полкъ, холопы, мужи, кметы, сябры, смерды, крестьяне, земледѣльцы, рольники, ратаи, люди пашенные, сошные, тяглые, нарочники, урочники, оброчники, серебряники, куничники, половники, мѣропхи, влахи. Купцы—гости, промышленники. Рабы, невольники, холопы, холоуи, отроки, челядь, сироты, склавы. Горожане и селяне. Люди вятшіе, знать, земляне, князья, жупаны, паны, владыки, бояре, властеле; други, панюши, дѣтскіе, дворяне, витязи и пр. Шляхта, гербы, рыцари. Знатъ высшая и низшая. Знатъ—дѣдичи, владѣльцы дѣдинъ, отчинъ, выслугъ, проній, помѣстій. Знатъ и людъ.

5. *Государственное устройство* 142

Государства у Славянъ, князья, короли, цари; князья дѣдичи и отчичи своихъ государствъ—дѣдинъ, отчинъ, своихъ удѣловъ. Старшинство въ родѣ княжескомъ, первородство, сажаніе на столъ дѣдень и отень, коронація. Сановники и чиновники, совѣтники (думцы, кметы, жупаны, князья) и намѣстники государя. Раздѣленіе на земли, волости, уѣзды, жупы, станы, погосты, повѣты, городскіе округа. Государственныя повинности, дани и поборы, деньгами и натурою, распределяемые по плугу, ралу—сохѣ, двору, дыму, люду; военная служба и военные порядки; повинности относительно государства и двора. Нѣмецкое право.

6. *Народныя собраніи* 162
 Сходки общинъ, соборы, снемы, вѣча, громады, коны. круги, рады и пр. Вѣчевое устройство на Руси вообще, въ Новгородѣ, Псковѣ, въ югозападной Руси, въ казацкихъ войскахъ; московскіе соборы. Вѣча у Югославянъ, особенно у адриатическихъ. въ Дубровникѣ, Винодолѣ, Керкѣ, Полицахъ и др. Вѣча у балтійскихъ Лютичей и Поморянъ. Сеймы польскіе и чешскіе, соборы хорватскіе, сербскіе, болгарскіе.
7. *Право* 174
 Право обычное и писанное. Законъ. Судъ, судъ присяжныхъ, судъ божій; судопроизводство, вданіе, соки, сводъ, судебный приговоръ.
8. *Мифологія и поэзія* 178
 Обожаніе природы. Дуализмъ. Сварогъ небои Сварожичи солнце, огонь, вѣтеръ. Русалки, вылы, дѣдки—домовые, роженицы и пр. Идолы, храмы, жрецы, жертвы и требы, богослуженіе. Волхвы, чародѣи, вѣдуны, колдуны и др., моры, волкодлаки, упыри. Рай, навъ, похороны. тризна, пиръ—страва. Язычество и христіанство. Небесныя тѣла — мѣрильщики времени. Праздники соловца, коляда, русалія, крѣсь. Слѣды старинной религіи въ народной письменности, обычаяхъ и пр. Миѣнческія преданія. Эпическая поэзія у Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ.
9. *Языкъ и письмо* 197
 Славянскій праязыкъ и славянскіе языки, ихъ отличительныя черты; фонетика. удареніе, формы, словарь. Письмо, книги, черты, рѣзы, буквы, доски. Письмо греческое и латинское; письмо греческо-славянское Константина, глаголица, кирилица, гражданка, букваца. Славянскій языкъ—свидѣтель древней славянской культуры.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянское племя раздѣлилось, въ слѣдствіе разныхъ событій и условій, на нѣсколько народовъ, особыхъ національныхъ, историческихъ и культурныхъ единицъ. Раздѣленіе или скорѣе раздробленіе произошло на западѣ и на югѣ, и результатомъ его—нынѣшніе славянскіе народы, на западѣ: Поляки (9½ мил. въ сплошной масѣ, а 1½ мил. въ земляхъ русскихъ и литовскихъ), Чехи (5½ мил.), Словаки (2½ мил.), лужицкіе Сербы (160,000), на югѣ: Болгаре (5 мил.), Сербы и Хорваты (7 мил.), Словенцы (1½ мил.). Только славянскія племена на востокѣ сплотились въ одинъ великій народъ русскій (60 мил.). Національное раздробленіе усилилось въ слѣдствіе политическаго раздробленія, возникновенія на западѣ и на югѣ нѣсколькихъ небольшихъ государствъ, которые однако не сохранили своей самостоятельности, а подпали подъ власть иноплеменниковъ, Нѣмцевъ, Угровъ, Итальянцевъ и Турокъ. Только на славянскомъ востокѣ русскій народъ сохранилъ себѣ, послѣ долговѣчной борьбы съ врагами внутренними и внѣшними, свою политическую самостоятельность и образовалъ сильное государство на прочныхъ основахъ. Къ національному и политическому раздробленію Славянъ прибавилось тоже ихъ раздвоеніе религіозно-культурное; Болгаре, Сербы и Русскіе примкнули къ восточной греческой церкви православной, и стали писать греческо-славянскимъ письмомъ; юго-западные Славяне, Поляки, Чехи, Словаки, лужицкіе Сербы, Словенцы и Хорваты применили къ западной латинской церкви католиче-

ской (позже многие и въ протестантизму), и употребляютъ письмо латинское. Турецкое господство въ Болгаріи и въ Сербіи означеновалось между прочимъ и принятіемъ частью Болгаръ и Сербовъ ислама.

Такимъ образомъ раздробленіе Славянъ на нѣсколько народовъ, каждый съ своимъ языкомъ и литературою, съ своею исторіею и своими традиціями, стремленіями, идеалами, стало историческимъ фактомъ. Исторія и практическая жизнь знаетъ уже не славянскій народъ, а только народы славянскаго происхожденія, Ляховъ (Поляковъ) и Чеховъ, Хорватовъ и Словенцевъ, Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ. Племенное единство и родство чувствовалось и сознавалось отдѣльными народами славянскими, вело иногда и къ болѣе осязательнымъ результатамъ въ ихъ жизни, на пр. къ значенію словѣнскаго церковно-литературнаго языка у православныхъ Славянъ, къ духовнымъ сношеніямъ Чеховъ и Поляковъ, и пр. Но племенный моментъ, раса, сама по себѣ еще не единитъ, а часто и разъединяетъ; славянскіе народы стали часто смотрѣть другъ на друга враждебно, иногда хуже, чѣмъ на иноплеменниковъ; такъ Поляки и Русскіе, Хорваты и Сербы, Болгаре и Сербы, и пр. Раздѣленіе Славянъ на нѣсколько народовъ, раздвоеніе ихъ въ религіозно-культурномъ отношеніи, породило много другихъ факторовъ дальнѣйшаго ихъ отчужденія. Славяне православные и католики стали глядѣть другъ на друга враждебно, какъ на приверженцевъ двухъ враждующихъ христіанскихъ церквей, какъ на „латинянтъ“ и на „грековъ схизматиковъ“; и такъ какъ вѣроисповѣданіе сдѣлалось у многихъ народовъ славянскихъ существенною частью ихъ народности (православіе — вѣра русская, сербская, католицизмъ — вѣра польская, хорватская), то и этотъ религіозный антагонизмъ способствовалъ разъединенію и отчужденію Славянъ. Это продолжается до сихъ поръ; Поляки и Русскіе не долюбиваютъ другъ друга не только какъ Ляхи и Русь, а тоже какъ католики и православные; Хорваты и Сербы, хотя они составляютъ собственно только двѣ половины одного народа и говорятъ на одномъ языкѣ, смотрятъ другъ на друга не очень дружелюбно, католики Хорваты на „хришћанъ влаховъ“ (православныхъ), а православные Сербы на

„кршћанъ шокцовъ“ (католиковъ). Къ православнымъ и католикамъ Славянамъ прибавились потомъ и разные Славяне „еретики“ (богомилы—патарены, гуситы, протестанты), и наконецъ и просто „невѣрные“ мусульмане изъ Сербовъ и Болгаръ.

Славянскіе народы, живя каждый самостоятельной жизнью, стремились къ завоеваніямъ не только странъ иноплеменныхъ а тоже славянскихъ. Между ними возгоралась нерѣдко борьба изъ-за политическаго первенства, и послѣдствій этой борьбы не могли изгладить ни неудача непосильныхъ плановъ, ни время. Такъ борьба Поляковъ и Русскихъ изъ-за югозападной Руси, изъ-за преобладанія въ восточной Европѣ, длилась нѣсколько вѣковъ, и ея послѣдствія отражаются до сихъ поръ на обоихъ славянскихъ народахъ, хотя эта борьба давно безповоротно рѣшена въ пользу Русскихъ и перерѣшеніе ея уже невозможно. Подобное тому явленіе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, замѣчается и въ юговосточной Европѣ, на балканскомъ полуостровѣ, гдѣ Хорваты и Сербы, Сербы и Болгаре оспариваютъ другъ у друга „первенство“, и гдѣ такой споръ повелъ недавно къ кровавому столеновенію Сербовъ и Болгаръ. Такое соревнованіе, такая борьба славянскихъ народовъ изъ-за какихъ то воображаемыхъ привилегій давала и даетъ поводъ къ ихъ раздраженію, озлобленію, ожесточенію, враждѣ, къ бесплодной растратѣ силъ, и къ дальнѣйшему ослабленію Славянства на пользу иноплеменниковъ. *Duobus litigantibus tertius gaudet.*

Славяне разошлись не менѣе, чѣмъ народы германскіе или романскіе. Трудно же говорить о славянскомъ народѣ и его племенахъ, о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, если въ дѣйствительности *нѣтъ* одного языка славянскаго, этого главнаго представителя и двигателя національнаго единства, если тѣ воображаемыя „племена“ славянскія не понимаютъ другъ друга, если *нѣтъ* одной славянской литературы, одной славянской культуры, не говоря о другихъ разъединяющихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Будетъ-ли со временемъ такое единство у Славянъ, превратятся-ли Славяне изъ этнографическаго понятія въ національную единицу съ однимъ языкомъ, съ одною литературною и культурною жизнью, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ все это вопросы будущаго. А до тѣхъ поръ сла-

вянскіе народы относятся другъ къ другу, какъ народы германскіе или романскіе, Поляки и Русскіе какъ Голандцы и Нѣмцы, Чехи и Поляки какъ Фламандцы и Голандцы, Сербь и Болгаре какъ Датчане и Шведы и пр. Да разъединеніе Славянъ пошло еще дальше, чѣмъ разъединеніе Германцевъ или Романцевъ. Если Нѣмцы, Голандцы, Фламандцы, Датчане и Норвежцы, Шведы, если Французь, Итальянцы, Испанцы, Португальцы, представляютъ особые народы, съ своими языками и литературами и съ своею исторіею, то все таки у всѣхъ этихъ народовъ германскихъ и романскихъ культура одна и письмо одно. Между тѣмъ у Славянъ нѣтъ даже единства письма; русскую книгу можетъ разсматривать Болгаринъ и Сербъ, но не югозападный Славянинъ. Если бы Славянамъ удалось сохранить по крайней мѣрѣ національный, политическій и литературный триализмъ (назовемъ его Ляхи, Словѣне, Русь), обусловленный ихъ географическимъ положеніемъ, если бы термины Славяне западные и южные приобрѣли такое значеніе, какъ терминъ Славяне восточные — Русь, то взаимныя отношенія Славянъ, не смотря на культурное раздвоеніе, установились бы вѣроятно въ такомъ родѣ, какъ на пр. взаимныя отношенія Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ; западные Славяне и южные Славяне составляя двѣ довольно крупныя политическія и національныя единицы на подобіе Славянъ восточныхъ, стали бы развиваться въ данномъ обширномъ просторѣ болѣе свободно, болѣе безопасно со стороны внѣшнихъ враговъ. Въ такомъ случаѣ ихъ племенное единство, родство Славянъ, имѣло бы чисто теоретическое значеніе, какъ на пр. племенное единство латинскихъ, романскихъ народовъ. Но такой триализмъ не сталъ историческимъ фактомъ. Западные и южные Славяне раздробились на нѣсколько народовъ, мелкихъ и слабыхъ; ихъ историческая жизнь представляетъ *борьбу за существованіе* съ иноплеменными сильными народами, преимущественно Нѣмцами, и эта опасная и непосильная борьба кончается иногда гибелью или порабощеніемъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ иноплеменниками. Эта опасность придала теоретическому племенному родству Славянъ и практическое значеніе: мелкіе славянскіе народы стали уже давно въ общемъ

племенномъ родствѣ, въ *славянской идее*, искать опору и якорь спасенія, стали во имя этого родства и въ избѣжаніе порабощенія иноплеменниками, искать и силу въ сближеніи и единеніи.

Славянская идея служила для Славянъ западныхъ и южныхъ нравственною опорою въ ихъ національномъ возрожденіи, сопровождаемомъ всевозможными затрудненіями и препятствіями. Славянская идея создала особую науку, славяновѣдѣніе — славистику, сравнительное изученіе языковъ и литературъ, быта, исторіи славянскихъ народовъ. Славянская идея, составляя для Славянъ важную нравственную поддержку въ дѣлѣ ихъ возрожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ дала поводъ и къ разнымъ разсужденіямъ и мечтаніямъ въ области культурной и политической жизни Славянъ. Славяне начинаютъ обмѣниваться мыслями, мечтаніями, надеждами, высказывать ихъ въ литературѣ, въ стихахъ, въ практической жизни, въ сеймахъ, на съѣздахъ (на пражскомъ 1848-го года и московскомъ 1867-го года). Создаются идеалы, литературные, культурные, политическіе, мѣняются какъ въ калейдоскопѣ, лелѣются отдѣльными лицами, кружками, партіями, народами, не смотря на то, что дѣйствительность дотрогиваясь до нихъ, очень часто разрушаетъ ихъ безпощадно, выставляетъ ихъ воздушными замками, обзываетъ ихъ фата моргана, безжалостно глумится надъ ними и жестоко ихъ преслѣдуетъ. Но идеалы все таки создаются, передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, и это важно въ развитіи каждой *великой идеи*. „Zu einer Nation, der slawischen, gehörend, stehen wir doch immer in einiger Verbindung der Sprachverwandschaft. Wir wollen die Vorsehung über die Schicksale der Völker walten lassen. Vielleicht liegt es in ihrem Plane, die Völker von einerlei Abkunft, nach unendlichen Abweichungen und Verirrungen, wiederum einst zu vereinigen“. Эти замѣчательныя слова высказалъ уже въ концѣ прошлаго вѣка, не славянскій поэтъ, а великій патріархъ славяновѣдѣнія, Іосифъ Добровскій.

Идея народности овладѣла въ новѣйшее время всѣмъ историческимъ развитіемъ народовъ; она разрушаетъ государства старыя и создаетъ новыя, и собираетъ разбредшіяся и разорванныя части одного народа въ одно политическое цѣлое. Народность,

національний моментъ, выражаемый на этнографическихъ картахъ—вотъ главный въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ двигатель жизни народовъ. Идея народности, проникающая всю жизнь славянскихъ народовъ, тѣсно связана съ славянскою идеею. Событія въ Италіи и Германіи, состоявшіяся подъ знаменемъ идеи народности, живо отразились и въ славянскомъ мірѣ, преимущественно въ Австріи и Турціи, а событія послѣдняго десятилѣтія на балканскомъ полуостровѣ заставляютъ Славянъ и не-Славянъ безъ умолку разсуждать о славянской идеѣ, о славянскомъ вопросѣ, о панславизмѣ и пр. Болгаре стремятся къ соединенію всѣхъ болгарскихъ земель, Сербы желали бы тоже соединенія всѣхъ сербскихъ земель, и пр. Славянская идея, хотя она, въ сравненіи съ предыдущими временами возрожденія Славянъ, выяснилась въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, все таки по прежнему даетъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ, понимается и рѣшается чрезвычайно разнообразно, все еще болѣе субъективно, чѣмъ объективно, болѣе чувствами, симпатіями, чѣмъ умомъ и разсудкомъ, съ точки зрѣнія разныхъ мечтаній, теорій и доктринъ, кружковъ и партій, какъ славянская взаимность, какъ вопросъ духовный, лингвистическій и литературный, культурный, религіозный, или какъ вопросъ политическій, какъ славянская федерація или единая монархія, какъ „панславизмъ“, какъ соединеніе всѣхъ Славянъ подъ главенствомъ Россіи, что по представленіямъ нѣкоторыхъ народовъ западной Европы, особенно Нѣмцевъ, составляетъ угрозу европейской цивилизаціи и побѣду варварства, и пр. и пр. Вообще „славянская идея“ еще не строго формулирована, да и не можетъ быть еще формулирована; представленія о ней смутны, запутаны, сбивчивы, они еще не установились, не кристаллизовались. Все это понятно при вопросѣ столь сложномъ, щекотливомъ и незрѣломъ, трактуемомъ по необходимости осторожно и сдержанно, съ недомолвками и съ задними мыслями, разсматриваемомъ пока болѣе фантазерами, дилетантами, теоретиками, доктринерами, литераторами, чѣмъ государственными людьми и практическими политиками. По этому и неизбѣжны всѣ тѣ безконечные споры и недоразумѣнія, пререканія, раздраженія, разочарованія между самими Славянами,

по поводу „славянскаго вопроса“, этого хаоса, этой *rudis indigestaque moles*. Но дѣло тутъ не въ разныхъ мнѣніяхъ и фантазіяхъ на счетъ славянскаго вопроса, хаотическое состояніе котораго можетъ мигомъ разсѣяться отъ одного луча свѣта; важно то, что *славянская идея* все *существуетъ*, не только въ умахъ образованныхъ Славянъ, а тоже въ болѣе широкихъ кружкахъ славянскихъ народовъ. Славяне, правда, продолжаютъ, по прежнему, ссориться другъ съ другомъ, наносить себѣ удары и вредъ, служить иноплеменникамъ и ихъ интересамъ, дѣлая это волей неволей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжаютъ тоже думать, мечтать, и на сколько хватитъ средствъ, разсуждать о „славянской идеѣ“. Вспомнимъ только славянскіе съѣзды пражскій 1848-го г. и московскій 1867-го г., польское возстаніе 1863-го г., восточныя войны 1853—1856 и 1875—1878 г., сербско-болгарскую войну 1885-го года; какія мысли и разсужденія о славянскомъ вопросѣ, какія волненія во всемъ славянскомъ мірѣ породили всѣ эти событія!

Славянская идея въ разныхъ своихъ фазисахъ составляетъ соединяющее звено въ исторіи славянскихъ народовъ. Прослѣдить эту славянскую идею въ взаимныхъ отношеніяхъ и связяхъ Славянъ, на сколько она является въ литературѣ и въ жизни практической, политической и культурной, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ: вотъ задача этого моего труда.

Первый томъ посвящается очерку исторіи Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. Въ этомъ вѣкѣ политическое положеніе Славянъ выяснилось; западные и южные Славяне лишились окончательно политической самостоятельности (паденіе Польши), и сдѣлались подданными Нѣмцевъ; славянская независимость сохранилась на Руси, которая, послѣ успѣшной борьбы съ Польшею изъ-за первенства въ восточной Европѣ, сдѣлалась единственнымъ самостоятельнымъ славянскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ вліяетъ мало по малу на судьбы южныхъ и западныхъ Славянъ; начинается возрожденіе Славянъ западныхъ и южныхъ при помощи славянской идеи, возникаетъ, по почину безсмертнаго Іосифа Добровскаго, славистика-славяновѣдѣніе, наука сдѣлавшая очень много въ дѣлѣ дальнѣйшаго сближенія

и единенія Славянъ. Такимъ образомъ на рубежѣ XVIII—XIX вв. начинается новая эпоха въ исторіи Славянъ.

Политическая исторія Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. не могла быть разсматриваема какъ одно цѣлое, какъ одна исторія Славянъ; въ слѣдствіе слишкомъ далеко дошедшаго ихъ разъединенія, надо было разсматривать уже исторію отдѣльныхъ народовъ славянскихъ. Представляя очеркъ исторіи славянскихъ народовъ, я ограничился только самыми выдающимися, знаменательными фактами. На нѣкоторые вопросы древнѣйшей исторіи Славянъ смотрю иначе, чѣмъ другіе историки, и считаю западныхъ и подунайскихъ Славянъ автохтонами ихъ странъ. Внутренній бытъ Славянъ могъ быть разсматриваемъ какъ одно славянское цѣлое, такъ какъ здѣсь общія всѣмъ Славянамъ черты еще преобладаютъ надъ чертами въ жизни отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и надъ принятыми чужими учрежденіями. Въ очеркѣ исторіи и быта Славянъ первое мѣсто отведено русскому народу, какъ первому по числу и значенію славянскому народу, отстоявшему себѣ не только политическую самостоятельность, но сохранившему и бытовыя черты славянскія больше, чѣмъ остальные славянскіе народы. Надѣюсь, что моя книга найдетъ не однихъ только читателей русскихъ а тоже изъ другихъ Славянъ, которые привыкли уже черпать свои свѣдѣнія объ общеславянскихъ вопросахъ преимущественно изъ русской литературы. Приводя литературу славянской исторіографіи, я ограничился только самыми важными сочиненіями, особенно такими, въ которыхъ приведена библіографія предмета. Болѣе подробныя свѣдѣнія по библіографіи славянской исторіи вообще, и по вопросамъ литературнымъ и другимъ, можно найти въ важномъ трудѣ Пыпина и Спасовича: Исторія славянскихъ литературъ. Во второмъ томѣ своего сочиненія поговорю о сознаніи племеннаго единства у Славянъ въ литературѣ, въ третьемъ—объ отношеніяхъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ другъ къ другу, въ четвертомъ — о возрожденіи Славянъ и о развитіи славянской идеи за послѣднее столѣтіе. Эта програма моего труда опредѣляетъ его отношеніе къ моей книгѣ „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в.“ (Петербургъ, 1874), которую

считаю только попыткой по данному вопросу и рамкою для настоящего своего труда. Историческое введение, составляющее этот первый томъ (стр. 208), наполняетъ въ той моей книгѣ всего 35 страницъ. За указаніе пробѣловъ, промаховъ и недостатковъ буду благодаренъ.

Желаю, чтобъ этотъ мой трудъ способствовалъ, на сколько это возможно, укрѣпленію славянской идеи у Славянъ западныхъ и южныхъ, для которыхъ наступаютъ тяжелыя времена, и среди русскаго народа. Кому больше дано, съ того больше и спросится. Если съ одной стороны славянская идея считается западными и южными Славянами якоремъ спасенія, то съ другой стороны важность и значеніе ея и для Россіи съ каждымъ днемъ все больше выясняется и усиливается. „Славянский вопросъ“, т. е. выясненіе и опредѣленіе будущей судьбы Славянъ западныхъ и южныхъ, все настойчивѣе и громче стучится въ ворота великой восточно-славянской имперіи, неумолимо требуя для себя вниманія всѣхъ кружковъ русскаго народа. Отворачиваться отъ этого вопроса, игнорировать его, отпираться отъ него, глумиться надъ нимъ, проклинать его—все это совершенно немѣстно и напрасно. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ-то сентиментальныхъ чувствахъ и слезливыхъ симпатіяхъ въ „братушкамъ“, а касается самыхъ существенныхъ, реальныхъ, жизненныхъ интересовъ Россіи, и требуетъ всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Каждый истый Славянинъ, не только на востокѣ, но и на западѣ и на югѣ, понимаетъ все значеніе словъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, высказанныхъ недавно по поводу сербско-болгарскаго столкновенія, что ОНЪ „глубоко опечаленъ братоубійственной войною между славянскими народами“.

Варшава, 25 декабря 1885 года, въ годъ
тысячелѣтней памяти о кончинѣ св. Меѳодія.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНЪ

ДО XVШ ВѢКА.

Kości z kości ojców naszych ród jeden składamy,
I jednym wszędzie duchem oddychamy.

Woronicz.

І.

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНЪ ¹⁾.

Народы, извѣстные въ послѣдствіи подъ названіемъ *Славянъ* (Словѣне, Словяне, Словене, Словине),—отрасль великаго племени арійскаго или индоевропейскаго, поселившагося въ средней Азіи. Оттуда двинулись еще въ доисторическія времена многіе народы на западъ въ Европу. На крайнемъ западѣ поселились *Галы* или *Кельты*, на югѣ въ Италіи *Латины*, между которыми первенствующее мѣсто заняли *Римляне*; дальше на балканскомъ полуостровѣ *Иллиры*, *Тракійцы*, *Еллины* или *Греки*; среднюю Европу глубоко на сѣверъ въ Скандинавію заняли *Нѣмцы*, и на востокъ отъ нихъ поселились *Славяне* и *Литовцы*. Это переселеніе арійскихъ народовъ въ Европу состоялось въ теченіи многихъ вѣковъ, и новымъ пришлецамъ надо было бороться съ древними жителями тѣхъ странъ, равнымъ образомъ какъ и Аріямъ, двигающимся на югъ въ Индію, пришлось бороться съ тамошними жителями. Славяне и Литовцы столкнулись съ древними жителями восточной Европы, съ Чудью или Финнами.

Славяне поселились въ обширныхъ земляхъ отъ адриатическаго моря черезъ альпійскія и полабскія страны до моря балтійскаго, и черезъ подунайскія страны на сѣверъ и на востокъ за

---

¹⁾ Šafařík: Slovanské Starožitnosti (1837, переводы русскій, польскій и нѣмецкій). Ср. нашу статью: Slavische Völkernamen (Archiv für slav. Philologie VII, VIII).

Карпаты до Двины и до Днѣпра. Эти земли означались у древнихъ Грековъ и Римлянъ географическими названіями: земля адриатическихъ Венетовъ, Норикъ, Ретія, Винделикія, восточная Германія, Панонія, Дакія, Скиѳія, Сарматія. Славяне сосѣдили на югѣ съ Латинами и Галами сѣверной Италіи, по которымъ всѣ Италіи (въ томъ числѣ также Римляне) у Славянъ назывались Влахи (Влохи, Волохи), какъ и до сихъ поръ Италія и Итальянцы называются у Словенцевъ, Чеховъ и Поляковъ (Лахи, Влахи, Влохи), и вообще у Славянъ люди латинскаго, романскаго происхожденія, особенно восточные (Влахи, Волохи, Валахи). Въ подунайскихъ земляхъ Славяне граничили съ племенами иллирскими и еракійскими. На западѣ по рѣкѣ Лабѣ были Нѣмцы сосѣдами Славянъ, которые однако занимали отъ части и южную Германію до Рейна. На сѣверѣ по балтійскому морю, между Вислою и Двиною, жили ближайшіе соплеменники Славянъ, Литовцы; на сѣверѣ и востокѣ, по Двинѣ и по Днѣпру до Чернаго моря сосѣдами Славянъ были племена чудскія.

Славяне, какъ одна отрасль арійскаго племени, съ начала не имѣли одного названія. Въ древнѣйшія времена было у нихъ и у ихъ сосѣдей очень распространено названіе *Венеты* (*Венты, Анты*, у Нѣмцевъ *Венеды, Венды, Винды*), хотя это названіе не означало еще всѣхъ народовъ названныхъ въ послѣдствіи Славянами. Подъ названіями *Скиѳовъ, Сарматовъ* и *Дакѳовъ* (*Гетѳовъ*) скрываются несомнѣнно тоже славянскіе народы, хотя эти названія давались вообще разнымъ народамъ, обитавшимъ въ восточной Европѣ, въ черноморской и поднѣпровской *Скиѳіи* и *Сарматіи*, и въ подунайской *Дакіи*.

Названіе *Венеты* было распространено отъ адриатическаго моря, гдѣ жили Венеты, черезъ альпійскія страны около венетскаго озера (нынѣ боденскаго) въ землю Винделиковъ (Виндовъ на рѣкѣ Ликѣ, нынѣ Лехъ) и дальше въ земли полабскія и балтійскія, гдѣ жили Виндилы (Вандилы, Вандамы), на востокѣ въ Поднѣпровье въ Сарматіи, гдѣ обиталъ „великій народъ“ Венетовъ или позднѣйшіе „безчисленные“ Анты и восточно-руское племя Вятичей. Кажется, что это названіе объясняется славянскимъ ват — великій, и Венеты (Ваты, Вятичи) означали

велизаны, споли (исполины), споры (люди спорые); также и въ нѣкоторыхъ древненѣмецкихъ нарѣчїяхъ слово *ent* означаетъ исполина. Но со временемъ исчезаетъ названіе, Венеты у самихъ этихъ народовъ какъ болѣе общее названіе и ограничивается восточными племенами (Анты, Вятичи); только западные сосѣди, Нѣмцы, продолжаютъ называть своихъ славянскихъ сосѣдей *Виндами*, *Вендами*, отъ моря адриатическаго (Винды-Словенцы) до балтійскаго (Венды-полабскіе Сербы, балтійскіе Славяне, скандинав. Vindland); также и Чудь знаетъ это древнее названіе, означая имъ (*Вене*) своихъ славянскихъ сосѣдей, Русскихъ.

Адриатическіе Венеты, подпавши подъ власть Рима, рано олатинились, и латинскій языкъ распространялся потомъ, съ римскимъ господствомъ, тоже въ земляхъ альпійскихъ и подунайскихъ, въ Норикѣ, Панонїи, Дакии, гдѣ жили славянскія племена рядомъ съ другими. Уже древнѣйшія географическія названія въ тѣхъ странахъ имѣютъ отъ части славянскій характеръ: *Longaticum* (Лжгатецъ, нын. Логатецъ), *Saloca* (нын. Залова), *Bregetium*, *Serbetium*, *Pelso* (плесо т. е. озеро, нын. Блатно), *Metubaris* (островъ меѣу барами—между болотами), *Ulca—Volca* (рѣка Влька, нын. Вука), *Oseriatae* (племя около озера Блатна), *Breuci* (племя, нын. Брайцы), *Pessium* (Пешть), *Patissus* (Потисье), *Tsierna* (Черна), *Bersovia* (Брѣзава), *Bustricius* (Быстрица), и др. Также и имена нѣкоторыхъ лицъ тѣхъ странъ можно считать славянскими, а не непременно илирскими или кельтскими, напр. *Bussumarus*, *Brogimar*, *Jantumagus*, *Verbacius*, *Catusa*, и др. Латинскія слова въ славянскихъ языкахъ, именно въ языкѣ подунайскихъ Словѣнъ, *цѣсарь* (caesar) и *колада* (calendae), имя завоевателя Дакии, римскаго императора Траяна (*Трояна*) въ преданїяхъ южныхъ и восточныхъ Славянъ—указываютъ на болѣе продолжительныя сношенія Славянъ, именно подунайскихъ, съ Римлянами. Словѣнскія слова въ готскомъ языкѣ (*plinsjan*—пласати, *dulgs*—длѣгъ, *siponeis*—жупанъ, *plats*—платъ), и готскія слова въ словѣнскомъ языкѣ (*усеразъ*—*aushrings*, *врѣтоградъ*—*aurtigards*), указываютъ на продолжительное общее пребываніе Словѣнъ и Готовъ въ Дакии, гдѣ послѣд-

ніе являются въ III в. послѣ Р. Х., тѣхъ же самыхъ Словѣнъ, которые въ V вѣѣ употребляли напитокъ *медъ* и справляли похоронный пиръ *страву*. Память о борьбѣ подунайскихъ Славянъ съ Римлянами-Влахами (Волохами) и завоеваніи ими Дакии, сохранились долго въ преданіяхъ русскихъ, по которымъ оно и дало толчекъ къ выселенію многихъ славянскихъ (словѣнскихъ) племенъ изъ Подунавья на сѣверо-западъ въ балтійскія и на сѣверо-востокъ въ черноморскія, поднѣпровскія страны; также и по древнимъ чешскимъ и польскимъ преданіямъ праотцы Чеховъ и Ляховъ вышли изъ Подунавья, которое и считается матерью и гнѣздомъ всѣхъ Славянъ, отъ таинственнаго Дуная, играющаго извѣстную роль въ славянскихъ преданіяхъ. Это движеніе многихъ Славянъ отъ Дуная на сѣверъ могло происходить еще раньше римскихъ завоеваній, и Славяне могли здѣсь на сѣверѣ смѣшаться съ соплеменниками Венетами; этимъ можно объяснить двойное названіе для одного и того же народа, Венды у Нѣмцевъ, и Славяне у Славянъ.

Очень вѣроятно, что могущественные *Свевы*, обитавшіе во всей восточной Германіи, суть *Славяне* (Suevi, Slavi), какъ эти полабско-балтійскіе Славяне назывались и въ послѣдствіи (Slavi, Словене), да отъ части до сихъ поръ (поморскіе Словенцы, Словинцы). Названія многихъ свевскихъ племенъ имѣютъ славянский характеръ и встрѣчаются до позднѣйшихъ временъ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. *Рикаты* на рѣкѣ Те и Раваты въ поляхъ—позднѣйшіе *Ракоусы* на рѣкѣ Дыѣ и Ракоусы—Поляне (in den Bolanen); *Баимы*—позд. *Бои́мы*, *Боймане* (Boemi, Boemani); *Корконты*—позд. *Кръконоши*, названіе сохранившееся въ названіи горъ; *Луи*—позд. *Лужицы*; *Муилоны*—позд. племя около города *Моги́льна*; *Лини*—позд. полабскіе *Линюны*; *Виндилы* балтійскіе—позд. *Vindland*; *Варины*—позд. *Варны*; *Руи*—позд. *Ру́ианы*, *Ру́яне*; *Готоны*, *Гитоны*—позд. *Гѣданыя*, и пр. О славянскомъ характерѣ нѣкоторыхъ названій едва ли можно сомнѣваться: ракоусы, крѣконоши, варны (вороны)—прозвища племенъ, боймане—воины, луги, могила, и пр. По этому можно видѣть и въ *Маркоманахъ*—позд. *Моравянъ*, въ *Квадахъ*—какое нибудь племя Словаковъ, въ *Регудинахъ*—позд. *Редаровъ* (Рата-

рей) и пр. Южные Свевы, прилежащіе въ среднему Дунаю, бо-
ролись съ наступающими на нихъ Римлянами, которымъ при-
шлось выдерживать по Дунаю напоръ народовъ славянскихъ на
Норикъ, Панонію, и другія задунайскія земли, куда Славяне рас-
пространялись изъ потерянной Римлянами Дакии.

Въ восточной Европѣ, въ Скиѣи и Сарматіи жило много
славянскихъ племенъ. Въ „Скиѣахъ земледѣльцахъ и ратаяхъ“,
осѣдлыхъ по среднему Днѣпру, можно видѣть позднѣйшихъ *По-
лянъ* (кіевскихъ), въ *Сарматахъ* — *Сербовъ*, въ сарматскихъ
Роксаланахъ — *Рось* (*Русь*), въ *Неврахъ* — *Нуровъ*, Нурскую зе-
млю по рѣкѣ Нуру и Бугу, въ *Буланахъ* — *Полянъ* между Одрою
и Вислою, въ *Пльнитахъ* — жителей Пльнинъ, какъ называются до
сихъ поръ западные Карпаты (Хребты), въ *Бесахъ* — жителей кар-
патскихъ Бескидовъ, Бещадовъ, въ *Карвонахъ* — *Кревянъ*, *Криви-
чей*, въ *Саварахъ* — *Съверянъ*, въ сарматскихъ *Венетахъ* — *Ан-
товъ*, *Вятичей*, и пр. Въ подкарпатскихъ странахъ жили *Карны*
(*Карпіаны*), по всей вѣроятности *Хорваты* (*Хрѣваты*, *Карва-
ты*), которые часто воевали съ Римлянами по Дунаю, двигаясь
на югъ; подунайскіе *Сарматы*, воевавшіе съ Римлянами, по
всей вѣроятности *Сербы*, которые, вмѣстѣ съ Хорватами, двига-
лись тоже на югъ. Въ числѣ многочисленныхъ варваровъ, напа-
давшихъ на римскую имперію въ земляхъ подунайскихъ, несо-
мнѣнно было тоже много другихъ славянскихъ народовъ, которые
здѣсь дѣйствуютъ сообща съ нѣмецкими (Готами, Гепидами,
Лангобардами и др.), двигающимися съ востока, отъ Черноморья
и Дакии, на западъ.

Славяне подунайскіе и черноморскіе, не всегда живя
въ сильныхъ государствахъ въ родѣ древней Скиѣи или Дакии,
а часто пребывая въ политическомъ раздробленіи, дѣлались до-
бычей своихъ сосѣдей и другихъ чужихъ народовъ, прежде Рим-
лянъ, позже Готовъ, Гуновъ (Хуновъ). Послѣдніе, темнаго про-
исхожденія, освободили черноморскихъ Антовъ отъ господства
Готовъ и основали въ подунайскихъ странахъ сильное государ-
ство, находясь съ Славянами въ дружескихъ отношеніяхъ. По
смерти гунскаго царя Атилы распалось гунское государство;
часть карпатскихъ и подунайскихъ Славянъ очутилась подъ вла

стью *Обровъ* (*Аваровъ*), память о которыхъ проклиналась еще въ позднѣйшія времена на южной Руси, между тѣмъ какъ у западныхъ Славянъ ихъ названіе приняло значеніе исполина (обръ, обринъ, оборъ).

Съ VI вѣка подунайскіе Славяне (Словѣне) становятся для восточно-римскаго царства все болѣе страшнымъ врагомъ, распространяясь за Дунай, въ Далмацію, Мизію, Фракію, Македонію, и дальше до самой Греціи. Такимъ образомъ балканскій полуостровъ сдѣлался по большей части славянскимъ; давно ороманиженные жители тамошнихъ странъ, Влахи, покорены, или вытѣснены въ горы, или наконецъ ославянились; славянское вліяніе коснулось тоже потомковъ Илировъ и Эпиротовъ, Албанцевъ (Шеипетаровъ), и отъ части также Грековъ. Съ другой стороны имя Славянъ дѣлается болѣе извѣстнымъ и на западѣ, на границѣ Италіи, въ альпійскихъ странахъ, и дальше въ земляхъ полабскихъ и балтійскихъ. Наконецъ имя Славянъ распространилось и на востокъ, вытѣсняя имя Антовъ.

Такимъ образомъ имя „Славяне“ (Словѣне, Словене, Словине) сдѣлалось общимъ названіемъ всего великаго племени арійскаго, которое прежде было извѣстно по большей части подъ именемъ Венетовъ. Нѣкоторые племена употребляли имя „Славяне“ тоже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Альпійскіе Словенцы, панонскіе и дакійскіе и византійскіе Словѣне, адриатическіе Словине, — всѣ они говорили на языкѣ „словенскомъ, словѣнскомъ, словинскомъ“, хотя они и назывались Хорутане, Хорваты, Захолмяне, Сербы, Сѣверяне, Бръзяни, Езеричи и пр. Нѣкоторые изъ нихъ только въ послѣдствіи стали говорить тоже на языкѣ „хорватскомъ“ и „сербскомъ“; между тѣмъ хорутанскіе и др. Словенцы говорятъ до сихъ поръ по-словенски (= нѣмецъ. windisch), далматскіе Словине (Хорваты и Сербы) писали до недавна по-словински, и словѣнскій (словенскій) языкъ подунайскихъ Словѣнъ раздается, хотя въ измѣненномъ видѣ, въ церквахъ южныхъ и восточныхъ Славянъ до сихъ поръ. Равнымъ образомъ и западные Славяне, полабскіе и балтійскіе, хотя они и назывались Ободричи, Лютичи, Стодоряне, Поморяне и пр., свой языкъ называли не иначе какъ „словенскимъ“, и такъ его

называютъ послѣдніе ихъ остатки, поморскіе Словинцы, что Нѣмцы всегда называли Wenden, wendisch. Между тѣмъ у полабскихъ Сербовъ (нѣм. тоже Wenden), у ближайшихъ соплеменниковъ балтійскихъ Славянъ, Ляховъ—Полянъ, у Чеховъ, являются языки „сербскій“, „польскій“, „чешскій“; а ближайшіе соплеменники Чеховъ, подкарпатскіе Словаки называютъ свой языкъ до сихъ поръ „словенскимъ“. На востокъ, по Днѣпру и по Двинѣ, новгородскіе Словѣне (Словене) сохранили это свое частное названіе до XII в.; они и остальные славянскія племена на востокъ, Кривичи, Дреговичи, Дулѣбы, Волыняне, Деревляне, карпатскіе Хорваты, Тиверцы, Угличи, Поляне (кіевскіе), Сѣверяне, Вятичи и др., рано приняли общее названіе *Русь*, другое названіе кіевскихъ Полянъ. Русскіе Славяне, часть которыхъ производила себя отъ подунайскихъ Славянъ, двигались все на сѣверо-востокъ въ земли чудскія, которыя дѣлались русскими.

Огромно было пространство, занимаемое Славянами въ VI и VII вв.: они заселяли среднюю, юго-восточную и восточную Европу, начиная съ Лабы, средняго Дуная и Альпъ глубоко на востокъ за Днѣпръ къ верховьямъ Волги и Дона, и отъ балтійскаго моря и ильменскаго озера на югъ къ морямъ Черному, эгейскому и адриатическому. Кромѣ того Славяне жили тоже въ южной Германіи до Рейна, дальше въ Малой Азіи, Сиріи, въ сѣверной Африкѣ, Испаніи, Сициліи, въ арабскихъ владѣніяхъ. Это распространеніе Славянъ поражаетъ иностранцевъ; уже въ VI в. они называютъ Славянъ народомъ многочисленнымъ, поселившимся въ чрезмѣрныхъ пространствахъ (*per immensa spatia Venetarum natio populosa consedit*), народомъ безмѣрнымъ (*ἰδὼν τὰ Ἀντὼν ἄμετρα*); въ IX в. они называютъ Славянъ не рожденными а посѣянными (*Suevi non sunt nati sed seminati*); да одному нѣмцеому лѣтописцу XII в. казалось, что разросшагося славянскаго народа нельзя даже сосчитать (*eousque latitudo slavicae linguae succrescit, ut paene careat aestimatione*). Но съ другой стороны одинъ Арабъ X в. замѣтилъ, что еслибъ Славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ; а еще раньше, ок. 600 г., Византійцы замѣтили о южныхъ Славянахъ, что они не терпятъ никакого повелителя

и преслѣдуются взаимной ненавистью; ни въ чемъ они между собой несогласны, и если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою (византійскую) сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ.

Это раздробленіе Славянъ и было причиною, что не всѣ славянскіе народы успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему развитію. Успѣли въ этомъ только тѣ народы, которымъ удалось создать *государства*, и такимъ образомъ возвыситься надъ первобытною жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ, племенъ, другъ отъ друга независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли на продолжительное время только два государства, *чешское*—въ слѣдствіе присоединенія племенъ по верхней Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ къ пражскимъ Чехамъ, и *польское*—въ слѣдствіе присоединенія племенъ по Вислѣ и верхней Одрѣ къ Полянамъ на Вартѣ. У остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей, соединить нѣсколько племенъ подъ сильною центральною властью, не имѣли продолжительныхъ успѣховъ; такъ это было у полабско-балтійскихъ Славянъ, *моравское* же государство, зачатки котораго теряются въ отдаленныхъ временахъ, тоже исчезаетъ слишкомъ рано. У южныхъ Славянъ, именно у *Словенцевъ, Хорватовъ и Сербовъ*, основаны государства своими князьями, между тѣмъ какъ византійскіе Словѣне соединены въ государство чужими, урало-финскими *Бомарами*, которые однако скоро ославились, оставивъ Словѣнамъ одно свое названіе. Восточные Славяне по нижнему Днѣпру (Анты) сгруппировались вѣроятно уже рано около кievскихъ Полянъ или *Руси*; эта Русь соединилась позже съ сѣверными Славянами, гдѣ основали свое княжество скандинавскіе Варяги; варяжскіе же князья, скоро ославянившись, собрали въ теченіи X вѣка всѣ восточно-славянскія племена въ одно государство, *Русь*.

Принятіе *христіанства* составляетъ въ исторіи всѣхъ народовъ событіе очень важное для ихъ дальнѣйшаго развитія; у Славянъ же послѣдствія этого событія оказались чрезвычайно

важными, даже роковыми. Сосѣди Славянъ на югѣ и на западѣ, Греки, Итальянцы (Римляне) и Нѣмцы, сдѣлались христіанами раньше, чѣмъ Славяне, и стремились распространять христіанство у этихъ своихъ сосѣдей. Первые зачатки христіанства у Славянъ южныхъ и западныхъ не могли быть очень прочны, благодаря греческимъ, латинско-римскимъ и нѣмецкимъ мисіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка или знавшимъ его плохо; кромѣ того эти мисіонеры, преимущественно Нѣмцы, сдѣлались Славянамъ ненавистны какъ помощники свѣтской власти въ ея стремленіяхъ покорить себѣ Славянъ. По этому моравскій князь *Ростиславъ* и блатенскій князь въ Паноніи *Коцелъ*, сами уже христіане латинскаго обряда принятаго изъ Германіи, желая освободиться отъ всякой духовной опеки Нѣмцевъ, обратились въ Царьградъ, прося учителей для своихъ Славянъ. Братья *Константинъ (Кириллъ)* и *Меводій*, уроженцы Солуны, знатоки словѣнскаго языка, взялись за это дѣло, перевели церковныя книги на понятный всѣмъ подунайскимъ и задунайскимъ Словѣнамъ (Паноніи, Дакіи, Мизіи, Фракіи и Македоніи) языкъ, для котораго устроили письмо греческое. Такимъ образомъ, благодаря безкорыстной дѣятельности обоихъ апостоловъ и ихъ учениковъ, при помощи „словѣнскаго языка“ понятнаго и другимъ Славянамъ, христіанство утвердилось и распространилось во второй половинѣ IX вѣка у Славянъ западныхъ, Моравянъ, Чеховъ, Сербовъ и южныхъ Ляховъ, на югѣ у всѣхъ Словѣнъ въ Паноніи, Дакіи, Болгаріи и Византіи, у Хорватовъ и Сербовъ и наконецъ, въ X в., и на Руси. Нельзя сомнѣваться, что, еслибы единство христіанской церкви сохранилось, то важный подвигъ и трудъ обоихъ славянскихъ апостоловъ сдѣлался бы на всегда общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, и „словѣнскій языкъ“ сталъ бы важнымъ символомъ славянскаго единства не только церковнаго, но также литературнаго.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распада христіанской церкви на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба изъ за первенства между Римомъ и Царьградомъ. Эта борьба сдѣлалась для Славянъ роковою и рѣшающею ихъ дальнѣйшее развитіе. Славяне южные и западные находились

какъ разъ на рубежѣ обоихъ патріархатовъ, римскаго и царьградскаго; когда же расколъ между церквами западной латинской и восточной греческой упрочился, то эта борьба цервей и ея послѣдствія воснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная римская церковь должна была по большей части уступить восточной царьградской, въ которой примкнули Болгаре и — послѣ долгихъ колебаній — также Сербы, и въ послѣдствіи Русскіе. Въ римско-католической церкви примкнули Хорваты и Словенцы, Чехи и Моравяне съ Словаками, и Поляки, послѣдніе при содѣйствіи Чеховъ. Словѣнское богослуженіе, допускаемое нѣкоторыми папами, но преслѣдуемое нѣмецкимъ духовенствомъ, свирѣпо нападавшимъ на моравско-панонскаго архіепископа Мееодія и на его учениковъ, — у западныхъ Славянъ скоро исчезло совсѣмъ; у Хорватовъ же и вообще у адриатическихъ Югославянъ оно хотя тоже преслѣдовалось, но всетаки сохранилось и существовало рядомъ съ господствующимъ латинскимъ богослуженіемъ. Такимъ образомъ, церкви чешская и польская, словенская и хорватская, сдѣлались частями церкви западной, римско-латинской, и народы чешскій и польскій, словенскій и хорватскій, вошли въ кругъ народовъ западной Европы и ея культуры; въ церквахъ же чешской и польской восторжествовало латинско-нѣмецкое духовенство, и исполнились его угрозы, что западные Славяне, захотятъ-ли или не захотятъ, будутъ подчинены власти нѣмецкихъ епископовъ. Торжествомъ христіанства у Нѣмцевъ и у Славянъ рѣшена судьба полабскихъ и балтійскихъ Славянъ язычниковъ: они должны были сдѣлаться христіанами или, какъ язычники, быть истреблены.

Въ церковному и культурному раздвоенію Славянъ присоединились и другія обстоятельства, которыя еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенесши римскую императорскую корону на королей франкскихъ и нѣмецкихъ приобрьли себѣ въ нихъ могучихъ союзниковъ для распространенія своей власти. Императоры „священной римской имперіи нѣмецкаго народа,“ сами по себѣ, какъ Нѣмцы, завоевательные „всегда умножители имперіи“, считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, вѣрсту и мечу, разные

народы. Сверхъ этой опасности со стороны римско-нѣмецкаго креста и меча нагрянула на разрозненныхъ Славянъ новая гроза съ востока: урало-финскіе *Угры (Мадьяры)* вторглись въ древнюю Дакію и Панонію, подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ, и основали (ок. 900 г.) на развалинахъ Великой Моравы и преддунайской Болгаріи свою державу, которая не ослаблялась а осталась угорскою, и применила къ западной церкви. Послѣдствіемъ основанія угорскаго королевства въ подунайскихъ странахъ было отдѣленіе Славянъ южныхъ отъ западныхъ и преданіе этихъ послѣднихъ наступательной политикѣ римско-нѣмецкой имперіи.

Борьба обоихъ сосѣднихъ племенъ, славянскаго и нѣмецкаго, сопровождается обоюдной племенной враждой и ненавистью, причины которыхъ кроются въ доисторическихъ временахъ. Эта племенная вражда является съ самаго начала столетовъ Славянъ и Нѣмцевъ, и повела къ непрерывнымъ, страшнымъ и доселѣ не конченнымъ войнамъ; она проявляется сильнѣе у тѣхъ Славянъ, которые жили въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Нѣмцами, у Чеховъ, Поляковъ и полабско-балтійскихъ Славянъ; ея не смягчило и христіанство; Нѣмцы, по какой-то врожденной имъ гордости и надменному высокомѣрію, не переставали презирать Славянъ и ихъ языкъ—такъ замѣчаетъ чешскій лѣтописецъ XII вѣка, Косьма. Сношенія Славянъ западныхъ и отъ части также южныхъ и восточныхъ съ Нѣмцами—представляютъ собой цѣлый рядъ столетовъ обоихъ племенъ, наступающаго нѣмецкаго и отступающаго славянскаго, которое очутившись въ особомъ положеніи должно было прежде всего отстаивать свой бытъ, бороться за свое существованіе. Черты политической жизни славянской: безграничная любовь къ свободѣ, нежеланіе подчиниться центральной власти, внутреннія междоусобицы—повели за собой политическую слабость, и помѣшали созданію сильнаго государства въ сосѣдствѣ и по примѣру Нѣмцевъ; эти, слѣдуя своей жадѣ завоеваній, сосредоточенные подъ сильной властью, бросались на своихъ вѣковыхъ разрозненныхъ враговъ, добываясь—по словамъ одного нѣмецкаго лѣтописца X вѣка—славы и великой и обширной державы, между тѣмъ какъ Славяне сражались за свободу и для избѣжанія крайняго рабства.

Большимъ несчастьемъ для западныхъ Славянъ было то, что имъ не удалось созданіе сильнаго государства, которое могло бы съ успѣхомъ вести борьбу съ сильною имперіею римско-нѣмецкою. Всѣ такія большія западно-славянскія государства распадались со смертію своихъ основателей. Во второй половинѣ IX вѣка *моравскій князь Святополкъ* стремился къ соединенію западныхъ Славянъ, и съ успѣхомъ боролся съ Нѣмцами, которые должны были призвать на помощь Угровъ (Мадыаръ), съ тѣхъ поръ вѣрныхъ своихъ союзниковъ противъ Славянъ. Роль моравскихъ князей восприняли, послѣ паденія Великой Моравы, *чешскіе Болеславы*, которые распространили свое владычество глубоко на востокъ въ карпатскія страны до границъ Руси. Непродолжительно было тоже западно-славянское государство, основанное преемникомъ чешскихъ Болеславовъ, *польскимъ Болеславомъ Храбрымъ* (992—1025). Этотъ сильный князь славянскій хотѣлъ избрать чешскую Прагу центромъ своего государства, которое должно было заключать въ себѣ всѣхъ западныхъ Славянъ, Поляковъ, Поморянъ, Лютичей, Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Подъ ударами этого „грознаго Славянина“, „ревущаго льва“, „ядовитаго змѣя“—такъ честили Болеслава его современники Нѣмцы — падали ницъ нѣмецкія войска, дрожала вся римско-нѣмецкая имперія, не смотря на то, что явились ей нечаянно союзники посреди Славянъ, Лютичи и Чехи. Но со смертію Болеслава исчезаетъ это западно-славянское государство, и его возобновеніе уже не удастся чешскому князю *Брячиславу* (1039 г.). Западные Славяне съ тѣхъ поръ проводятъ довольно скромную жизнь, заслоненные сильною Германіею; въ ней должны были применить Чехи, хотя они пользовались въ ней исключительнымъ положеніемъ. Но и на Польшу имѣли притязанія многіе римско-нѣмецкіе императоры; Поляковъ спасла большая отдаленность и борьба Нѣмцевъ съ полабскими и балтійскими Славянами, которою долго занималась экспансивная сила нѣмецкая.

II.

СЛАВЯНЕ БАЛТІЙСКІЕ И ПОЛАБСКІЕ ¹⁾).

Балтійскіе и полабскіе Славяне занимали балтійское по-морье между нижнею Лабою и Вислою, и земли между среднею Лабою и Одрою. На сѣверо-западѣ жили *Ободричи* въ нынѣш-немъ Мекленбургѣ и смежныхъ полосахъ Люнебурга и Голь-штейна (Вагры, Полабяне, Древяне, Лингоны, Варны), между Лабою и Одрою *Велеты* или *Лютичи* (Чрезпѣняне, Ратари, Ра-не, Укряне, Стодоряне, Брижане и др.), между Одрою и Вислою *Поморяне*. Эти три главныя племена балтійско-славянскія со-ставляли часть великаго народа *Лятовъ*; восточная его половина по Одрѣ и Вислѣ, Слззаны, Хорваты, Поляне, Мазовшаны, и то-

---

¹⁾ Главный источникъ исторіи этихъ Славянъ—нѣмецкія *мѣ-тописи* (Видукиндъ, Тятмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, біографіи Отто-на Бамбергскаго и др.), изданныя въ Monumenta Germaniae hi-storica; *грамоты* въ дипломатаріяхъ касающихся исторіи сѣверовос-точной Германіи (Meklenburg. Urkundenbuch, Codex diplomat. Bran-denburg., Codex diplomat. Pomeraniae, Codex dipl. Saxoniae, Cod. dipl. Lusatiae, и др.). Изъ общихъ истор. сочиненій приводимъ: Giesebrecht: Wendische Geschichten (1843), Гильфердингъ: Исторія балт. Славянъ (1874, 2. изд.), Павинскій: Полабскіе Славяне (1871), Первольфъ: Германизация балт. Славянъ (1876), Sieniawski: Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-północnych (1881), Jenč: Stawizny serbs- kjeje ryčje a narodnošje (Časopis Maticej Serbskjeje 1849—1854), Bogusławski: Rys dziejów serbo-łrzyckich (1861), Bogusławski a Hór- nik: Historija serbskeho naroda (1884), Andree: Wendische Wander- studien (1874).

же восточные Поморяне, сгруппировались около племени Полянъ, и составили народъ польскій; между тѣмъ у западныхъ Ляховъ упрочилось раздробленіе племенъ, не создалося политическое и народное единство. Полабскіе *Сербы* (Мильчане, Лужичане, Гломачи, Нишане, и др.) не были частью этихъ Ляховъ, и при-мыкали къ сосѣднимъ Чехамъ; но ихъ исторія составляетъ часть исторіи западныхъ Ляховъ.

Главное содержаніе исторіи Славянъ балтійско-полабскихъ— это непрерывная упорная борьба съ нѣмецкимъ племенемъ, съ Нѣмцами на западѣ и съ Норманами (Варягами) на сѣверѣ. Вѣковая борьба между Славянами и Нѣмцами пріобрѣла, послѣ крещенія Нѣмцевъ, Датчанъ и Шведовъ, еще другой характеръ: къ племенной враждѣ присоединилась тоже вражда религіозная. Славяне упорно держались вѣры отцовъ и не хотѣли ея замѣнить новою вѣрою христіанскою, по очень понятнымъ причинамъ. Апостолами ученія Христа являлись нѣмецкіе епископы и священники, которые, окруженные ратниками, сами держали въ одной рукѣ крестъ а въ другой мечъ; они принуждали Славянъ отречься отъ Сватовита и поклониться святому Виту, пѣть вмѣсто старинныхъ славянскихъ молитвъ и пѣсней греческо-латинское „*Kyrie eleison*“, что Славяне съ насмѣшкою превращали въ „у ери вольса“ (въ кустѣ ольха); они принуждали Славянъ платить епископамъ дань-бископовницу. Вооруженные товарищи этихъ апостоловъ лишали Славянъ свободы, налагали на нихъ дань императору-королю, герцогамъ (войводницю), мар-графамъ и пр. Неудивительно, если Славяне изъ всѣхъ силъ стремились прогнать такихъ незваныхъ гостей, которые одна-ко не переставали навязываться.

Но борьба обѣихъ воюющихъ сторонъ не была равносильна. Нѣмцы и Датчане наступали на Славянъ соединенными силами подъ предводительствомъ своихъ королей, стремясь къ завѣтной цѣли, къ покоренію Славянъ язычниковъ. Между тѣмъ на дру-гой сторонѣ, между Славянами, не прекращались войны и междо-усобицы, не возникло на болѣе продолжительное время сильное государство, которое было бы въ состояніи успѣшно бороться съ Нѣмцами и Датчанами. Къ польскому государству Болеслава

Храбраго применили Сербь, но не Лютичи; эти послѣдніе помогали даже своимъ заелатымъ врагамъ, Нѣмцамъ, противъ Болеслава, такъ что этотъ неестественный союзъ славянскаго бога Сварожича съ христіанскимъ покровителемъ Саксовъ, св. Маврикіемъ, вызвалъ громкое порицаніе со стороны одного нѣмецкаго мисіонера. Наконецъ, сами христіанскіе Поляки и Чехи иногда считали своею обязанностью помогать христіанскимъ Нѣмцамъ противъ языческихъ своихъ соплеменниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться, что Славяне погибли въ неравной борьбѣ, что на ихъ могилахъ Нѣмцы побѣдители водрузили крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свой мечъ.

Побѣдитель и креститель Саксовъ, франкскій король и позже римскій императоръ *Карл*, повелъ нѣмецкія племена противъ западныхъ Славянъ, которые покорены. Онъ и его преемники хозяйничали въ земляхъ своихъ славянскихъ данниковъ, назначая имъ князей по своему усмотрѣнію. Впрочемъ къ такому вмѣшательству въ внутреннія дѣла Славянъ побуждали Нѣмцевъ сами же Славяне, недовольные своими князьями и призывая Нѣмцевъ другъ противъ друга. Распаденіемъ франкской державы Славяне не воспользовались, какъ слѣдовало; они отказывались отъ дани, постоянно воевали съ новымъ своимъ сосѣдомъ, нѣмецкимъ королемъ: но всѣ ихъ военные подвиги лишены обдуманнаго плана и ограничивались битвами отдѣльныхъ славянскихъ племенъ съ Нѣмцами. Кратковременно было соединеніе полябскихъ Сербовъ съ Великой Моравой Святопола. Нѣмецкое владычество упавшее въ IX вѣкѣ въ полабскихъ странахъ, возобновлено въ первой половинѣ X вѣка при короляхъ Генрихѣ и Оттонѣ, и упрочено устройствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ графствъ (маркъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіемъ епископій въ Альденбургѣ (Старгардѣ), Гавельбергѣ, Бранденбургѣ, Мерзебургѣ (Мезиборѣ), Жичѣ и Мишнѣ; покоренные Славяне—по мнѣнію Нѣмцевъ—общали добровольно королю дань, и богу христіанство. Но такое христіанство пускало въ славянскихъ земляхъ слабыя корни, и очень пострадало въ общемъ возстаніи Славянъ въ 983 г.; Лютичи освободились вполне и отъ нѣмецкаго данничества и христіанства, Обо-

Славяне, ихъ взаим. отношенія.

2

Digitized by Google

дричи остались въ извѣстной зависимости отъ Нѣмцевъ, а Сербы покорены вновь. Казалось, что въ началѣ XI вѣка выпадеть и на долю Славянъ то, въ чемъ они крайне нуждались, и что у Нѣмцевъ было уже давно, т. е. сильное государство. Польскій князь Болеславъ стремился соединить всѣхъ западныхъ Славянъ и повести ихъ противъ Нѣмцевъ, но тщетно. Лютичи вмѣстѣ съ Чехами всевозможно мѣшали осуществленію плановъ Болеслава, и изъ сербскихъ земель только восточныя, Лужичанъ и Мильчанъ, ѣдоставили временно Польшѣ. Но съ кончиной Болеслава исчезаетъ и его планъ, а для Нѣмцевъ призракъ великой западно-славянской державы; восточные Сербы возвратились подъ нѣмецкое господство и остались подъ нимъ.

Съ половины XI вѣка мысль о сильномъ государствѣ является у самихъ сѣверныхъ балтійскихъ Славянъ, съ начала по почину ободрическаго князя *Годескалька*, христіанина; послѣ его убіенія ранскій князь *Крута* сталъ во главѣ соединенныхъ балтійскихъ Славянъ. Но Славяне не сумѣли воспользоваться тогдашнимъ смутнымъ временемъ въ Германіи, да когда самъ король Генрихъ IV сталъ возбуждать Лютичей противъ своихъ и ихъ давнишнихъ враговъ, Саксовъ, то Славяне ему отвѣтили, что у нихъ земли вдоволь, и что они довольны, если могутъ защищать ея границы. Національное и языческое государство Крута смѣнено государствомъ на видъ христіанскимъ *Генриха* Годескальковича, который при помощи Нѣмцевъ подавилъ сопротивление балтійскихъ Славянъ и распространилъ границы своего государства отъ Вагрии далеко на востокъ за Одру; Ободричи, сѣверные Лютичи и западные Поморяне составляли державу этого „славянскаго короля“. Но со смертію Генриха (ок. 1119 года) распалась и его держава: ободричскія земли остались его сыновьямъ, а Лютичи и Поморяне, соединившись въ одно политическое цѣлое, признали верховную власть польскаго князя.

Поморяне, входившіе въ составъ польскаго государства Болеслава Храбраго, пріобрѣли послѣ его кончины свою независимость, и защищали ее противъ Поляковъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Съ другой стороны пришлось имъ бороться съ варяжскими наѣздниками (викингими), изъ которыхъ не одинъ сталъ

извѣстнымъ какъ „Славянобійца“ (Vinda-myrdir); да эти викинги поселились въ X вѣкѣ при устьѣ Одры, въ Волинѣ, и повліяли на развитіе морскихъ разбоевъ у Славянъ. Въ началѣ XII в. удалось польскому князю Болеславу III покорить Поморянъ и соединенныхъ съ ними Лютичей на западъ до рѣки Пѣны. Тогда Поморяне и Лютичи приняли крещеніе изъ рукъ Оттона Бамбергскаго, и такимъ образомъ отняли у Нѣмцевъ и у Датчанъ поводъ къ войнамъ подъ предлогомъ религіознымъ. Но польское господство на нижней Одрѣ было кратковременно; уже во второй половинѣ XII в. западное такъ наз. переднее Поморье по Одрѣ отошло отъ Польши и примкнуло къ Германіи; Польшѣ осталось только восточное такъ наз. заднее Поморье по Вислѣ.

У Ободричей поднялась старинная вѣра отцовъ еще на краткое время, и князя *Прибыславъ* у Полабянъ и Вагровъ, *Никлотъ* у восточныхъ Ободричей попытались остановить наступающихъ Нѣмцевъ. Но скоро Прибыславъ долженъ былъ покориться, и его княжество присоединено къ Саксоніи. Долше сопротивлялся Никлотъ; первый крестовый походъ Нѣмцевъ и Датчанъ не удался, и только на второй разъ погибъ храбрый защитникъ славянской свободы и старины (1160). Сынъ его *Прибыславъ* принялъ крещеніе и получилъ отъ герцога Саксовъ, Генриха Льва, почти всю свою отчину, нын. Мекленбургъ. Одновременно и южные Лютичи подпали подъ нѣмецкую власть; марекграфъ Старой Марки, Альбрехтъ Медвѣдь, завоевалъ земли Брижанъ и Стодорянъ, и водворилъ здѣсь между Лабой и Одрой, въ марѣвъ бранденбургской, свое господство (1157). Наконецъ, послѣ семи походовъ, удалось датскому королю Вальдемару покорить Рану (1168); Ране приняли крещеніе и ихъ князь сдѣлался васаломъ Даніи. Такимъ образомъ всѣ Ободричи, Лютичи и западные Поморяне подпали подъ непосредственную или посредственную власть Нѣмцевъ, отъ части и Датчанъ. Сербы давно уже находились подъ нѣмецкимъ господствомъ; чешское же господство въ Лужицахъ было внѣшнее и не могло уже помочь сербской народности.

Нѣмецкое господство и побѣда христіанства въ полабскихъ и балтійскихъ странахъ сопровождалось рововыми для славянъ

ской народности послѣдствіями. Въ этихъ земляхъ производилась *нѣмецкая колонизація*; нѣмецкая стихія мало по малу распространялась, а славянская исчезала и наконецъ погибла. Въ славянскія земли прибывало съ нѣмецкими государями нѣмецкое дворянство, въ которомъ оставшееся славянское исчезло, нѣмецкое духовенство, нѣмецкое мѣщанство; это послѣднее въ вновь основываемыхъ городахъ (мѣстахъ) было исключительно нѣмецкое, между тѣмъ какъ Славяне въ нихъ едва терпѣлись въ особыхъ кварталахъ, подобно Жидамъ, и исключались изъ цеховъ. Кромѣ мѣщанъ поселялось въ тѣхъ земляхъ много нѣмецкихъ поселянъ, которые покупали земли, и которымъ славянское населеніе должно было уступать и селиться въ особыхъ „славянскихъ“ селахъ; въ нихъ оно жило по своему „славянскому праву,“ но скоро, поддаваясь окружавшей его со всѣхъ сторонъ, съ низу и съ верху, германизации, онѣмечилось. Онѣмечились тоже уцѣлѣвшія славянскія династіи, и княжескіе роды ободричскій (мекленбургскій), поморскій и ранскій, стремились въ германизации совершенно такъ, какъ ихъ нѣмецкіе сосѣди, герцоги Саксовъ и маркграфы бранденбургскіе; да одинъ ранскій князь провозгласилъ—уже черезъ полъ вѣка послѣ паденія самостоятельности Раны—возможное усиленіе Славянъ въ ущербъ Нѣмцамъ несчастнымъ событіемъ, которое да предотвратитъ богъ. Германизация полабско-балтійскихъ земель шла все болѣе усиленно въ теченіи XIII и XIV вѣковъ, и окончилась въ XV. На рубежѣ XIV и XV вв. было между Лабою и Одрою уже очень мало Славянъ въ нѣсколькихъ рыбацкихъ селахъ и въ предмѣстьяхъ нѣкоторыхъ городовъ, и кончина послѣднихъ двухъ Славянъ на Ранѣ, состоявшаяся именно въ то время, записана даже въ лѣтописи ранско-поморской. Также онѣмечились между тѣмъ сербскія земли между Салой и Лабой. На лѣвомъ берегу нижней Лабы, въ Люнебургѣ, сохранились остатки древянскихъ и лингонскихъ „Словенъ“ (такъ они назывались) до XVIII вѣка, да ихъ онѣмеченные потомки называются до сихъ поръ Венды; на востокѣ, въ самомъ углу Помераніи, доживаютъ свои дни незначительные остатки поморскихъ „Словинцевъ“. Больше славянскаго, именно сербскаго населенія оста-

лось въ Лужицахъ, но и здѣсь германизація усилилась со времени реформаціи Лютера, и продолжается до нынѣ.

Славяне полабскіе и балтійскіе погибли въ слѣдствіе внутренней разрозненности и слабости, и въ слѣдствіе внѣшняго на-
силія: сами не были въ состояніи основать сильное государство, и не хотѣли да потомъ уже не могли применить къ сосѣдней Польшѣ. Польша по смерти Болеслава Храбраго не была на столько сильна, чтобъ защитить полабско-балтійскихъ Славянъ отъ все усиливающагося напора Нѣмцевъ; также и Чехія не могла защитить Сербовъ. Нѣмецкая стихія напирала все дальше на востокъ въ земли балтійскія и повислянскія, и Поляки, вскорѣ послѣ паденія своихъ полабскихъ и балтійскихъ соплеменниковъ, должны были унаслѣдовать эту упорную борьбу съ Нѣмцами, не только на западѣ по Одрѣ и Вартѣ, но и на сѣверѣ по нижней Вислѣ, гдѣ въ слѣдствіе польской неосторожности водворились въ Пруссіи нѣмецкіе рыцари крестоносцы, и распространялись въ балтійскихъ земляхъ все дальше на востокъ. Борьбу съ напорающими Нѣмцами унаслѣдовали Чехи и Ляхи восточные, но съ такимъ же неуспѣхомъ, какъ Сербы и Ляхи западные.

III.

ЧЕХИ¹⁾.

На югъ отъ Сербовъ и Ляховъ, по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, по Моравѣ и между Карпатами и среднимъ Дунаемъ, жилъ одинъ народъ, *Чехи* и *Моравяне* съ *Словаками*. Изъ нихъ восточная половина, Славяне моравскіе и подкарпатскіе (Словаки), основали рано сильное государство, которое съ успѣхомъ боролось съ Римлянами на Дунаѣ, и позже съ Нѣмцами. Моравскіе князья *Моймировичи* въ IX в. стремились сдѣлать Мораву политическимъ центромъ для западныхъ Славянъ. Князь *Ростиславъ* старался освободить свой народъ отъ нѣмецкаго вліянія не толь-

---

¹⁾ Источники чешской исторіи, оцѣненные Палацкимъ (*Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber*, 1830) издаются съ 1871 г. *Fontes rerum bohemicarum; Scriptores rerum hussiticarum* ed. Höfler (1856—1866), *Starí letopisové čestí*, ed. Palacký (1829); *Regesta diplomatica Bohemiae et Moraviae*, ed. Erben et Emler (съ 1855); *Codex diplomat. Moraviae* (съ 1836); *Archiv český, Documenta M. J. Hus*, *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges, Urk. Beiträge zur Geschichte Georgs v. Poděbrad*, все изданія Палацкаго (1840—1873); *Sněmy české* (съ 1877, ed. Gindely et Dvorský), *Reliquiae tabularum terrae* (съ 1870, ed. Emler), *Landtafel von Mähren* (1854), *Codex juris bohemicí* (съ 1867, ed. Jireček). Изъ пособій главное Palacký: *Dějiny národu českého* (1848—1876), Tomek: *Děje království českého* (1864), Dudík: *Dějiny Moravy* (съ 1860), Н. Jireček: *Slovanské právo v Čechách i na Moravě* (съ 1863), Gindely: *Geschichte der böhm. Brüder* (1863), Kaiser Rudolf II. (1868), *Geschichte des böhm. Aufstandes* (1869—1880), Malý: *Naše znovuzrození* (1885).

во въ отношеніи политическомъ, но тоже духовномъ, и обратился по этому поводу на востокъ въ Царьградъ. Оттуда и прибыли апостолы Константинъ и Меѳодій и устроили церковь моравскую съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Преемникъ Ростислава *Святополкъ* стремился къ соединенію всѣхъ западныхъ Славянъ противъ ихъ вѣковыхъ враговъ, Нѣмцевъ; этотъ планъ удавался: Чехи, Сербы, южные Ляхи и панонскіе Словѣне присоединились къ Великой Моравѣ. Но со смертію Святополка (894) распалась его держава, и Моравя съ землями словенскою и панонскою сдѣлалась добычей Угровъ, которые основали свое господство въ подунайскихъ странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ разгромомъ исчезаетъ словѣнское богослуженіе у западныхъ Славянъ, кромѣ незначительныхъ слѣдовъ.

Послѣ паденія Великой Моравы преемниками политической мысли Мойміровичей стали чешскіе князья *Премысловичи*. Они соединили славянскія племена по верхней Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ, Хорватовъ, Пшовянъ, Зличанъ, Лучанъ и др., съ своимъ княжествомъ, и основали довольно сильное чешское государство. Это государство, хотя находилось въ политической и духовной зависимости отъ сосѣдней Германіи, всетаки стало для чешскаго народа прочною основою дальнѣйшаго его развитія и спасло его отъ судьбы полабскихъ его соплеменниковъ. Это положеніе чешскаго народа посреди усилившихся въ ущербъ Славянамъ Нѣмцевъ придадо чешской исторіи особенный характеръ: въ Чехіи обѣ стихіи, славянская и нѣмецкая, соприкасаются, сталкиваются и смѣшиваются съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ.

Казалось, что Чехія со второй половины X вѣка дѣлается, подобно Моравѣ, центромъ новаго западнославянскаго государства. Чешскіе князья *Болеславы* I и II распространили границы чешскаго государства далеко на востокъ почти въ предѣлахъ державы Святополка. Это славянско-чешское государство перешло въ началѣ XI вѣка въ руки польскаго князя Болеслава, который вздумалъ избрать чешскую Прагу столицею другого западнославянскаго государства, польско-чешскаго. Но чешскимъ Премысловичамъ удалось съ помощью Нѣмцевъ прогнать Болеслава изъ Чехіи, которая имъ и осталась; остальные же славян-

скія земли уже не присоединены въ Чехіи, а только нынѣшняя Морава возвратилась къ ней позже (1028—1031). Не удался также планъ князя *Брячислава*, присоединить къ Чехіи Польшу. Чешское государство осталось ограниченнымъ Чехіей и Моравой, въ которыхъ присоединена потомъ южная Лужица. Чешскій князь сталъ курфюрстомъ Германіи, хотя онъ въ своемъ княжествѣ былъ полнымъ сувереномъ.

Постоянное нарушеніе установленнаго *Брячиславомъ* порядка престолонаслѣдія, по которому старшій членъ княжескаго рода долженъ былъ быть великимъ княземъ, повело къ междоусобицамъ; ими и воспользовался императоръ римско-нѣмецкій для вмѣшательства въ эти споры, и даже угрожала опасность, что Морава будетъ отчуждена отъ чешскаго государства. Но съ XIII в. Чехія поднялась вновь, и, при короляхъ *Премыслѣ Отакарѣ I*, *Вячеславѣ I* и *Премыслѣ Отакарѣ II*, заняла важное мѣсто въ средней Европѣ, отъ которой предотвратила угрожавшій наѣздъ Монголовъ; да при *Премыслѣ II* Чехія сдѣлалась ядромъ великаго государства, предѣлы котораго доходили на югѣ почти до моря адріатическаго. При тѣхъ трехъ короляхъ состоялись въ Чехіи важныя перемѣны въ государственной и общественной жизни. Государственная власть укрѣпилась уничтоженіемъ права родового старшинства и введеніемъ права первородства; отношеніе чешскаго короля къ римско-нѣмецкому императору ближе опредѣлено; древнеславянское государственное устройство нарушалось жалованіемъ разныхъ льготъ и привилегій духовенству, шляхтѣ и вновь основываемымъ городамъ (мѣстамъ), которые заселялись Нѣмцами и составляли для короля богатый источникъ доходовъ и опору противъ шляхты; Нѣмцы заселили тоже нѣкоторые окраины. Нѣмецкій языкъ и нравъ распространились при королевскомъ дворѣ и между высшею шляхтою.

Отъ тяжелаго разгрома, постигшаго Чехію послѣ паденія и кончины *Премысла Отакара II* (1278), она скоро оправилась, и вновь поднялась на высокую степень политической силы; при королѣ *Вячеславѣ II* присоединились къ Чехіи часть Силезіи и временно даже Польша. Но виновникъ этого разгрома, но-

вая нѣмецкая династія Габсбурговъ, заняла прочное положеніе въ нѣмецкихъ земляхъ короля Премысла II между Дунаемъ и адриатическимъ моремъ, приобрѣла императорскую корону римско-нѣмецкую, и всѣмъ этимъ значительное вліяніе на сосѣднюю Чехію. Послѣ прекращенія рода Премысловичей (1306), чешская корона досталась чужой династіи, нѣмецко-французской Люксембурговъ. Король-авантюристъ *Іоаннъ* прославлялъ чешское имя далеко за границею, распространилъ чешское господство въ Силезію и въ Лужицу; но Чехія страдала анархіей и постоянными вымогательствами денегъ со стороны короля. Только при *Карлѣ* (1346—1378) Чехія вышла изъ беспорядковъ и поднялась на значительную высоту политическаго могущества и славы, тѣмъ болѣе, что въ слѣдствіе избранія короля Карла въ императоры римско-нѣмецкіе чешское государство стало первымъ въ средней Европѣ. Карлъ распространилъ свою державу глубоко въ Германію, въ Фальцъ и въ Бранденбургъ, опредѣлилъ отношенія всѣхъ земель чешскаго государства или чешской короны; строго слѣдилъ за внутреннею безопасностью и правосудіемъ, держалъ въ покорности пановъ и такимъ образомъ способствовалъ развитію торговли и народнаго богатства; онъ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, и основавши въ Прагѣ университетъ, сдѣлалъ ее средоточіемъ научнаго движенія въ средней и восточной Европѣ. Чешская народность, хотя она боролась съ нѣмецкою именно въ городахъ и въ университетѣ, крѣпла, и чешскій языкъ и литература стали процвѣтать. Чешскій народъ, развиваясь въ отношеніи матеріальномъ и духовномъ, приготовлялся къ великимъ событіямъ, къ *гуситскому движенію*, начавшемуся при сынѣ и преемникѣ Карла, Вячеславѣ IV.

Беспорядочное состояніе тогдашней римско-католической церкви, нуждавшейся въ реформахъ „во главѣ и въ членахъ“, возбудило во многихъ чешскихъ мыслителяхъ разныя мысли и взгляды на церковь, которые не соотвѣтствовали господствовавшимъ тогда взглядамъ. Во главѣ этого духовнаго движенія сталъ *Іоаннъ Гусъ*. Собравшаяся для церковной реформы въ Констанцѣ римско-католическая іерархія осудила Гуса и сожгла

его какъ еретика (1415), но дала поводъ къ усиленію этого движенія и къ гуситской войнѣ (1419—1434). Гуситское движеніе было во первыхъ религіозно-реформаціонное; противясь признаваемому доселѣ авторитету римской церкви, поставило на его мѣсто авторитетъ св. писанія, и породило разныя религіозныя общества: умѣренныхъ чашиковъ причащавшихся подъ двумя видами и мало отличавшихся отъ католиковъ, радикальныхъ Таборовъ—предшественниковъ протестантовъ, да наконецъ пантеистовъ и раціоналистовъ, которые однако скоро исчезли. Кромѣ этого религіознаго характера, гуситское движеніе приняло тоже характеръ національный, чешскій, антинѣмецкій, стремясь къ ослабленію нѣмецкаго элемента въ Чехіи. Эта сторона гуситства открылась спорами между Чехами и Нѣмцами въ пражскомъ университетѣ, рѣшенными въ пользу Чеховъ, и кончилась изгнаніемъ Нѣмцевъ почти изъ всѣхъ городскихъ общинъ и побѣдою чешскаго элемента. Такимъ образомъ чешскій народъ, не желая возвратиться въ послушаніе римской церкви, не желая на своей родинѣ возвратитъ нѣмецкому народу его прежняго привилегированнаго положенія, очутился въ упорной борьбѣ съ римской церковью и съ народами, которые признавали ея авторитетъ и по побужденію Рима стремились къ истребленію „еретическаго“ народа чешскаго, именно съ Нѣмцами, которые наступали на Чеховъ не только какъ на „еретиковъ“, но тоже какъ на своихъ національныхъ враговъ. Чехи увидѣвъ, что посягаютъ на ихъ жизнь, съ необыкновенною силою отражали нападенія почти всего христіанскаго міра, помышлявшаго о ихъ гибели, но будучи народомъ немногочисленнымъ, и зная вѣковыя стремленія Нѣмцевъ истреблять Славянъ, хорошо понимали, что Нѣмцы, равнымъ образомъ какъ сдѣлали полабскимъ Славянамъ, такъ хотятъ сдѣлать и Чехамъ и занять мѣста прогнанныхъ. По этому Чехи обратились къ славянскому востоку, къ Польшѣ, и къ соединенной съ нею Литвѣ и Руси, и призывали Поляковъ на помощь противъ общаго врага, справедливо замѣчая, что сражаются за освобожденіе не только правды закона божія, но тоже народа чешскаго и славянскаго. Но Польша, равнымъ образомъ какъ и раньше не была въ состояніи остановить

наступление Нѣмцевъ отъ Лабы къ Одрѣ, и позже раздавить нѣмецкихъ крестоносцевъ въ балтійскихъ странахъ, такъ и не поняла вполнѣ тогдашней страшной борьбы Славянъ и Нѣмцевъ въ средней Европѣ; она могла подать Чехамъ только небольшую помощь, да и это дѣлала довольно небрежно, усматривая въ гуситскихъ Чехахъ скорѣе „еретиковъ“ сопротивлявшихся Риму, чѣмъ соплеменниковъ Славянъ, борющихся, послѣ гибели полабско-балтійскихъ Славянъ, уже во второмъ ряду противъ наступающихъ Нѣмцевъ; еще менѣе она была способна понять великое культурное значеніе гуситства и применить къ нему.

Такъ какъ къ гуситскому движенію не примкнули и остальные окрестные народы, то чешскій народъ остался въ своей борьбѣ за свободу совѣсти изолированнымъ. Раздраемый внутренними спорами партій онъ, не смотря на всѣ побѣды геніальныхъ полководцевъ *Іоанна Жижки*, *Прокопія Великаго* и др. надъ несмѣтными войсками крестоносцевъ, не могъ обезпечить себѣ всѣ результаты великаго движенія, единственнаго въ Славянствѣ. Религіозное ученіе радикальныхъ гуситовъ не понравилось умѣреннымъ гуситамъ, которые были готовы примириться съ Римомъ, а демократическія стремленія тѣхъ рѣшительныхъ реформаторовъ политическихъ и соціальныхъ отношеній не могли быть по вкусу главному представителю тогдашнихъ средневѣковыхъ порядковъ, шляхтѣ. По этому рьяные гуситы, составлявшіе меньшинство въ народѣ, должны были уступить умѣреннымъ гуситамъ, и почти совсѣмъ истреблены въ сраженіи подъ Липанами (1434); ихъ остатки, устроившіеся какъ единство чешскихъ братьевъ, не могли уже никогда приобрѣсти силу своихъ предшественниковъ.

Умѣренные гуситы (утраквисты, чашники), освободившись отъ своихъ рьяныхъ единомышленниковъ, примирились съ Римомъ, отъ котораго получили одобреніе чаши, и съ королемъ Сигизмундомъ, который, послѣ пятнадцатилѣтней борьбы, занялъ престолъ отцовъ. Послѣ кончины Сигизмунда не удалось задуманное одною гуситскою партіею соединеніе Чехіи и Польши, а австрійскіе Габсбурги приобрѣли уже тогда временно чешскую корону. Примиреніе Чеховъ утраквистовъ съ Римомъ

было только кажущимся; скоро оказалось, что Римъ считалъ свою уступку лишь временною, и наконецъ потребовалъ полной покорности. Но король *Юрій Подьбрадскій* (1458—1471) не намѣревался исполнить это требованіе папы, отстаивая противъ притязаній Рима полную самостоятельность своего народа и государства, духовную и свѣтскую. Папская курія, видя неуспѣхъ своихъ плановъ, травила все христіанство на ненавистныхъ „еретиковъ“, и Чехамъ пришлось вновь бороться противъ враговъ гуситства, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ томъ числѣ съ главнымъ орудіемъ папской политики, съ угорскимъ королемъ *Матвѣемъ*, которому и удалось временно разорвать чешское государство.

Король Юрій самъ указалъ на своего преемника, польскаго королевича *Владислава*, надѣясь, что въ слѣдствіе такого соединенія Чехія и Польши одною династіею Ягайловичей, чешскій народъ пріобрѣтетъ большую силу. Но эта надежда не сбылась. Король Владиславъ (1471—1516) возобновилъ цѣлость чешской короны, будучи избранъ и въ короли угорскіе; но съ другой стороны Чехія въ слѣдствіе этого соединенія съ Угріею очутилась на второмъ планѣ. Во время царствованія обоихъ Ягайловичей, Владислава и Людовика (1516—1526), Чехія страдала спорами сословій, шляхты и городовъ; шляхта пріобрѣтала все большія права въ ущербъ королевской власти, и поработила подданный людъ прикрѣпивши его къ землѣ. Не мало способствовала броженію умовъ и партій въ Чехіи возникшая тогда нѣмецкая реформація Лютера, которая распространилась и въ Чехію и находила здѣсь между утравкистами все больше приверженцевъ.

Послѣ смерти короля Людовика, погибшаго въ сраженіи противъ Турокъ, чешскимъ королемъ избранъ австрійскій эрцгерцогъ, Габсбургъ *Фердинандъ*, который сталъ тоже королемъ угорскимъ и позже нѣмецкимъ. Прага сдѣлалась опять столицею римско-нѣмецкихъ императоровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ королей чешскихъ и угорскихъ, изъ рода Габсбурговъ, которые не ослабнѣли и остались Нѣмцами. Чешское государство и чешскій народъ были вовлекаемы въ судьбы Германіи и запутывались все

больше въ нѣмецкія дѣла, а съ другой стороны его силы должны были поддерживать Габсбурговъ въ Угріи въ ихъ борьбѣ противъ Турокъ. Король Фердинандъ, стремясь къ поднятію упавшей королевской власти, строго дѣйствуя противъ протестантовъ и чешскихъ братьевъ, умножалъ число недовольныхъ, которые вздумали воспользоваться войною въ Германіи, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго короля. Но для открытаго возстанія не хватило у нихъ отваги, и король Фердинандъ, послѣ скорого окончанія войны въ Германіи (1547), подавилъ чешское возстаніе въ зародышѣ; шляхту онъ пощадилъ, но строго наказалъ города, отнявъ у нихъ имѣнія и самоуправленіе, и изгналъ чешскихъ братьевъ изъ земли.

Религіозные вопросы волновали Чеховъ и дальше при премьерахъ Фердинанда, *Максимилианъ*, *Рудольфъ* и *Матвѣй*, Чехи протестанты добились наконецъ, въ началѣ XVII в., полной религіозной свободы. Но съ нѣмецкою реформаціею и съ нѣмецкою династіею Габсбурговъ нѣмецкій элементъ вновь распространялся въ Чехію, такъ что въ началѣ XVII в. сама законодательная власть, чешскій сеймъ, счелъ нужнымъ принять мѣры противъ такого усиленія нѣмецкаго элемента и въ пользу сохраненія стариннаго чешскаго языка. Сопровивленіе протестантскихъ Чеховъ противъ строго католическихъ Габсбурговъ и ихъ стремленій въ пользу усиленія королевской власти становилось все сильнѣе, и примыкая къ общему неудовольствію нѣмецкихъ протестантовъ, разразилось наконецъ *чешскимъ возстаніемъ* 1618—1620 гг. Но чешскій народъ давно уже лишился необходимой для такого дѣла силы, духовной и матеріальной, и кромѣ того, не былъ поддержанъ ни своими единовѣрцами въ Германіи, ни соплеменною Польшею. Такимъ образомъ случилось то, что тотъ же самый народъ, который двѣсти лѣтъ тому назадъ отстаивалъ свою независимость почти противъ всего христіанства, очутился въ слѣдствіе одного пораженія на Бѣлой Горѣ на краю гибели. Король *Фердинандъ II* воспользовался своей побѣдой къ огромнымъ конфискаціямъ имѣній возставшихъ Чеховъ, къ большому ослабленію правъ чешскихъ чиновъ вообще, къ усиленію королевской власти и, наконецъ, къ самой

безцеремонной католической реакціи, отъ которой огромное множество чешской интеллигенціи бѣжало изъ родины.

Паденіемъ чешскаго государства, выселеніемъ высшихъ сословій и бѣдствіями тридцатилѣтней войны чешскій народъ ужасно ослабѣлъ, матеріально и духовно, и былъ погруженъ въ сонъ, какъ казалось, смертельный. Нѣмецкій элементъ крѣпко засѣлъ и распространился по всей землѣ и одержалъ побѣду надъ загнаннымъ чешскимъ. Въ кончинѣ чешскаго народа, этого проклятаго, Риму и Нѣмцамъ ненавистнаго еретическаго славянскаго народа, не сомнѣвались его многочисленные враги, которые всевозможно истребляли его жалкіе остатки *ad majorem Dei et Germaniae gloriam*. Въ смертельности сна этого славнаго нѣкогда народа славянскаго не сомнѣвались даже тѣ немногіе благородные чешскіе патріоты, которые еще остались у его гроба. Изъ глубины своей души взываетъ опечаленный Бальбинъ (1672) о помощи погибающему чешскому народу — которому указываетъ на судьбу полабскихъ Славянъ—къ чешскому дѣдичу св. Вячеславу: „Не дай погибнуть намъ и будущимъ!“ А еще сто лѣтъ спустя (1791) другой патріотъ, Пельцель, высказываетъ грустные предчувствія о будущности чешскаго языка, предполагая, что Чехія скоро очутится въ такомъ положеніи, какъ нынѣ полабскія страны, гдѣ отъ славянскаго языка ничего не остается, кромѣ названій городовъ, селъ и рѣкъ. И дѣйствительно казалось, что будетъ такъ, тѣмъ болѣе, что именно тогда, въ концѣ XVIII вѣка, нѣмецкій элементъ подвинулся далеко на славянскій востокъ за Вислу, низвергнувъ третій западнославянскій народъ и государство, Польшу. Но чешскіе патріоты, опасаясь, чтобы ихъ народъ не подвергнулся такой участи, какъ полабскіе Славяне, взяли энергично за пробужденіе чешскаго народа, этой западной вѣтви великаго славянскаго дерева. Благодаря ихъ неутомимой работѣ и заботливости началось возрожденіе чешскаго народа.

IV.

ПОЛЯНИ¹⁾.

Восточные Ляхи по Одрѣ и Вислѣ долго не образовали болѣе тѣснаго политическаго союза, живя по племенамъ, Полянъ, Куяванъ, Мазовшанъ, Хорватовъ, Славянъ. Южныя племена, Хорваты и Славяне входили въ составъ западнославянскихъ государствъ, моравскаго и чешскаго. Изъ Моравы и изъ Чехіи проникли къ Ляхамъ зачатки христіанства, съ начала богослуженіе словѣнское, потомъ латинское, которое и сдѣлалось господствующимъ. Князья Полянъ изъ рода *Пясти* стали собирать племена восточно-ляхскія въ одно государство. Польскій князь, въ послѣдствіи король *Болеславъ Храбрый* (992—1025), воспри-

---

¹⁾ Источники, которые оцѣнилъ Zeissberg (*Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters*, 1873), печатаются въ *Monumenta Poloniae historica* (съ 1864); Длугоша *Historia Polonica* изд. 1873—1878; *Scriptores rerum polon.* (съ 1870); *Scriptores rerum siles.*, *Scriptores rer. pruss.*, etc. Дипломатіи *Codex diplomat. Poloniae* (1847—1858), *Codex dipl. Majoris Poloniae* (1877), *Cod. dipl. Minoris Poloniae* (1876), *Cod. dipl. Mazoviae* (1863), *Codex dipl. Silesiae* (1857—1870), *Codex epistolaris saeculi XV* (1876) и др. въ *Monumenta medii aevi historica*; *Acta Tomiciiana*; *Volumina legum* (2 ed. 1859), *Starodawne polskiego prawa pomniki* (съ 1857). Пособія Röpell u. Caro: *Geschichte Polens* (съ 1840), Moraczewski: *Dzieje Rzeczypospolitej polskiej* (1864), Szujski: *Historja polska* (1880), Bobrzyński: *Dzieje Polski* (1881); въ послѣднихъ двухъ приведена полная библиографія по польской исторіи.

нявъ стремленія моравскихъ и чешскихъ князей, не только соединилъ всѣхъ восточныхъ Ляховъ, но стремился тоже соединить всѣхъ западныхъ Славянъ, и велъ упорную борьбу съ Нѣмцами. Но планъ Болеслава не удался, преимущественно по винѣ самихъ западныхъ Славянъ, которые не хотѣли подчиниться польскому князю. Только восточные Ляхи остались съ тѣхъ поръ соединенными, составляя *Польшу*, польскій народъ. Послѣ смерти Болеслава Польша страдала отъ внутреннихъ междоусобицъ, отъ возстанія низшихъ классовъ противъ высшихъ и противъ новыхъ христіанскихъ порядковъ, отъ войнъ съ Чехами, Поморянами, Прусами и Русью; изъ всѣхъ этихъ бѣдствій она вышла побѣдоносною, и со второй половины XI в., со временъ *Болеслава II*, вновь заняла важное мѣсто въ сѣверозападномъ Славянствѣ, влияя на дѣла чешскія, угорскія и русскія. Въ слѣдствіе постепеннаго паденія западныхъ Ляховъ и распространенія нѣмецкаго господства на востокъ къ Одрѣ, Польша тѣснилась на востокъ. Послѣдній князь польскій, который еще сильно стремился на западъ, былъ *Болеславъ III* (1102—1139); онъ съ успѣхомъ боролся съ Нѣмцами, покорилъ Поморянъ и Лютичей за Одрою.

По смерти Болеслава упрочилось распаденіе Польши на удѣлы; старшинство и первенство долженъ былъ держать великій князь краковскій. Давняя разница племенъ и земель проявляется вновь и усиливается, и Польша является какъ Малая Польша, Силезія, Великая Польша, Куявія, Мазовія и Поморье. Это распаденіе Польши дало поводъ къ междоусобицамъ Пястовичей, къ ослабленію княжеской власти и къ усиленію аристократіи; иноплеменники, призываемые на помощь борющимися князьями Пястовичами, опустошали Польшу, и императоры римско-нѣмецкіе, истребивъ или покоривъ Славянъ полабско-балтійскихъ, вмѣшивались во внутреннія дѣла Польши и отняли у нея западное Поморье. Войны съ литовскими Прусами и Ятвягами, отъ которыхъ раздробленная Польша не могла защититься, были причиной водворенія нѣмецкихъ рыцарей на нижней Вислѣ въ первой половинѣ XIII в. Эти крестоносцы покорили Прусовъ, воевали съ Литвой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались опас-

ными врагами Польши, разгромленная и разоренная страшным наѣздомъ Монголовъ (1241), раздробляется все больше, удѣлы становятся самостоятельными княжествами, а связь между ними исчезаетъ почти совсѣмъ. Старинное государственное устройство нарушается привилегіями въ пользу княжеской казны, но въ ущербъ земскому праву изытіемъ духовныхъ и позже шляхетскихъ имѣній изъ-подъ земскаго права, основаніемъ городовъ и селъ заселяемыхъ Нѣмцами и жалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, которымъ стали пользоваться тоже польскіе колонисты; оно, требуя только извѣстной платы (чинша), освобождало народонаселеніе отъ множества обременительныхъ повинностей. Такимъ образомъ нѣмецкій элементъ распространился въ польскихъ земляхъ. Силезія онѣмчилась и клонилась къ Германіи и къ Чехіи, да въ остальной Польшѣ нѣмецкій элементъ въ городахъ, селахъ, монастыряхъ и вообще въ духовномъ сословіи усиливался до такой степени, что это возбуждало опасенія польскихъ патріотовъ. Такія опасенія были тѣмъ основательнѣе, что нѣмецкіе мѣщане нерѣдко держали сторону враговъ Польши.

Поляки сознавали потребность сильной монархіи. Малополяне призвали на краковскій столъ чешскаго короля *Вячеслава II*, который и занялъ часть Силезіи, Краковъ и Сандомѣрь (1291—1292). Въ Великой Польшѣ и въ соединенномъ съ ней Поморьѣ князь *Премысль* вѣнчался на королевство польское (1295); но уже черезъ годъ погибъ отъ марекграфовъ бранденбургскихъ, и чешскій король Вячеславъ сдѣлался королемъ всей Польши (1300). Но не на долго Чехія и Польша остались соединены; уже въ 1306 г. польскій князь, въ послѣдствіи король *Владиславъ* съ прозвищемъ *Локотокъ*, прежній соперникъ и противникъ Вячеслава, вновь занялъ столъ дѣденъ, который и удержалъ за собою, не безъ борьбы съ врагами внутренними и внѣшними, Нѣмцами. Силезія и Мазовія отчуждались отъ Польши, а Поморьемъ и частью Куявіи завладѣли нѣмецкіе крестоносцы, которые, вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ Іоанномъ, были для Польши постоянною угрозою. Владиславъ опирался на народную шляхту, которая какъ сословіе пріобрѣтала все большую важность, а противъ крестоносцевъ

Славяне, ихъ взаим. отношенія.

3

искалъ союзничества Литвы. Польша, на западѣ тѣсняемая и отраженная Нѣмцами, обратилась при *Казиміръ* Владиславовичѣ (1333—1370) на востокъ въ русскія земли, именно на Русь Червоную, куда польское вліяніе стремилось уже нѣсколько вѣковъ. Червоная Русь присоединена наконецъ къ Польшѣ (1340), и черезъ нѣсколько лѣтъ и другія русскія земли по Бугу и на Волынѣ; дальнѣйшему распространенію Польши въ южную Русь помѣшала Литва, которая здѣсь завладѣла Волынemъ, Подольемъ и Кіевомъ. Мазовія возвращена Польшѣ, но Силезія и Поморье утрачены, первая на всегда, другое на время. При Казиміръ единство государства и королевская власть укрѣплены въ изданномъ статутѣ опредѣлены отношенія сословій, особенно отношеніе вметей (поселянъ) къ шляхтѣ, устроены администрація и судопроизводство, финансы и военное дѣло, учреждены наивысшій судъ для городовъ и такимъ образомъ прекращены ихъ сношенія съ Германіею, положено начало университету краковскому.

По смерти Казиміра, послѣдняго Пястовича въ польскомъ королевствѣ, оно соединено съ Угріею преемникомъ Казиміра, угорскимъ королемъ *Людосикомъ*. Шляхта получила важныя политическія права жалованной грамотой изданной въ Кошицахъ (1374), и приобрѣтала себѣ вообще все большее участіе въ политическихъ дѣлахъ. Отсутствіе чужого короля въ землѣ и его кончина дали поводъ къ смутамъ, возвышенію могущества пановъ, и возобновленію стараго антагонизма между Великополянами и Малополянами. Общая опасность со стороны нѣмецкихъ крестоносцевъ, завладѣвшихъ всѣмъ восточнымъ балтійскимъ приморьемъ, повела къ сближенію Польши и Литвы, къ избранію великаго князя литовскаго Ягайла въ польскіе короли (1386); Ягайло замѣнилъ православіе католицизмомъ и принялъ имя *Владиславъ*. Въ слѣдствіе этого воцаренія литовской династіи, Польша приобрѣла больше силъ именно для борьбы съ крестоносцами. Стоя въ культурномъ отношеніи выше европейскаго востока, Польша приобрѣла тоже важное вліяніе на Литву, которая изъ языческой стала христіанско-католическою, и на соединенную съ нею югозападную Русь православную; польскіе порядки

и умножающіяся привилегіи польской шляхты распространялись постепенно и на Литву и югозападную Русь. Но съ другой стороны это соединеніе Польши и Литвы было для польскаго народа рововымъ поворотомъ, который кончился не въ его пользу а на его погибель; оно отвратило его вниманіе отъ запада и обратило его главную политическую дѣятельность на востокъ, повело къ столеновенію съ народомъ русскимъ, и наконецъ къ пораженію Поляковъ на западѣ Нѣмцами, а на востокѣ Русскими. Вражда между Польшею и Литвою, государствами съ начала исполнѣ самостоятельными, и между господствующими въ нихъ Ягайловичами, этотъ политическій дуализмъ улегся съ теченіемъ времени; но не улеглась вражда между христіанскимъ западомъ и востокомъ; католицизмъ, утвердившись съ польскою помощью въ собственной Литвѣ, столкнулся враждебно съ русскимъ православіемъ или, какъ его называли въ Польшѣ на римскій ладъ, съ „схизмою“. Этотъ религіозно-національный дуализмъ и антагонизмъ въ державѣ Ягайловичей имѣлъ для Польши тоже рововыя послѣдствія.

Соединенными силами Польши и Литвы нѣмецкіе крестоносцы въ сраженіи подѣ Грюнвальдомъ (1410) поражены и ослаблены, но еще не уничтожены, какъ слѣдовало сдѣлать въ виду безопасности восточнаго Славянства; такимъ образомъ наступленіе Нѣмцевъ на славянскій востокъ только задержано, но не на всегда отражено, не уничтожено. Ревность между Польшей и Литвой предотвратила отъ нѣмецкихъ крестоносцевъ ихъ паденіе, и также самая вражда, вмѣстѣ съ отвращеніемъ католической іерархіи польской противъ „ереси“, мѣшала оказанію болѣе дѣятельной помощи со стороны славянскаго востока гуситскимъ Чехамъ въ ихъ борьбѣ противъ Нѣмцевъ. Стремленія польскихъ пановъ, духовныхъ и свѣтскихъ, пріобрѣвшихъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ, присоединить уже Литву къ Польшѣ, не имѣли значительныхъ успѣховъ, и всѣ договоры относившіеся къ этой уніи долго оставались лишь на бумагѣ. Также и соединеніе Польши и Угріи подѣ однимъ королемъ, польскимъ *Владиславомъ III* (1434—1444), было непродолжительно, и попытка, соединенными силами отразить насту-

пающихъ Турокъ, не удалась. При преемникѣ Владислава, *Казиміръ* (1445—1492), сломана сила нѣмецкихъ крестоносцевъ, и, послѣ долголѣтней войны, присоединены въ Польшѣ Поморье и часть Пруссіи; осталая Пруссія осталась какъ польскій ленъ въ рукахъ нѣмецкихъ рыцарей, въ ущербъ Польшѣ. Къ сильной державѣ Ягайловичей обращали свои взоры Чехи и Новгородъ; Ягайловичи заняли престолы чешскій и угорскій; но на востокѣ усиливались въ ущербъ Литвѣ Москва и крымскіе Татары, подручники Турокъ. Король Казиміръ поднѣвалъ королевскую власть противъ пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, уничтожалъ ихъ привилегіи и находилъ поддержку въ шляхтѣ; эта послѣдняя пріобрѣтала все больше правъ, посылала выбираемыхъ пословъ (депутатовъ) на областныя сеймики и на сеймы, гдѣ она посредствомъ посольской избы (палаты депутатовъ) дѣлалась важнымъ политическимъ факторомъ, рядомъ съ сенатомъ состоявшимъ изъ пановъ свѣтскихъ (сановниковъ) и духовныхъ (епископовъ); она съ помощью самого короля противилась исключительному господству аристократіи и іерархіи, выступала враждебно противъ нѣмецкихъ городовъ, добиалась приврѣпленія кметей къ землѣ и полнаго ихъ подданства, что осуществилось при *Юаннѣ Альбрехтѣ* (1496) и при *Александрѣ* (1505). По земскому уложенію 1505 г. законодательная власть очутилась въ рукахъ короля, сената и депутатовъ; города лишились политическаго значенія, и не могли быть для короля опорой.

Въ слѣдствіе все усиливающагося могущества Москвы на востокѣ Европы, Литва лънула къ Польшѣ, и стары антагонизмъ между католицизмомъ и православіемъ въ литовско-русскомъ государствѣ сближалъ католическихъ Литовцевъ съ Польшею, а православныхъ Русскихъ съ Москвою. Борьба изъ-за первенства на европейскомъ востокѣ вообще и на всей Руси въ особенности, борьба изъ-за югозападной Руси—между католическими польско-литовскими Ягайловичами и православными русско-московскими Рюриковичами—становилась все упорнѣе, и наполняла царствованіе послѣднихъ трехъ Ягайловичей, *Александра* (1501—1506), *Сигизмунда I* (1506—1548) и *Сигизмунда II Августа* (1548—1572), по большей части въ ущербъ

Польшѣ и Литвѣ. Также и наѣзды крымскихъ Татаръ не переставали мучить русскія земли, и могущество Турціи становилось все страшнѣе. Чехія и Угрія утрачены для Ягайловичей, и достались нѣмцамъ Габсбургамъ, а Пруссія, хотя и ленъ польскій, досталась Бранденбургу. Такимъ образомъ могущество Нѣмцевъ на востокъ въ дунайскихъ и въ балтійскихъ странахъ опять усилилось въ ущербъ Польшѣ и всему Славянству. Противъ такихъ угрожающихъ со всѣхъ сторонъ опасностей Польша нуждалась въ великихъ государяхъ и государственныхъ людяхъ, и въ большихъ матеріальныхъ средствахъ; а между тѣмъ всего этого у Польши не доставало. Всемогущіе паны и шляхта не хотѣли нести большихъ податей, не хотѣли лучшаго военного устройства, да производили уже анархическія вспышки; а позднѣйшей готовностью шляхты къ реформамъ и къ усиленію королевской власти и къ уничтоженію вредной власти пановъ—Сигизмундъ Августъ, находясь подъ вліяніемъ пановъ, не стѣмѣлъ воспользоваться. Давно требуемая политическая унія Литвы съ Польшею состоялась наконецъ на сеймѣ въ Люблинѣ (1569), при согласіи литовской шляхты, но при сопротивленіи литовскихъ пановъ. Польша и Литва слились въ одно государство.

Распространеніе въ Польшѣ протестантизма, смѣшивавшаяся съ политикою, и мысль о народной польско-католической церкви, дали поводъ къ великому духовному движенію, которое, подобно гуситству въ Чехіи, могло стать важнымъ факторомъ въ возрожденіи польскаго народа и государства, равнымъ образомъ какъ оно способствовало развитію польскаго языка и польской литературы; оно могло сблизить Польшу и Чехію, особенно посредствомъ чешскихъ братьевъ, которые считали и въ Польшѣ много приверженцевъ; оно могло способствовать установленію болѣе дружественныхъ отношеній между протестантскими Поляками и Литовцами и православными Русскими. Но это новое движеніе не проникло глубоко въ народъ, скоро прекратилось, и не способствовало такому возрожденію.

Послѣ прекращенія рода Ягайлова, Польша раскрылась для разныхъ чужихъ искателей польской короны, которымъ властвующая шляхта предписывала условія, въ ущербъ безъ того уже

ослабѣвшей королевской власти и во вредъ государству. Польша стала „рѣчью посполитою“ (*res publica*) съ избираемымъ королемъ во главѣ, при полномъ господствѣ шляхты, управляемой панами, надъ упавшимъ мѣщанствомъ и поработеннымъ и все болѣе притѣсняемымъ сельскимъ людомъ. Выборы польскихъ королей, находясь подъ вліяніемъ демагогической олигархіи и шляхетской охлократіи, ввели на политическое поприще всякія непатріотическія, безнравственныя и пагубныя интриги, подкупы деньгами, внутреннія междоусобицы и войны партій и ихъ кандидатовъ на корону, и вмѣшательство сосѣднихъ государствъ во внутреннія дѣла Польши. Все это повело за собою ослабленіе и наконецъ гибель рѣчи посполитой.

Послѣ кратковременнаго царствованія Француза *Генриха*, польскій престолъ занялъ семиградскій князь *Стефанъ Батори* (1575—1586). Этотъ дѣльный король оттѣснилъ Мосеву отъ балтійскаго моря изъ Ливоніи, и изъ Полоцеа; но дальнѣйшаго внутренняго разложенія государства онъ, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ уже остановить; изъ числа задуманныхъ реформъ осуществлены не многія, и между прочимъ учреждены трибуналы (наивысшіе суды) для Польши и для Литвы. При королѣ Стефанѣ началась противъ усилившагося протестантизма католическая реакція при помощи іезуитовъ, и съ успѣхомъ продолжалась при королѣ *Сигизмундѣ III* Шведѣ (1587—1632), при которомъ она сдѣлалась руководящею идеею польской политики. Польша такимъ образомъ подчинила свои государственныя и національныя интересы чужимъ, интересамъ Рима и католицизма; этотъ послѣдній сдѣлался господствующимъ въ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ, укрѣплялся и находилъ все больше приверженцевъ въ рядахъ протестантовъ и православныхъ; для послѣднихъ провозглашена унія русской церкви въ Польшѣ и въ Литвѣ съ Римомъ, и такимъ образомъ увеличено число католиковъ-униатовъ (уніатовъ) въ рѣчи посполитой. „Диссиденты“ не были уже всѣ обыватели рѣчи посполитой, „разныящіяся“ въ вѣроисповѣданіи, католики, протестанты (кальвинисты, чешскіе братья, лютеране, аріане) и православные; ими стали только протестанты и православные, или, какъ они съ точки зрѣнія господствующаго

католицизма назывались, „еретики“ и „схизматики“, „дисуниты“; всѣ эти „диссиденты“ чувствовали все большее господство католицизма во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Анархія въ Польшѣ усиливалась все больше, да стали уже говорить, что анархіей и держится Польша. Анархическій дух шляхты вспыхнулъ въ открытое возстаніе (рокошъ) Зебридовскаго, въ которомъ играетъ извѣстную роль тоже оппозиція противъ католической реакціи. Тогда въ началѣ XVII в. представилась возможность присоединенія московской Руси къ Польшѣ. Но анархическіе наѣзды польскихъ пановъ на сѣверо-восточную Русь, которые поддерживали разныхъ самозванцевъ и авантюристовъ добивавшихся царскаго вѣнца въ Москвѣ, и помогали имъ грабить и опустошать русское царство, религіозная односторонность Польши, неумѣстное отождествленіе интересовъ польско-славянскихъ и римско-католическихъ: все это не только помѣшало такому соединенію Польши и Москвы, но совсѣмъ разсорило оба славянскія государства. Съ другой стороны и на западѣ польскіе солдаты, съ позволенія польскаго короля, помогали Нѣмцамъ и Риму доконать чешское „еретическое“ государство; такимъ образомъ и Польша способствовала ослабленію славянскаго элемента и усиленію Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Борьба съ Турціею была Польшѣ не по силѣ и не по средствамъ, и Татары свирѣпствовали въ ней и особенно въ ея русскихъ областяхъ по прежнему. Силами военного населенія юговосточныхъ окраинъ, русскихъ козаковъ, Польша не сумѣла ни воспользоваться въ борьбѣ противъ магометанскаго міра, ни удерживать ихъ въ повиновеніи, и ей приходилось часто подавлять козацкія возстанія. Великому походу противъ Крыма и Турціи, который приготавлиалъ король *Владиславъ IV* (1632 до 1648), помѣшала подозрительная шляхта, усматривая въ этомъ планѣ попытку къ усиленію королевской власти и покушеніе на свои привилегіи. Съ политическимъ и экономическимъ упадкомъ, съ упадкомъ свободы совѣсти и съ побѣдою іезуитовъ, былъ въ связи упадокъ просвѣщенія и образованности, и Польша останавливалась на пути культурнаго движенія и оставалась позади остальныхъ европейскихъ народовъ.

Смутное время настало для Польши съ половины XVII вѣка, при королѣ *Юаннѣ Казиміръ* (1648—1668). Возстаніе русскихъ козаковъ и народа подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго и возникшая изъ этого война съ русскимъ царствомъ потрясли Польшу до самыхъ основъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпствовали войны съ Швеціею, Бранденбургомъ-Пруссіею, которая освободилась отъ ленной зависимости, Семиградьемъ, съ Турціею, да внутренняя война—возстаніе Любомирскаго. Польша находилась на краю гибели, но выпуталась на этотъ разъ еще довольно благополучно, лишившись только нѣкоторыхъ восточно-русскихъ земель, Ливоніи и Пруссіи. Король Юаннъ Казиміръ однако уже тогда пророческимъ духомъ предсказалъ неминуемую гибель Польши въ будущемъ и раздѣленіе ея между сосѣдей. Король *Юаннъ Собескій* (1674—1696) воевалъ съ Турками счастливо и несчастливо, освободилъ отъ нихъ Вѣну, но утраченныхъ земель возвратить Польшѣ не могъ: онѣ, т. е. часть Украины и Подолье, возвращены ей только при его преемникѣ *Августѣ II* саксонскомъ (1697—1733), съ которымъ воцарилась въ Польшѣ нѣмецкая династія.

Польша, лишенная сильной королевской власти и всего авторитета и почета, сдѣлалась театромъ политической дѣятельности чужихъ державъ и борьбы партій въ ихъ службѣ. Сеймы, въ слѣдствіе права каждаго депутата прекратить ихъ дѣятельность безсмысленнымъ *liberum veto*, не кончали своихъ законодательныхъ работъ. Паны и управляемая ими шляхта, олицетворяя собою государство, не хотѣли однако его поддерживать, а, напротивъ, расшатывали его всевозможными способами, и выжимали, вмѣстѣ съ ужасно распложившимся жидовствомъ, послѣдніе соки изъ поработеннаго люда. Съ упадекомъ городовъ упала и промышленность и торговля, и Польша подпадала все въ большую экономическую зависимость отъ иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ. Благодаря іезуитско-католическому вліянію общій уровень просвѣщенія понизился въ опасныхъ размѣрахъ. Все это происходило въ Польшѣ какъ разъ въ то время, когда окружающіе ее народы и государства развивались политически, матеріально и умственно. Преслѣдованіе польскихъ

диссидентовъ представляло чужимъ державамъ желаемый случай вмѣшиваться все болѣе во внутреннія дѣла дряблой рѣчи посполитой. Съ начала XVIII в., во время сѣверной войны, чужія войска хозяйничали въ Польшѣ безпрепятственно, и Польша, никому не опасная, не грозная, терзаемая анархіею, очутилась въ все большей зависимости отъ чужихъ державъ, именно отъ усиливающейся имперіи русской. Россія удержала Августа II на польскомъ тронѣ, и посадила на него его сына *Августа III* (1733—1763), и наконецъ и послѣдняго польскаго короля, *Станислава Августа Понятовскаго* (1764—1795).

Давно подготовляемое паденіе Польши состоялось наконецъ во второй половинѣ XVIII вѣка, и не могло быть уже предотвращено производимыми или приготавливаемыми реформами: все было уже поздно. Польша, кромѣ того, совершила роковую ошибку, что она не бросилась безусловно въ объятія Россіи, такъ какъ это одно могло ее еще спасти изъ подъ власти Нѣмцевъ, могло сохранить по крайней мѣрѣ національную цѣлость польскаго народа. Такимъ образомъ Польша вмѣсто того чтобъ всей соединиться съ славянскою Россіею, раздѣлена между тремя сосѣдними державами, Пруссіею, Австріею и Россіею (1772, 1793, 1795); мысль далъ Фридрихъ прусскій, охотно ее приняла Австрія, наипозже Россія. Пророчество польскаго короля Іоанна Казимира сбылось вполнѣ.

Паденіе Польши обуславливалось причинами внутренними и внѣшними. Королевская власть и идея государства приведены здѣсь въ полное разрушеніе, и не доставало выдающихся королей и государственныхъ людей, которые были бы въ состояніи направить государственную жизнь Польши на другой путь. Между тѣмъ въ сосѣднихъ странахъ государственная идея, благодаря энергичнымъ государямъ и государственнымъ людямъ, все болѣе усиливалась, и на границахъ Польши образовались сильныя самодержавныя монархіи, русская, прусская и австрійская. Польша распространяясь на востокъ въ русскія земли, перестала быть однороднымъ, національнымъ и религіознымъ цѣлымъ. Ея правители не сумѣли примирить вѣковую религіозную и національную противоположность между Поляками и Русью, и поль-

скому элементу удалось асимилировать себя на Руси одни только высшіе слои, а не весь народъ. Эта Русь въ Польшѣ и въ Литвѣ не видѣла и не искала своей точки тяготѣнія въ государствѣ польскомъ, а обращалась все больше къ истому средоточію всей Руси, къ Москвѣ, гдѣ жилъ православный царь всея Руси, который всегда считалъ всѣ русскія земли своею отчиною, а Литовцевъ и Поляковъ втершимися въ нее пришлецами. Такое положеніе Москвы среди всей Руси рѣшило судьбу югозападной Руси, которая могла оставаться въ подданствѣ Литвы и Польши только до тѣхъ поръ, пока сѣверовосточная Русь, Москва, была слаба; но какъ только Москва усилилась, и дѣлалась и считалась средоточіемъ всей Руси, то югозападная Русь возвращалась исподволь, начиная съ конца XV вѣка, подъ господство русскаго царя, и досталась ему наконецъ—кромѣ Руси Червоной—въ теченіи второй половины XVIII вѣка. Это бы состоялось, еслибъ даже Польша была государствомъ лучше устроеннымъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ она на дѣлѣ была; остановить этотъ естественный процессъ или ему помѣшать она никоимъ образомъ не могла. Русская имперія собрала почти всѣ русскія земли, подданныя Литвѣ и Польшѣ, но не приобрѣла ни малѣйшаго куска собственно польской земли. Польшу т. е. польскія земли по Вартѣ и по Вислѣ, раздѣлили между собою Нѣмцы, Прусаки и Австрійцы.

Это раздѣленіе Польши между Нѣмцами составляло третій актъ и окончаніе западно-славянской трагедіи вообще, которая началась тысячелѣтіе тому назадъ: изъ давня Нѣмцы нападали на западное Славянство, покоряли и истребляли его и основывали на его шеяхъ и могилахъ свое господство между Лабомъ и Одромъ, въ скоромъ времени асимилировали себя тамошнихъ Славянъ, и стремились дальше на востокъ, въ Польшу. Столѣтіе спустя нѣмецкіе крестоносцы водрузили свой мечъ на нижней Вислѣ, въ Пруссіи и въ восточномъ Поморьѣ, и нападали на Польшу съ сѣвера. Польша съ помощью Литвы усмирила нѣмецкихъ крестоносцевъ, и возвратила себя Поморье; но совершила роковую ошибку, оставивши прусское княжество въ рукахъ нѣмецкихъ рыцарей и допустивши его соединеніе съ Бранденбургомъ. Бранденбургскіе курфюрсты, назвавшись прус-

скими королями, стремились соединить Бранденбургъ съ Пруссіею, отдѣленною отъ него польскими землями. Въ теченіи второй половины XVIII вѣка они не только этого добились, но слѣдую своему привычному стремленію на востокъ, захватили кромѣ восточнаго Поморья (королевской Пруссіи) тоже Великую Польшу и Мазовію; другія, когда-то лашскія земли, западное Поморье и Силезію, они приобрѣли уже раньше. Подобный тому захватъ славянскихъ земель происходилъ тоже на югѣ. Нѣмцы, водворивши свое господство на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ, въ земляхъ когда-то славянскихъ, все стремились завладѣть Чехіею, единственнымъ славянскимъ государствомъ въ средней Европѣ. Этого они и добились: австрійскіе эрцгерцоги стали не только императорами римско-нѣмецкими, но тоже королями чешскими и угорскими и хорватскими. Въ 1620 г. пало самостоятельное государство чешское, и наводнялось нѣмецкимъ элементомъ который подъ эгидой Габсбурговъ распространялся и въ Угрію и въ югославянскія земли. Въ XVIII в. Нѣмцы, посредствомъ, Австріи, захватили Малую Польшу и изъ давня съ нею соединенную Червоную Русь. Въ интересахъ Польши и всего Славянства надо сожалѣть о томъ, что Польша, если ея паденіе стало уже неминуемымъ, не досталась вся Россіи, и что Россія вынуждена была отдать Нѣмцамъ собственно польскія земли. Объ этомъ не переставали сожалѣть и многіе польскіе патріоты, которые послѣ паденія политической независимости Польши, стали трудиться надъ возрожденіемъ польскаго народа, усматривая въ славянской Россіи опору для своего народа, члена великой славянской семьи.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII в. нѣмецкое господство двинулось отъ Лабы и Одры на востокъ за Вислу, и организованный нѣмецкій элементъ завладѣлъ всѣми полабскими и повислянскими землями, до Нѣмана, Буга и Збруча. Въ Гданскѣ, Познанѣ и Варшавѣ, въ провинціяхъ West-Preussen, Süd-Preussen, Neu-Ost-Preussen, въ Краковѣ, Люблинѣ и Львовѣ, въ королевствахъ Galizien und Lodomerien, раздалась нѣмецкая команда, заскрипѣли перья нѣмецкихъ чиновниковъ и учителей, какъ это было уже раньше въ Воротиславлѣ, Прагѣ и Бернѣ, въ Люблинѣ и Загребѣ.

V.

С Л О В Е Н Ц Ы ¹⁾.

Словенцы являются подъ этимъ своимъ названіемъ въ альпійскихъ земляхъ Норика въ концѣ VI в., доходя на западъ до рѣки Ина и за Сочу; на сѣверѣ отдѣляли ихъ отъ Чеховъ, Ракоусовъ и Моравянъ Дунай, на югѣ граничили съ Хорватами въ Истріи; на востокѣ прилегали къ нимъ ближайшіе ихъ соплеменники въ Паноніи, часть которыхъ со временъ завоеванія ея Уграми исчезла кромѣ незначительныхъ остатковъ, а другая часть вошла въ составъ Хорватіи, съ сохраненіемъ однако своего названія словенскаго до недавна и своего нарѣчія (кавказскаго) до сихъ поръ. Большую, сѣверную половину словенской обла-

---

¹⁾ Исторія словенскаго народа, какъ одного національнаго цѣлаго, мало обработана. Источники ея надо искать въ собраніяхъ лѣтописей и грамотъ, касающихся исторіи Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Горицы, Истріи, Тироля, Баваріи и др. О древней исторіи Словенцевъ см. Шафарикъ: Славян. древности §§ 35, 36; Bradak: O najstareji slovenski zgodovini (Letopis Matice slovenske 1870), Kammel: Die Entstehung des österreich.-Deutschthums. (1879). Новѣйшую исторію см. въ исторіяхъ Штиріи (Muchar), Каринтіи (Ankershofen), Крайны (Dimitz), Горицы (Czörnig), и др.; Šuman: Die Slovenen (1881), и Пыпинъ: Исторія славянскихъ литературъ I. Замѣтимъ здѣсь, что правильная форма—Словенцы, словенскій; „Словинцы, словинскій“ означало и означаетъ на славянскомъ югѣ, именно въ Далмаціи, гдѣ произносятся ѣ какъ и, адриатическихъ Югославянъ (Хорватовъ и Сербовъ).

сти населяли *Коржане* (Carantani, Carantania, нынѣ *Корошцы*, корошская земля, древне-рус. *Хорутане*, чешск. *Корутане*); на югѣ была земля *краньская* (Carnia). Словенцы, раздѣленные на разные племена, соединились въ одно государство подъ княземъ *Самомъ*, который ихъ освободилъ отъ власти Обровъ (Аваровъ), и отстоялъ словенскую самостоятельность противъ Франковъ (630). Но въ послѣдствіи, въ VIII в., Словенцы сдѣлались подручниками Баварцевъ и Франковъ, и приняли христіанство. Князья встрѣчаются у Словенцевъ, въ земляхъ коржанской и краньской, до конца VIII в.; но съ начала IX в. Словенцы находились уже подъ непосредственнымъ владычествомъ Нѣмцевъ, и подъ разными герцогами, маркграфами, графами, епископами. Главное было здѣсь герцогство карантанское и его области Штирія, Крайна, Фриуль, Истрія, которыя отъ части сдѣлались со временемъ самостоятельными, дальше Горица, и Восточная Марка (Австрія).

Во второй половинѣ XIII в. нѣмецкія и словенскія земли между Дунаемъ и адриатическимъ моремъ соединены съ чешскимъ государствомъ Премысла Отакара II; но послѣ паденія этого чешскаго короля всѣ эти альпійскія земли достались, въ XIII—XIV вв., Габсбургамъ, которые основали здѣсь новую сильную нѣмецкую державу.

Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ господствомъ шла нѣмецкая колонизація, распространялся нѣмецкій языкъ. Духовенство, дворянство, мѣщанство было нѣмецкое и, если въ ихъ числѣ были и Словенцы, то они скоро стали Нѣмцами. Вся сѣверная половина словенской области, между Дунаемъ и Дравою, со временемъ онѣмечилась, и Словенцы здѣсь мало по малу исчезали; ихъ память сохраняли здѣсь позже только нѣкоторые учрежденія (lex slavica, institutio sclavanica, mansi sclavonici), особенно множество словенскихъ географическихъ названій. Но и въ южной половинѣ словенской земли, между Дравою и адриатическимъ моремъ, гдѣ осталось словенское населеніе, словенскій языкъ былъ языкомъ только простолюдинъ, и если онъ былъ и между высшими слоями извѣстенъ, то все таки не былъ въ такомъ употребленіи, какъ нѣмецкій, и раздавался лишь только при старин-

ныхъ обрядахъ сажанія на княжескій столъ герцоговъ варантанскихъ. Только съ XVI вѣка, со времени нѣмецкой реформациі распространявшейся и между Словенцами, нѣкоторые священники стали писать на словенскомъ языкѣ, прежде всего для религіозныхъ цѣлей, съ начала въ смыслѣ протестантизма, и послѣ его подавленія, въ смыслѣ католическомъ. Словенцы несли всѣ тяжести разныхъ войнъ своихъ нѣмецкихъ господъ съ Венеціанцами, Турками; они участвовали тоже въ хорватскихъ сельскихъ смутахъ XVI в., добиваясь „старого права“ противъ притѣсненій своихъ господъ.

Господство нѣмецкаго элемента въ высшихъ слояхъ, политическое раздробленіе малаго народа на нѣсколько отдѣльныхъ областей, породили и утвердили партикуляризмъ посреди Словенцевъ изъ венеціанскаго Фріуля, австрійской Горицы, Истріи, Каринтіи, Крайны, Штиріи и Угрии. Только съ конца XVIII в. начинается возрожденіе словенскаго народа, развивается сознаніе національной солидарности всѣхъ Словенцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе родства съ остальными Славянами.

VI.

ХОРВАТЫ ¹⁾.

На Далмацію нападали Славяне въ VI в., и завоевали ее ок. 600 г. Это были славянскія племена, названныя позже Хорваты и Сербы. Первоначальная Хорватія заключалась между адриатическимъ моремъ, Савою, Цетиною и Вербасомъ; на востокъ отъ Хорватовъ, по рѣкамъ Боснѣ, Дринѣ и Моравѣ (за-

---

¹⁾ Источники хорватской и сербской исторіи, которые оцѣнилъ Раѣки (*Ocjena starijih izvora*), изд. Раѣки: *Documenta historiae Croatiae* (1877); Кукулжевиѣ: *Jura Regni Croatiae* (1861), *Acta croatica* (1863), *Codex diplomat. Croatiae* (съ 1874); Theiner: *Vetera monumenta Slavorum merid.* (1863—1875); *Monumenta spectantia historiam Slavorum merid.* (съ 1868); Макушевъ: *Monumenta histor. Slavorum merid.* (1874—1882); *Monumenta historico-juridica Slavorum merid.* (съ 1878), и др. Хорватскую исторію, отдѣльно или въ связи съ остальною югославянскою, обрабатываетъ особенно Рачкій въ сборникѣ *Rad jugoslav. akademije* (*Hrvatska prije XII v., Borba južnih Slovena, Pokret na sloven. jugu, Bogomili* и др.); Ткалѣиѣ: *Hrvatska povjestnica*; Лубиѣ: *Pregled hrvatske poviesti* (1864); Смиѣиѣ: *Poviest hrvatska* (1879—1882). О Дубровникѣ и о его отношеніяхъ къ Венеціи см. статьи Любича въ сборникѣ *Rad* (5, 17), Макушевъ: *Изслѣдованія объ истор. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника* (1867); о внутреннемъ устройствѣ Леонтовичъ въ *Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ.* 1867, 136; о другихъ далмат. и хорв. общинахъ см. Reutz: *Verfassung u. Rechtszustand der dalmat. Küstenstädte* (1841, также и по русски), Леонтовичъ: *Древнее хорвато-далмат. законодательство* (1868).

падной) поселились Сербы. Племена жившія на югъ отъ Хорватовъ и отъ Сербовъ, назвались по новымъ своимъ землямъ Неретвяне, Захольяне, Требиняне, Подгоряне, Діоклейцы (Зетяне) и пр.; но вмѣстѣ съ тѣмъ они называли себя вообще Славяне (Словине, Словинцы), свою землю и свою рѣчь славянскою (словинскою). Позже приморскіе Словине до Дубровника назывались тоже Хорватами, а другіе Сербами, названія, которыя обусловливались тоже вѣроисповѣданіемъ, католическимъ и православнымъ. Въ адриатическомъ приморьѣ, въ Далмаціи, осталось нѣсколько римско-итальянскихъ общинъ, Задаръ, Сплѣтъ, Трогиръ, Дубровникъ, которыя однако со временемъ поддались вліянію окружавшаго ихъ славянскаго элемента.

Съ конца VIII в. Хорваты въ Далмаціи, подобно Славянамъ Норика и Паноніи, признали верховную власть Франковъ, а столѣтіе спустя — императоровъ восточно-римскихъ; верховная власть Византіи продолжала существовать до конца XI вѣка, хотя тогда уже только по имени. Хорваты и другіе приморскіе Славяне приняли христіанство изъ Рима; словѣнскій языкъ, употребляемый ими въ богослуженіи рядомъ съ латинскимъ, Римъ съ начала преслѣдовалъ, но въ послѣдствіи опять разрѣшилъ въ части хорватской церкви. Сербы применили къ восточной церкви и тѣмъ самымъ и къ греческой культурѣ. Политическое, религіозное и культурное раздвоеніе одного народа на Хорватовъ и Сербовъ осталось уже во всѣ послѣдующія времена до сихъ поръ въ обоюдному ущербу. Напрасно югославянскіе католики и православные подтрунивали другъ надъ другомъ, католики надъ „схизматиками, влахами“, а православные надъ „латинянами, шовцами (дураками)“; надъ обоими подтруниваетъ горькая народная иронія тѣхъ и другихъ, что, вѣдь, „власи сиромаси, а шовци убогци“.

Хорваты основали рано довольно сильное княжество, съ начала X вѣка королевство; хорватскій народъ распространился тоже въ Истрію, которая однако не вошла въ составъ хорватскаго государства. Въ X вѣкѣ распространилось владичество хорватскихъ королей на сѣверъ за Саву до средней Дравы. Съ тѣхъ поръ эта „славянская“ земля (Slavonia, хорват. Сло-

винская земля, Словинія, жители—Словинцы) между Савою и Дравою принадлежала на западѣ Хорватіи, между тѣмъ какъ восточная ея часть (съ Срѣмомъ) была болгарская, византійская, и со второй половины XI в. угорская. При короляхъ *Крѣсимі-ратѣ* (первый около половины X в., второй ок. 1050—1073) Хорватія распространила свое господство въ нѣкоторыя сосѣднія сербскія земли и въ далматскія городскія общины, которыя, будучи единственнымъ остаткомъ римской Далмаціи, признавали съ начала верховную власть Византіи, но въ послѣдствіи составили предметъ борьбы между Венеціею и Хорватіею. Послѣ прекращенія королевской династіи, хорватскій столъ достался нѣсколькимъ хорватскимъ вельможамъ, *Димитрію Званиміру*, *Петру Свачичу*, а въ 1102 г. Хорваты выбрали въ короли угорскаго короля *Коломана*.

Съ тѣхъ поръ хорватско-далматское королевство соединено съ угорскимъ и, хотя оно сохраняло и впредь свое отдѣльное положеніе и внутреннее самоуправленіе подъ своимъ баномъ, все таки въ внѣшней политикѣ являлось уже только какъ часть угорскаго государства, которое съ тѣхъ поръ приобретаетъ все большее вліяніе на славянскомъ югѣ; кромѣ Хорватіи оно здѣсь заняло въ XI в. Срѣмъ, и стало распространять свое владѣтельство въ сосѣднія сербскія земли, именно въ Босну и въ сѣверную Сербію, въ Мачву. Попытка византійскаго императора Мануила во второй половинѣ XII вѣка, возобновить власть восточно-римской имперіи на всемъ балканскомъ полуостровѣ, во всей Далмаціи, тогда уже хорватской и сербской, удалась только на время, и по его смерти хорватскія земли возвратились въ Угрію. Далматскія городскія общины продолжали быть предметомъ споровъ между Венеціею и Угріею, пока наконецъ въ 1358 г. утвердилось въ нихъ угорское господство; тогда призналъ тоже Дубровникъ верховную власть Угріи.

Хорваты, входя въ составъ угорскаго государства, играли въ немъ часто важную роль. Они, во время страшнаго наѣзда Монголовъ въ Угрію (1241—1242), отразили ихъ въ приморскихъ странахъ, способствуя такимъ образомъ, подобно Чехамъ, освобожденію средней Европы отъ этихъ грозныхъ враговъ, ко-

Славяне, ихъ взаим. отношенія.

торые навѣстили потомъ еще Сербію и Болгарію. Хорваты, въ ихъ главѣ банъ Павелъ Шубичъ, въ началѣ XIV в. проложили новой династіи неаполитанскихъ Анжу дорогу на угорскій престолъ и помогли имъ въ достиженіи этой цѣли противъ другихъ претендентовъ; Шубичи Павелъ и его сынъ Младенъ, господствовали тогда почти самостоятельно въ Хорватіи и въ Боснѣ. Также и въ концѣ XIV в., послѣ смерти короля Людовика (1382), многіе Хорваты призвали на престолъ угорско-хорватскій неаполитанскаго короля Карла противъ дочери Людовика Маріи и ея мужа Сигизмунда чешскаго; они долго сопротивлялись Уграмъ, вмѣстѣ съ босенскимъ королемъ Стефаномъ Тврдкомъ, который намѣревался основать югославянское государство изъ земель хорватскихъ и босенско-сербскихъ. Но этотъ планъ не удался, равнымъ образомъ какъ не удалась позже подобная попытка босенскаго короля Стефана Остои и его войводы Хервои и Хорватовъ, которые поддерживали кандидатуру Ладислава неаполитанскаго на тронъ угорско-хорватскій; вскорѣ Хорватія и Босна возвратились къ побѣдителю, угорскому королю Сигизмунду (1408).

Во время этихъ долготѣнныхъ войнъ Турки все больше усиливались на балканскомъ полуостровѣ, и стали вторгаться уже въ Хорватію; съ другой стороны Венеціанцы распространили свое господство во всей приморской Далмаціи отъ Задра до Котора (кромѣ Дубровника), которая имъ и уступлена (1433), въ ущербъ Хорватамъ и вообще всему южному Славянству. Турки завоевали почти весь балканскій полуостровъ, покорили Сербію, Болгарію, Босну, и вторгались въ Хорватію и въ Угрію. Угорско-хорватское государство не было въ состояніи остановить грозныхъ Турокъ, тѣмъ болѣе, что его силы расточались въ войнахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, съ чешскими „еретиками“; такъ было уже при королѣ Сигизмундѣ, такъ было и при королѣ *Матвѣ* Корвинѣ (1458—1490). Во время войнъ Матвѣя съ Чехами и съ императоромъ Фридрихомъ югославянскія земли страдали отъ наѣздовъ Турокъ, напоръ которыхъ здѣсь сдерживали почти одни Хорваты, Франкапаны, Зринскій, Бериславичъ, Карловичъ и др. Опасность со стороны Турокъ, которая уже въ те-

ченіи XV в. принуждала Угрію нѣсколько разъ прибѣгать въ союзамъ съ сосѣдними государствами, съ польскимъ, чешскимъ и съ австрійскими землями, повела наконецъ въ соединенію коронъ угорской и чешской въ рукахъ чешскихъ Ягайловичей. Но Турки распространяли свое господство все дальше на сѣверъ, завоевали Бѣлградъ и, послѣ битвы подъ Мохачемъ (1526), юговосточную Хорватію съ городомъ Яйцемъ, и восточную половину Словиніи или Славоніи между Дравою и Савою, съ конца XV в. особаго королевства подлѣ хорватскаго и далматскаго.

По смерти короля Людовика Ягайловича въ битвѣ мохачской Хорваты выбрали въ короли (1527) Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго и короля чешскаго, который помогалъ имъ уже раньше въ оборонѣ ихъ родины; но Угры выбрали Іоанна Запольскаго, который нашелъ много приверженцевъ и въ Хорватіи. Начались войны противъ Турокъ и противъ Запольскаго и его партіи, и Фердинандъ признанъ повсюду королемъ хорватскимъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, а угорскимъ королемъ по смерти Запольскаго, хотя отъ угорскаго королевства осталось ему только его сѣверозападная часть; остальная, восточная часть вмѣстѣ съ восточною Славоніею, была турецкая или составляла владѣнія сына Запольскаго. Хорваты ошиблись, предполагая, что въ слѣдствіе избранія Габсбурговъ снискаютъ себѣ дѣятельную помощь изъ Германіи. Габсбурги, подобно нѣкоторымъ прежнимъ угорскимъ королямъ, интересовались больше новыми „еретиками“ средней Европы, протестантами, чѣмъ Турками. Хорваты должны были, по прежнему, напрягать всѣ силы въ этой борьбѣ съ Турками, и заслужили себѣ исполнѣ справедли-
 вый титулъ „оплота христіанства“; изъ ихъ рядовъ вышло много такихъ героевъ, какъ Николай Зринскій, погибшій при защитѣ Сигета (1566). Отъ хорватскаго королевства удѣляли одни только „остатки“ (*reliquiae*, какъ выражались Хорваты) на сѣверозападѣ, именно западная половина королевства словинскаго около Загреба, которая съ тѣхъ поръ называлась „Хорватіей“; настоящая Хорватія на югъ отъ Савы была давно венеціанская (Далмація) и турецкая. Хорватскій народъ бѣжалъ отъ военныхъ бѣдствій на сѣверъ за Драву въ югозападную Угрію и на

границы австрійскія. Къ военнымъ бѣдствіямъ присоединилась внутренняя война; сельскій народъ, страдая отъ Турокъ и отъ своихъ господъ, возсталъ противъ послѣднихъ; это возстаніе въ земляхъ хорватскихъ и словенскихъ подавлено съ трудомъ и съ большимъ кровопролитіемъ (1573). Для лучшей обороны противъ Турокъ хорватская окраина („краина“) на границѣ турецкихъ владѣній въ Боснѣ и въ Хорватіи устраивалась по военному, какъ военная Граница подъ начальствомъ цесарскихъ генераловъ и при помощи нѣмецкихъ военныхъ отрядовъ; къ ней принадлежали тоже сербскіе „ускоки“ (бѣглецы) изъ Босны, поселившіеся въ приморской Хорватіи около Сени. Такихъ сербскихъ бѣглецевъ изъ Босны и Сербіи прибывало все больше въ Хорватію, особенно въ краину.

Турецкая сила ослабѣвала только съ начала XVII вѣка, и Хорваты и поселившіеся въ Хорватіи Сербы, пользуясь на продолжительное время большимъ спокойствіемъ со стороны Турокъ, могли послѣдовать примѣру своихъ соплеменниковъ въ Далмаціи, бьющихся уже давно за интересы югославянскихъ кровопійцъ Венеціанцевъ, и проливали свою кровь въ 30-лѣтней войнѣ, за чужіе интересы, въ пользу Габсбурговъ и католицизма въ Германіи, стяжая себѣ одну только военную славу. Въ Хорватіи католицизмъ былъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, а протестантская „чума“, послѣ нѣкоторыхъ несмѣлыхъ зачатковъ, тамъ не распространилась; банъ Эрдеды приготавливалъ на нее рѣки и мечъ. Также и православные Сербы или „схизматики Влахы“ въ Хорватіи и въ Угріи должны были испытывать разныя придиры и преслѣдованія.

Войны съ Турками возобновились во второй половинѣ XVII вѣка, и въ нихъ принимали дѣятельное участіе Хорваты, ихъ бани братья Зринскіе, Николай и Петръ. Въ Угріи и въ Хорватіи недовольство нѣмецкимъ правленіемъ императора все больше усиливалось, Хорваты все жаловались на нѣмецкія войска въ военной Границѣ, и Петръ Зринскій задумалъ освободить свою родину отъ нѣмецкаго правительства съ турецкой помощью. Но этотъ планъ не удался, Зринскій и Франкапанъ заплатились за это своими головами (1671), а министры совѣтовали импера-

тору послѣдовать примѣру Фердинанда II, подавившаго послѣ бѣлогорскаго сраженія сопротивленіе чешской шляхты на всегда, и поступить такимъ образомъ и въ Хорватіи. Это не состоялось, такъ какъ императоръ нуждался въ Хорватахъ противъ Угровъ и противъ Турокъ, которые послѣ пораженія подъ Вѣною (1683) вынуждены были отступать изъ Угрии, Хорватіи и Далмаціи. Но отъ всѣхъ завоеванныхъ земель остались императору (1699), кромѣ восточной Угрии, хорватское приморье и бывшая восточная Славонія, нынѣ уже просто „Славонія“, которая однаго не присоединены къ королевству хорватскому, а устроены по военному, какъ часть военной Границы.

Во время этихъ тяжелыхъ войнъ съ Турками нельзя было и подумать о болѣе живомъ развитіи литературы у южныхъ Славянъ. Только въ далматскихъ городскихъ общинахъ, преимущественно въ *Дубровникѣ*, въ этой „коронѣ городовъ словинскихъ или хорватскихъ“, литература нашла пріютъ; здѣсь, съ XV вѣка, подъ вліяніемъ сосѣдней Италіи, но тоже народной поэзіи сербской, процвѣтала поэзія на языкѣ словинскомъ или хорватскомъ, писанномъ латиницею, а науки на языкѣ латинскомъ или итальянскомъ. Также въ сношеніяхъ съ сосѣдними югославянскими странами Дубровчане употребляли словинскій (сербскій) языкъ писанный кириллицею; но официальнымъ языкомъ общины остался по закону языкъ латинскій, и тоже итальянскій. Дубровникъ отдавши себя послѣ 1526 г. подъ покровительство Турокъ, сохранилъ себѣ самостоятельность, и велъ обширную торговлю на балканскомъ полуостровѣ и въ Левантѣ.

Границы между Хорватіею и Турціею (турецкою Хорватіею, Босною и Сербіею) по миру карловицкому (1699), т. е. Сава и Уна, остались съ тѣхъ поръ и впредь; присоединеніе земель на правомъ берегу Савы къ владѣніямъ Австріи (1718—1739) было только мимолетно. Хорваты вмѣстѣ съ Сербами угорскими и хорватскими проливали свою кровь не только во всѣхъ трехъ австрійско-турецкихъ войнахъ XVIII вѣка, но тоже во всѣхъ войнахъ австрійской династіи въ Угрии, Италіи, Германіи, Нидерландѣ, Франціи. Хорватскія земли оставались все разъединенными: Далмація и Истрія находились подъ владычествомъ ве-

неціанскимъ, турецкая Хорватія подъ турецкимъ, остальная подъ австрійскимъ. Изъ нихъ королевства хорватское и славонское (это послѣднее соединено отъ части съ Хорватією въ 1745 г.), составляя часть угорской короны, управлялись конституціоннымъ образомъ, при господствѣ дворянства надъ подданнымъ людомъ, и при официальномъ латинскомъ языкѣ. Военная Граница отъ моря адріатическаго до устья Савы, управлялась безъ подданства по военному, изъ Вѣны и по нѣмцамъ, генералами; тщетны были всѣ просьбы хорватскихъ чиновъ, чтобъ эта военная Граница была присоединена къ королевству. Придирки Хорватовъ католиковъ къ православнымъ Сербамъ (Влахамъ) продолжались, такъ что сама королева Марія-Терезія приказала, чтобъ католики и православные жили въ согласіи, такъ какъ она сама заключила союзъ съ русскою императрицею тоже православною. Хорватамъ пришлось защищаться противъ централизаціонныхъ стремленій Угровъ, которые посягали на самостоятельность хорватскаго королевства, считая его своею провинцією (*pars adnexa*); но этому Хорваты всегда рѣшительно сопротивлялись, считая свое королевство союзнымъ (*regnum socium*), и держась словъ одного изъ своихъ бановъ: *regnum regno non praescribit leges*. Хорваты приняли прагматическую санкцію раньше и независимо отъ Угровъ (1712).

Этотъ антагонизмъ между Хорватами и Уграми, съ начала политическій, потомъ національный, усиливался со временемъ все больше, вмѣстѣ съ пробужденіемъ и развитіемъ идеи народности, идеи славянской, которая на славянскомъ югѣ, именно между Хорватами, считала всегда усердныхъ приверженцевъ и защитниковъ.

VII.

С Е Р Б Ы ¹⁾.

Позже чѣмъ Хорваты являются Сербы какъ одно политическое цѣлое. Славянскія племена, поселившіяся въ адриатическомъ приморьѣ, по Неретвѣ, Зетѣ, и дальше по Боснѣ, Дринѣ, Моравѣ, Ибрѣ, долго жили особо. Верховная власть восточно-римской имперіи была подѣльча, да въ X вѣкѣ два раза замѣнена болгарскою. Только при великомъ жупанѣ сербскомъ *Чеславѣ*, въ первой половинѣ X в., славянскія племена

---

¹⁾ Кромѣ изданій упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, см. житія серб. государей изданныя Шафарикомъ (*Раматку d'evniho p'isemnictvi Jihoslovaniu*), Даничичемъ (Доментіанъ, Даниилъ), Павловичемъ (сводъ лѣтописей); лѣтописи изд. Шафарика. Ягича и др.; Miklošić: *Monumenta Serbica* (1858), Пуцић: *Споменици србски* (1858—1862). Древнюю серб. исторію обработали Рачкій въ выше упомянутыхъ сочиненіяхъ, Новаковић: *Србске области X и XII в.* (Гласникъ 1879, кн. 48), Срећковић: *Историја срб. народа* (1884, I), Васильевскій въ *Славянскомъ Сборникѣ* II. 210, Флоринскій: *Южные Славяне и Византія въ XIV в.* (1882); Мијатовић: *Десиот ђурађ Бранковић* (1880). О новой серб. исторіи см. Kallay: *Geschichte der Serben* (1877). Ranke: *Serbien u. die Türkei* (1879), Поповъ: *Россія и Сербія* (1869); о угорскихъ Сербяхъ Picot: *Les Serbes de Hongrie* (1873, по сербски 1883), Schwicker: *Polit. Geschichte der Serben in Ungarn* (1880); о Боснѣ Klaić (*Poviest Bosne* 1882); о Черной Горѣ Медаковић (*Повѣстница Црне Горе* 1850). Ср. введеніе въ соч. Майкова: *Исторія серб. языка, по сербски: Исторія србскога народа* (1876).

адриатическаго приморья очутились въ нѣкоторой зависимости отъ восточнаго племени Сербовъ, и означались тоже этимъ названіемъ. Съ конца X в. восточные Сербы исчезаютъ съ историческаго поприща, и на немъ являются приморскіе Славяне; ихъ политическимъ центромъ стала на полтора вѣка Діоклеа (Зета) и соединенныя съ нею Требинье и Захолмье (Холмъ). Ихъ князья *Стефанъ Войславъ (Доброславъ)*, *Михаилъ*, *Бодина*, *Радославъ* и др. княжили тоже въ нѣкоторыхъ восточныхъ земляхъ, именно въ Расѣ, воевали съ Византійцами, помогали Болгарамъ. Князь Михаилъ получилъ (1078) отъ папы достоинство „короля славянскаго“, и такъ назывались и его преемники. Это „славянское королевство“ (regnum Slavorum, краљество словинско) находилось въ церковномъ отношеніи въ повиновеніи Рима, составляя митрополию діоклейско-барскую.

Съ начала XII вѣка великіе жупаны раскїе добились независимости отъ Діоклеи, и находясь подъ верховною властью византійскихъ императоровъ, стремились къ тому, чтобъ вмѣсто королей славянско-діоклейскихъ занять здѣсь политическое первенство. Одинъ изъ этихъ великихъ жупановъ раскїихъ, *Стефанъ Неманя* (1159—1195), сталъ собирателемъ сербскихъ земель и возобновителемъ Сербїи. Онъ соединилъ восточную Сербїю (Расъ), уничтоживши удѣлы своихъ братьевъ, присоединилъ къ своему государству славянское королевство Діоклею (Зету) съ Холмомъ и Требиньемъ, и, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, освободился отъ верховной власти Византіи. Съ тѣхъ поръ сербское имя распространилось и дальше на юго-западъ въ приморье, хотя это приморье не перестало употреблять и впредь старинное имя „словинской“ земли. Остальныя сербскія области на западѣ не присоединены къ Сербїи; земля Неретванъ составляла часть Хорватїи; Босна послѣ соединенїи Хорватїи съ Угріею, досталась (ок. 1130 г.) тоже угорской коронѣ, и баны босенскіе признали верховную власть угорскихъ королей, которые съ тѣхъ поръ и называются королями босенскими или рамскими (Рама—часть Босны); также и сѣверная сербская область Мачва съ Бѣлградомъ досталась въ половинѣ XII в. Угріи. За то Стефанъ Неманя распространилъ границы

Сербіи на востокъ и на югъ въ болгарскія земли, находившіяся тогда подъ византійскимъ владѣтельствомъ. Стефанъ Неманъ прекратилъ долговѣчное колебаніе Сербовъ между западомъ и востокѣмъ, утвердилъ въ Сербіи православіе, и истребилъ церковъ Богомиловъ или Патаренъ, которые изъ Болгаріи распространились въ Сербію, и сохранились потомъ въ Боснѣ; здѣсь они, не смотря на всѣ преслѣдованія, нашли себѣ много приверженцевъ въ рядахъ вельможей, также посреди самихъ государей, и приобрѣли важное значеніе въ землѣ.

Сближеніе преемника и сына Немани, *Стефана*, съ Римомъ было непродолжительно. Стефанъ получивши отъ папы королевскую корону, возобновилъ въ Сербіи королевское достоинство; но скоро связь Сербіи съ Греками утверждена, и сербская церковъ устроена, какъ часть восточной, архіепископомъ Савою, братомъ короля. Всѣ за тѣмъ послѣдовавшія стремленія папской куріи подчинить себѣ нѣкоторыхъ сербскихъ государей, не имѣли уже успѣха. Также и угорская верховная власть въ Сербіи продержалась всего одинъ годъ (1202—1203), но съ тѣхъ поръ угорскіе короли называются королями сербскими. Тѣмъ не менѣе связь, соединявшая Сербію съ Угріею, была довольно тѣсна; сѣверныя сербскія области, Мачва съ Браничевомъ, все были угорскою бановиною (окраиною), и верховную власть Угріи признавали не только босенскіе баны, но тоже холмскіе князья (до второй половины XIII в.). Самъ сербскій король *Стефанъ Урошъ* (1243—1276) помогалъ угорскому королю Белѣ въ его войнѣ съ чешскимъ королемъ Премысломъ Отакаромъ, и присутствовалъ при заключеніи мира между обоими королями. Въ Угріи нашелъ убѣжище старшій сынъ Стефана Уроша, король *Стефанъ Драгутинъ*, лишенный власти младшимъ своимъ братомъ Милутиномъ; Драгутинъ получилъ отъ угорскаго короля, своего шурина, въ управленіе Босну, Мачву, Браничево и Срѣмъ (1282—1314).

Король *Стефанъ Милутинъ* (1282—1320) возобновилъ политику своего прадѣда Немани и стремился доставить Сербіи первенство на балканскомъ полуостровѣ. Счастливыми войнами противъ Византіи онъ завоевалъ большую часть Македоніи, но

скоро вступилъ въ дружескія сношенія съ Византією и съ Болгарією. Только на западѣ Сербіи не везло: Босна оставалась угорско-хорватскою бановиною подъ Шубичами и Котроманичами, да и Холмъ отнять у Сербіи босенскимъ баномъ (1325). Внукъ Милутина, *Стефанъ Душанъ* (1331 — 1355), продолжалъ политику своего дѣда. Болгарія, побѣжденная еще при отцѣ Душана, королѣ *Стефанъ Дечанскій* (назвавшемся по основанному имъ монастырю Дечанамъ) въ 1330 г., сдѣлалась союзницею Сербіи противъ Византіи. Стефанъ Душанъ распространилъ границы Сербіи далеко на югъ въ Македонію, Албанію, Фессалію и даже въ Грецію; будучи самымъ сильнымъ государемъ на балканскомъ полуостровѣ, провозгласилъ себя царемъ (императоромъ) сербскимъ, греческимъ, тоже болгарскимъ (1346), устроилъ свой дворъ и управление государствомъ на греческій ладъ, и вообще думалъ сдѣлаться настоящимъ императоромъ греческимъ. Чтобъ сдѣлать и сербскую церковь независимою отъ царьградскаго патріарха, онъ основалъ самостоятельный сербскій патріархатъ въ Печи. Государственное устройство утвердилъ знаменитымъ законникомъ. Только на западѣ противъ Угріи Стефанъ не имѣлъ успѣховъ, и вынужденъ былъ обратиться къ папѣ, общая принять католицизмъ къ большому, хотя тщетному удовольствію папы и римскаго императора и чешскаго короля, Карла IV.

Послѣ смерти сильнаго Душана, намѣстники обширной его державы не слушались его сына и преемника царя *Стефана Уроша*, и владѣли самостоятельно въ своихъ областяхъ. Между тѣмъ Турки, которые помогали уже Грекамъ противъ Душана, пользуясь междоусобицами христіанскихъ государствъ, распространили свое господство въ Фракіи, угрожая уже Болгаріи и Сербіи. Одинъ изъ сербскихъ намѣстниковъ, король *Вукашинъ Мрнявичъ*, убилъ царя Стефана Уроша, послѣдняго Неманича (1367), и занялъ сербскій престолъ, но вскорѣ самъ погибъ въ сраженіи на Марицѣ недалеко Адрианополя, противъ Турокъ (1371). Турки изъ покоренной Фракіи и Македоніи—гдѣ между прочимъ призналъ ихъ верховное владычество сынъ Вукашина королевичъ Марко—двинулись противъ Сербіи, въ которой

господствовалъ послѣ Вукашина другой бывший намѣстникъ, князь *Лазарь Грбляновичъ*. Но слабая Сербія не могла сопротивляться этому страшному врагу, и въ 1389 г. въ битвѣ на Косовомъ полѣ, Сербы и ихъ союзники, Босняки и другіе, поражены, князь Лазарь погибъ и Сербія должна была покориться Туркамъ. Сынъ и преемникъ Лазаря, князь или, какъ онъ позже назывался по гречески, деспотъ *Стефанъ* (1389—1427) былъ подручникомъ турецкимъ; напрасно онъ, чтобъ освободиться отъ турецкаго ига, поддался Угріи (1426), отъ которой ждалъ спасенія. Тщетно колебался и преемникъ Стефана, *Юрій Бранковичъ*, изъ рода сербскихъ владѣльцевъ-намѣстниковъ въ западной Македоніи, потомъ въ южной Сербіи, между Угріею и Турціею: Угрія была слишкомъ слаба, чтобъ быть цитомъ южнаго Славянства. Судьба Сербіи была уже рѣшена, и скоро послѣ смерти Юрія султанъ Магомедъ завоевалъ Сербію, которая сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ (1459).

Отъ сербскихъ земель оставались *Босна* и соединенный съ ней *Холмъ*, издавна признающая верховную власть Угріи, главное убѣжище Богомиловъ или Патаренъ, и *Зета*, гдѣ княжили Балшичи. Изъ босенскихъ бановъ рода Котроманичей *Стефанъ Тврдко* задумалъ, послѣ прекращенія Неманичей, воздвигнуть вмѣсто падающей Сербіи новое сербское государство, Босну, и провозгласилъ себя королемъ сербскимъ и босенскимъ (1376), да, во время смутъ въ сосѣдней Хорватіи и Угріи, стремился къ присоединенію Далмаціи и Хорватіи къ своему королевству, и назвался тоже королемъ далматскимъ и хорватскимъ (1390). Но образованіе такого югославянскаго государства не удалось ни Стефану Тврдеу, ни второму его преемнику, *Стефану Остою*, и только титулъ „король далматскій и хорватскій“, который употребляли два послѣдніе босенскіе короля, Остоичи, указывалъ на то, что босенскіе короли не отказывались отъ такихъ плановъ. Босна должна была вновь применуть къ Угріи, и босенскимъ королямъ не удалось уже добиться самостоятельности. Но ни Сербы ни Босняки не нашли въ угорскихъ короляхъ своихъ защитниковъ противъ Турокъ, какъ они ожидали; Турки вторгались въ Босну и въ Холмъ, терзаемые внутренними

войнами и междоусобицами. Великіе войводы босенскіе въ Холмѣ или въ землѣ св. Савы—который похороненъ въ холмскомъ монастырѣ Милешевѣ—добивались полной самостоятельности, и великій войвода *Стефанъ Вукчичъ* испросилъ отъ римскаго императора для себя титулъ герцога (херцега), по чему его земля назвалась Герцеговиной (1448). Послѣ окончательнаго паденія Сербіи, Босна, недостаточно защищаемая Угрією, должна была погибнуть; въ 1463 г. Турки напали на Босну, и король *Стефанъ Томичъ*, брошенный всѣми сосѣдами, погибъ подъ мечемъ палача. Босна сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ, и двадцать лѣтъ спустя таже самая участь постигла и Герцеговину; много патаренскаго дворянства приняло исламъ и сдѣлалось фанатическими магометанами. Нѣсколько городовъ въ сѣверной Боснѣ и Сербіи держали еще нѣкоторое время Угры и Хорваты, но и тѣ въ началѣ XVI в. достались Туркамъ, которые наступали дальше на Хорватію и Угрію. Только въ гористой части Зеты, гдѣ послѣ Балшичей владѣли съ XV в. Црноевичи, Сербы продолжали борьбу противъ Турокъ, и отстояли себѣ здѣсь, въ *Черной Горѣ*, управляемой съ начала XVI в. владыками, свою самостоятельность. Черногорцы и гайдуки стали единственными защитниками сербской свободы въ Турціи.

Сербскій и болгарскій народы сдѣлались раіей-рабами господствующихъ магометанъ, султана и его спаховъ-воиновъ, какими сдѣлалось тоже тамошнее славянское дворянство; раія кромѣ многочисленныхъ даней, должна была доставлять и живую дань, свою молодежь, которою наполнялись ряды янычаръ. Съ другой стороны удалось исконнымъ врагамъ южныхъ Славянъ, Грекамъ, уничтожить самостоятельность сербской церкви печскій патріархатъ упраздненъ (1766), сербская, равнымъ образомъ какъ и болгарская церковь, подчинены царьградскому патріарху, и такимъ образомъ переданы Грекамъ-Фанаріотамъ, изъ которыхъ назначались епископы въ сербскихъ и болгарскихъ епархіяхъ. Войны римскихъ императоровъ и угорско-хорватскихъ королей съ Турками въ XVI—XVIII вв. не измѣнили ни въ чемъ положенія сербскаго народа въ Турціи, и присоединеніе сѣверной Сербіи (съ Бѣлградомъ) и сѣверной Босны

къ владѣніямъ императора—было лишь кратковременно (въ 1718 до 1739 годовъ).

Послѣ паденія Сербіи и Босны много Сербовъ бѣжало въ Хорватію и въ южную Угрію; сюда, въ Срѣмъ, перешли тоже оставшіеся Бранковичи, продолжая называться сербскими деспотами. Сербскіе бѣглецы („Ускови“, „Влахи“ т. е. православные Сербы), поселяясь въ Хорватіи, наполняли краину (военную Границу), и принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Турокъ. Въ концѣ XVII в. переселилось въ южную Угрію нѣсколько сотъ тысячъ Сербовъ, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ, и поселились въ пограничныхъ областяхъ какъ отдѣльный народъ, имъ обѣщаны разныя привилегіи, которыя остались отъ части только на бумагѣ. Угорскіе Сербы не получили обѣщанной имъ отдѣльной области, которая должна была стоять подъ особымъ войводой; они поселены въ военной Границѣ по нижней Савѣ, по Дунаю и по Тисѣ какъ восточные крайники (граничары), въ сосѣдствѣ своихъ соплеменниковъ, западныхъ крайниковъ въ Хорватіи. Также къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ придирались угорскіе и хорватскіе католики, духовенство и дворянство, навязывали имъ церковную унію, которая и привилась у части Сербовъ на западѣ, даже задумали запретить имъ ихъ словѣнское письмо, кириллицу. Не смотря однако на неисполненныя обѣщанія и на разнообразныя притѣсненія, угорскіе Сербы пользовались довольно обширнымъ самоуправленіемъ въ области церкви и школъ. Угорское правительство признало православныхъ Сербовъ (*graeci ritus non unitos*) полноправными гражданами угорскаго государства только въ концѣ XVIII вѣка. Съ конца этого вѣка возникло посреди угорскихъ и хорватскихъ Сербовъ все усиливающееся движеніе, проявляясь въ жизни политической и литературной, и повело къ пробужденію и возрожденію сербскаго народа вообще; началось сближеніе обѣихъ половинъ одного народа, Сербовъ и Хорватовъ, во имя идеи югославянской и славянской.

VIII.

БОЛГАРЕ ¹⁾).

Болгаре, основавъ въ 679 г. въ восточной Мизіи между тамошними Славянами государство, скоро слились съ покоренными Славянами, оставивъ имъ свое имя. Съ IX вѣка подѣ „Болгарами“ подразумѣваются не прежніе Болгаре урало-финскіе — соплеменники которыхъ жили еще до XIII в. на сѣверѣ по Волгѣ и по Камѣ — а Славяне (Словѣне) въ Мизіи (Болгаріи), и въ послѣдствіи и въ остальныхъ забалканскихъ земляхъ, въ „Славиніи“ т. е. Фракіи, Македоніи, Илирикѣ, и пр., которые подпали подѣ власть Болгарѣ. Такимъ образомъ, изъ разныхъ словѣнскихъ племенъ въ Мизіи, Фракіи и Македоніи, изъ Сѣверянъ, Моравянъ, Драговичей, Бръзаяковъ и др., образовался со временемъ болгарскій народъ. Въ его составъ вошло тоже нѣсколько племенъ Влаховъ (Румуновъ) и Албанцевъ, которые ославянились, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесли въ болгарскій языкъ нѣкоторыя особенности своихъ языковъ.

Болгарскіе князья, укрѣпившись между Дунаемъ и Балканомъ, продолжали борьбу Славянъ противъ восточно-римской имперіи, и стремились къ завоеванію Царьграда; изъ нихъ от-

---

¹⁾ Иречекъ: Исторія Болгарѣ (Одесса 1878), гдѣ приведена вся литература по болгарской исторіи. Ср. тоже Пыпинъ: Исторія славян. литературъ I, М. Соколовъ: Изъ древней исторіи Болгарѣ (1879), Успенскій: Образованіе втораго болгарскаго царства (1879).

личился особенно *Крумъ* въ началѣ IX вѣка. Въ теченіи двухъ вѣковъ удалось имъ распространить границы своего княжества на западъ до Моравы и до Ибра, гдѣ они сносились и сталкивались съ Сербами, на сѣверъ за Дунай, гдѣ воевали съ Франками въ Паноніи, одно время какъ союзники моравскаго князя Ростислава; на югѣ они нападали на Грековъ и покорили здѣсь, въ „Славиніи“, славянскія княжества въ сѣверной Фракіи и въ Македоніи до Охриды. Около половины IX вѣка (864) болгарскій князь *Борисъ* принялъ, по политическимъ соображеніямъ, крещеніе изъ Царьграда и въ крещеніи имя *Михаилъ*. Такимъ образомъ Болгарія очутилась въ духовной зависимости отъ Царьграда; наклонность Бориса и нѣкоторыхъ его преемниковъ къ Риму, по причинамъ политическимъ, была непродолжительна. Болгарія сдѣлалась, послѣ упадка словѣнскаго богослуженія въ Великой Моравѣ и послѣ паденія этой западно-славянской державы, убѣжищемъ словѣнской литературы, которая здѣсь разцвѣла по примѣру и въ подражаніе греческо-византійской, преимущественно духовной богословской, но тоже и свѣтской.

Въ этой литературной дѣятельности въ Болгаріи участвовалъ самъ князь *Симеонъ* Борисовичъ (888—927), который поднялъ Болгарію на небывалую доселѣ высоту, и думалъ ее поставить на мѣсто греческой имперіи какъ первую державу на балканскомъ полуостровѣ. Онъ назвался царемъ (цѣсаремъ-императоромъ) болгарскимъ и греческимъ, основалъ самостоятельный болгарскій патріархатъ, воевалъ съ Греками и распространилъ границы своего царства глубоко въ Фракію и въ Эпиръ, и покорилъ Сербовъ; но противъ Хорватовъ не имѣлъ успѣха, а земли на сѣверъ отъ Дуная заняли Угры. Византія спасена отъ гибели смертью Симеона, да сама Болгарія скоро (963) распалась на два царства, восточное подъ родомъ Симеона, и западное подъ Шишмановичами. Въ Болгаріи началась оппозиція противъ господствующей церкви и противъ государственнаго и соціальнаго устройства со стороны *Богомиловъ*, догматическо-соціальное ученіе которыхъ распространилось среди всѣхъ Славянъ балканскаго полуострова, и оттуда дальше на западъ въ Италію и во Францію (Патарены, Катары). Слабое восточно-

болгарское царство сдѣлалось добычею русскаго князя Свято-слава (969), и, послѣ его пораженія и отступленія, Грековъ (971), и превратилось въ область византійской имперіи. Западно-болгарское царство вело почти полувѣковую (976 — 1018) упорную борьбу съ Греками, и въ ней отличился особенно царь *Самуилъ* Шишмановичъ; наконецъ и западная Болгарія покорена и сдѣлалась тоже византійскою областью; только болгарской церкви оставлена самостоятельность подъ особымъ архіепископомъ (патріархомъ) въ Охридѣ. Одновременно съ Болгарами очутились и Сербь и Хорваты въ зависимости отъ византійской имперіи, которая такимъ образомъ возобновила на короткое время свое владычество на всемъ балканскомъ полуостровѣ. Сербь и Хорваты скоро освободились отъ этой зависимости. Только Болгарамъ это не удавалось, не смотря на нѣсколько возстаній, не смотря на избраніе ими въ болгарскіе цари сербскаго королевича Константина Бодина (1073); весь болгарскій народъ въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и Илиридѣ остался подъ византійскимъ владычествомъ, равнымъ образомъ какъ и отдѣльныя славянскія (болгарскія) племена въ Эпирѣ, Фессаліи, Эладѣ, и въ самомъ Пелопонесѣ, гдѣ славянскій элементъ сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до XV вѣка.

Только въ концѣ XII в. (1186) удалось двумъ братьямъ, *Аспню* и *Петру*, освободить сѣверныхъ Болгаръ и воскресить болгарское царство между Дунаемъ и Балканомъ, съ столицею въ Терновѣ. Первые цари Асѣневичи, именно *Іоаннъ Асѣнь I* (Калоіоаннъ) и *Іоаннъ Асѣнь II* (1210—1241), стремились возобновить прежнюю политику болгарскаго царства противъ Византіи, и, во время латинской имперіи въ Царьградѣ, имъ и удалось распространить свое владычество во Фракію и въ Македонію. Сношенія Калоіоанна съ Римомъ скоро прекратились, и Іоаннъ Асѣнь II примирился съ Греками, которые признали самостоятельный патріархатъ болгарскій въ Терновѣ, равнымъ образомъ какъ уже давно признали другой патріархатъ въ Охридѣ для южно-болгарскихъ земель. Послѣ кончины Іоанна Асѣня II Болгарія лишилась забалканскихъ земель, и ей уже не удалось

приобрѣсти ихъ вновь; онѣ сдѣлались частью возобновленной имперіи греческой, а въ послѣдствіи достались Сербіи.

Болгарское царство съ половины XIII в., со времени превращенія рода Асѣнвичей (1257), уже никогда не вѣдшивалось рѣшающимъ образомъ въ судьбы балканскаго полуострова, и прежняя его роль, его борьба съ имперіею, перешла въ Сербію; только титулъ царей „болгарскихъ и греческихъ“, дворъ устроенный по образцу двора царьградскаго съ сановниками называющимися по гречески, указывали на прежнія стремленія болгарскихъ царей въ завоеванію греческаго царства. Съ половины XIII в. болгарское царство доставалось разнымъ претендентамъ, и вліяніе сосѣднихъ Кумановъ (Половцевъ) и Татаръ проявлялось до самого конца XIII вѣка. Да прекратилось на время и единство болгарскаго царства, и возобновлено только въ слѣдствіе избранія Бѣдинскаго (Видинскаго) князя *Михаила Шишмановича* въ цари (1323), который погибъ въ войнѣ съ Сербіею (1330). При его преемникѣ *Іоаннѣ Александрѣ* Болгаре были союзниками Сербовъ противъ Грековъ, и границы царства распространялись опять на югъ въ сѣверную Фракію. Но уже вступилъ на балканскій полуостровъ грозный врагъ всѣхъ тамошнихъ ссорившихся между собой христіанскихъ народовъ, магометанскіе *Турки-Османь*; они покоряли себѣ тамъ землю за землею, между прочимъ Фракію и Македонію, заселенныя болгарскимъ народомъ, и наконецъ, послѣ косовскаго сраженія (1389), тоже Сербію. Слабая Болгарія, терзаемая религіозными спорами съ Богомилами и другими сектантами, борьбою двухъ братьевъ царей *Шимана* и *Срацимира*, сдѣлалась скоро послѣ косовскаго сраженія турецкою областью (1393); послѣдній царь Шиманъ погибъ въ сраженіи или въ тюрьмѣ. Болгарія осталась съ тѣхъ поръ подъ турецкимъ владычествомъ, отъ котораго не могли ея освободить несчастныя битвы угорскихъ королей Сигизмунда подъ Никополемъ (1396) и Владислава подъ Варною (1444), ни войны сосѣдей съ Турками, нѣсколько неудавшихся возстаній, и подвиги гайдуковъ.

Болгарскій народъ упалъ въ совершенное рабство турецкихъ варваровъ, сдѣлался ихъ раіей, усиливалъ ихъ своими *Славяне*, ихъ взаим. отношенія.

негатами, и своею молодежью-янычарами. Кромѣ того Болгаре очутились тоже подѣ духовнымъ игомъ своихъ вѣковыхъ враговъ, Грековъ-Фанаріотовъ, которые вторглись въ болгарскую церковь, заняли епископскія мѣста, вытѣснили словѣнскій языкъ изъ богослуженія и вводили греческій, и вообще стремились къ огреченію Болгаръ подѣ личиной религіи и при помощи Турокъ. Терновскій патріархатъ уничтоженъ одновременно съ царствомъ (1393), и болгарская церковь подчинена царьградскому патріарху; охридскій патріархатъ просуществовалъ, хотя огреченный, дольше и уничтоженъ только въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ сербскимъ патріархатомъ. Такимъ образомъ вся церковь болгарская и сербская въ Турціи подчинена царьградскому греческому патріархату. Греки думали, что такимъ образомъ имъ удастся покореніе и огреченіе ненавистныхъ Славянъ, и что подготовить почву для возобновленія греческаго царства на всемъ балканскомъ полуостровѣ. Это и было причиной, что болгарскій народъ, хотя самый многочисленный на полуостровѣ, палъ почти совсѣмъ въ забвеніе, и что онъ только въ новѣйшее время, послѣдній между Славянами, очнулся отъ долговѣчнаго сна.

Южные Славяне, въ слѣдствіе разныхъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, раздробились еще больше, чѣмъ западные Славяне; это раздробленіе было не только національное и политическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное и культурное, что и положило непреодолимую доселѣ преграду между католическими и православными Югославянами вообще, и между обѣими половинами одного народа, между Хорватами католиками и Сербами православными, въ особенности. Если въ нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ и болѣе развитыхъ головахъ блеснула идея югославянская, во имя которой всѣ раздробленные и разрозненные частицы югославянскаго міра должны были сблизиться и сплотиться, то надо назвать такую идею крайне смѣлою, а такую задачу чрезвычайно трудною, въ виду многочисленныхъ огромныхъ препятствій, внутреннихъ и внѣшнихъ. Не легко же было сблизить всѣ тѣ разнородные элементы на славянскомъ югѣ, которые давно лишились политической самостоятельности, изъ давня служили чужимъ господамъ и интересамъ, да часто едва знали

другъ друга. Словенцы развивались цѣлое тысячелѣтіе подѣ нѣмецкимъ вліяніемъ, Далматинцы и Истріянцы находились нѣскольکو вѣковъ подѣ итальянскимъ вліяніемъ, Хорваты вовлечены изъ давна въ союзъ съ Уграми; но всѣ эти южные Славяне имѣли по крайней мѣрѣ одну культуру—западно-европейскую, одно письмо — латинское, одно вѣроисповѣданіе — римско-католическое. Гораздо труднѣе было сблизить этихъ Югославянъ на латинскомъ западѣ и Югославянъ на греческомъ востокѣ, которые очутились подѣ игомъ азіатскихъ варваровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ остались подѣ греческимъ вліяніемъ. Но не взирая на такое отчаянное положеніе дѣлъ на славянскомъ югѣ, смѣлые борцы югославянской идеи не испугались этихъ огромныхъ препятствій, и подкрѣпляемые общею идеею славянскою, взялись за трудную работу.

СЛАВЯНЕ ВЪ УГРИИ И ВЪ РУМУНИИ ¹⁾.

Въ слѣдствіе поселенія Угровъ (Мадьяръ) и образованія угорскаго государства на среднемъ Дунаѣ и по Тисѣ, тамошніе Славяне очутились въ зависимости отъ новыхъ пришлецовъ, ко-

---

¹⁾ Угорскіе (мадьярскіе) историки, пишучи исторію угорскаго государства, обращаютъ мало вниманія на разные народы, которые населяютъ Угрію, но не могутъ считать Угрію своимъ центромъ тяготѣнія; эти историки, стоя на давно устарѣвшей точкѣ зрѣнія объ одномъ „политическомъ народѣ угорскомъ“ (мадьярскомъ), видятъ въ остальныхъ народахъ Угрии только „народности“; больше вниманія обратилъ на нихъ Fessler: *Geschichte der Ungern u. deren Landsassen* (1815, 2. Aufl. von Klein 1867). Ср. Czörnig: *Ethnographie der österreich. Monarchie* (1857, II, III), Hunfalvy: *Ethnographie von Ungarn* (1877), Ріѣ: *Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht* (1882), Гротъ: *Моравія и Мадьяры* (1881), Sasíněk: *Dejiny počátkov terajšieho Uhorska* (1868), *Dejiny kralovstva Uhorského* (1869—1877); Miklošić: *Die slav. Elemente im magyar.* (1872), Miklošić: *Die slav. Elemente im rumunischen* (1862), *Wanderungen der Rumunen* (1880), Cihac: *Dictionnaire d'étymologie daco-romane* (1879), Rösler: *Römänische Studien* (1871), Jung: *Römer und Romanen* (1877), Ріѣ: *Abstammung der Rumänen* (1880), Палаузовъ: *Румынскія государства В. и М.* (1859). Литературу о Словакахъ и о угор. Русскихъ см. у Пыпина *Исторія слав. литературъ*, о Хорватахъ и Сербхъ см. предыдущіе отдѣлы. Замѣтимъ здѣсь, что разница между названіями „Мадьяръ“ (домашнее) и „Угрии“ (Венгрии, Венгерець, славянское) создана только въ новѣйшее время; Словаки, Русскіе, Сербы, Хорваты, Словенцы, Румыны, Нѣмцы, Жиды, Цыгане, хотя они живутъ въ „Угрии“, не суть „Угры“, а части другихъ народовъ.

торые не пошли по примѣру Гуновъ, Аваръ и Болгаръ, не исчезли въ Славянахъ, а сохранили свою народность. Словаки между Карпатами и Дунаемъ вошли уже тогда въ составъ угорскаго государства, хотя еще не окончательно; они еще больше столѣтій колебались между Угріею и сосѣдними западно-славянскими государствами, и принадлежали съ половины X вѣка къ государству чешскому, а съ начала XI в. къ государству польскому, наконецъ, съ 1026 г. опять къ угорскому. Римско-католическое вѣроисповѣданіе восторжествовало между Словаками, равнымъ образомъ какъ и между Уграми, Чехами и Поляками; но восточные сосѣди Словаковъ, Русскіе и оставшіеся дунайскіе Словѣне и жившіе вмѣстѣ съ ними Влахи или Волохи (Румуны, Румыны), остались православными. Угрія съ начала не была строго централизованнымъ государствомъ, и угорскіе округа (столицы, жупы), пользующіеся изъ давна обширнымъ самоуправленіемъ, вѣроятно остатки прежнихъ племенъ. Въ X в. встрѣчаются особыя княжества или войводства въ южной Паноніи, на востокъ за Тисой, и дальше въ Семиградѣ, которыя только угорскій король св. Стефанъ присоединилъ къ Угріи; этотъ же король, въ виду разныхъ народовъ въ Угріи, хорошо замѣтилъ, что королевство одного языка и одного нрава слабо. Эти народы пользовались своимъ обычнымъ правомъ; такъ Славяне сѣверной Угріи (*exactiones et consuetudines Sclavorum*), Русскіе, Волохи, и позже Сербы. Семиградѣ управлялось всегда особыми войводами; также и между Волохами въ Угріи, Семиградѣ, Валахіи, были мелкіе войводы и князья. Войвода семиградской области фогарашской, Раду, основалъ около 1300 г. войводство или княжество волошское (Валахію); другой войвода въ сѣверовосточномъ углу Угріи, въ Мармарошѣ и въ Угочѣ, Драгошъ Богдановичъ, переселился около половины XIV в. въ Молдавію (Мунтанію, Мултанію), и основалъ здѣсь другое румунское войводство или княжество. Валахія находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Болгаріею, а Молдавія, гдѣ изъ давна жило многочисленное населеніе русское, съ Русью Червоною.

Словаки, хотя оторванные отъ чешскаго государства, находились въ близкихъ сношеніяхъ, съ Чехами и съ Моравянами

тѣмъ болѣе, что жители юговосточной Моравы такіе же Словаки, какіе живутъ въ сѣверной Угріи. Въ началѣ XIV в. владѣлъ въ словенской Угріи сильный вельможа Матвѣй Чаки изъ Тренчина почти какъ самостоятельный князь, и былъ ревностнымъ приверженцемъ чешскаго короля Вячеслава III, избраннаго въ угорскіе короли. Словаки помогали и чешскому Сигизмунду Люксембургу въ достиженіи угорской короны, тому же самому королю, котораго одинъ Угринъ назвалъ „чешскою свиньею“. Въ словенскую землю переселились многіе гуситскіе Чехи, и чешскій полководецъ *Іоаннъ Искра* защищалъ тамъ долго (1440 до 1462) права короля Ладислава противъ другихъ претендентовъ угорской короны; чешскіе гейтманы являются здѣсь тоже защитниками сельскаго люда словенскаго противъ тамошней шляхты. Словенская земля была позже, во время турецкаго владычества въ дунайскихъ странахъ, почти единственною частью угорскаго королевства, оставшагося Габсбургамъ, королямъ чешскимъ, и чешскій народъ значительно способствовалъ, кровью и деньгами, оборонѣ этой верхней Угріи и наконецъ освобожденію всей Угріи. Послѣ паденія чешскаго государства многіе чешскіе протестанты переселились въ словенскую землю, и нашли здѣсь между Словаками новую родину для себя и для чешско-словенской письменности.

Сосѣди Словаковъ на востокѣ, Русскіе—тоже автохтоны южнаго склона восточныхъ Карпатовъ, и они прежде доходили дальше на западъ въ земли нынѣ словенскія. Позже, въ XIV в. прибыли сюда и другіе Русскіе съ литовско-русскимъ княземъ Федоромъ Коріатовичемъ, который по городу Мукачеву назывался княземъ Мукачевскимъ.

Отъ многочисленныхъ Славянъ заселявшихъ Панонію и Дакію, уцѣлѣли очень немногіе остатки, именно Словенцы въ юго-западной полосѣ Угріи, и ихъ ближайшіе сосѣди между Дравою и Савою, въ бывшей „словинской“ землѣ (Славоніи), которая только съ XVI—XVII вв. стала называться Хорватіею; въ Семиградѣ же исчезли послѣдніе остатки Словѣнъ только въ началѣ XIX вѣка. Дунайскіе Словѣне, хотя ослабленные выселеніемъ многихъ племенъ на балканскій полуостровъ, не уступили тотъ

часть новымъ пришлецамъ на западѣ, Уграмъ, а жили съ ними рядомъ, равнымъ образомъ какъ они на востокѣ жили рядомъ съ Волохами. Въ Паноніи еще въ XI—XII вв. встрѣчаются мѣста называемыя славянскими (*Rakolyan slavonica et hungarica*), и жители съ славянскими именами. Въ Веспримѣ основалъ король Стефанъ I „греческій“ монастырь; также и въ юговосточной Угріи былъ въ началѣ XI в. „греческій“ монастырь, и тамошній князь и народъ „греческаго“ вѣроисповѣданія приняли тогда латинское исповѣданіе; греческіе монастыри были и въ другихъ мѣстахъ, на пр. въ Вышеградѣ; по этому и словѣнскіе монахи чешскаго монастыря сазавскаго, прогнанные оттуда во второй половинѣ XI в., отправились въ Угрію. Въ архіепископіи колочской жили въ XII—XIII вв., а въ темешкомъ Банатѣ въ XIV в. православные Славяне (*schismatici Sclavi*). Всѣ эти Словѣне въ теченіи времени сдѣлались Уграми и Волохами. Православное вѣроисповѣданіе Волоховъ указываетъ тоже на православіе дунайскихъ Словѣнъ, которое распространилось сюда изъ Паноніи, Моравіи и Болгаріи; да румунская церковь въ Валахіи и въ Молдавіи признавала еще въ XV в. верховную власть болгарскаго архіепископа охридскаго. Въ восточной Славоніи, въ Срѣмѣ, гдѣ въ концѣ XIII в. поселился сербскій король Стефанъ Драгутинъ, жили уже тогда православные Сербы; но въ большемъ количествѣ они поселялись здѣсь и вообще въ южной Угріи только позже, въ XV—XVII вѣкахъ.

Языки румунскій и угорскій приняли много славянскихъ словъ, преимущественно словѣнскихъ (замѣтныхъ по носовымъ звукамъ и по *жд, шт*), а мало словенскихъ, хорватско-сербскихъ, русскихъ; также и много географическихъ названій въ земляхъ нынѣ румунскихъ и угорскихъ указываетъ на прежнее словѣнское населеніе (Пешт, Надажд, Сомбат, Думброва, Мундрешти). Румуны вмѣстѣ съ православіемъ приняли и словѣнскій языкъ, какъ церковный и литературный, именно болгарской рецензіи, и употребляли его до XVII в.; въ Молдавіи былъ тоже распространенъ русскій языкъ. Государственное и общественное устройство Румуновъ и Угровъ черпнато отъ части отъ Славянъ, такъ что по этому устройству можно заключить о та-

вомъ же устройствѣ Словѣнъ. У Румуновъ встрѣчаются мелкіе правители, можетъ быть, бывшіе князья племенъ, *войводы* и *кнѣзи* (латин.-угор. *keneg*, что перенято изъ болгар.-серб. *кнез* или изъ русскаго *князь*, а не изъ словѣн. *кнѣзь*); также и старосты селъ, пользующихся правомъ волошскимъ, назывались до XVII в. *кнѣзи*, повсюду между Румунами, равнымъ образомъ какъ назывались такіе старосты и между карпатскими Русскими въ Угріи и въ карпатской Руси Червоной *кнѣзи*, и между позже прибывшими Сербамъ *кнези*. Выше чѣмъ вѣнѣзи стояли *крайники* въ краинахъ, (пограничныхъ округахъ, окраинахъ) юго-восточной Угріи; такіе же крайники, правители краинъ, находились кое-гдѣ и между карпатскими Русскими въ Угріи и въ Польшѣ. Военные начальники назывались у Славянъ вообще *войводы*, что и унаслѣдовали Угры и Румыны (*vajvoda*, *vajda*) въ значеніи начальника вообще; въ восточной Угріи въ XIII в. Волохи, поселенные около городовъ, стояли подъ своими войводами, начальниками военными и гражданскими (*vajvoda-centurio-judex*); Русскіе и Волохи мукачевской краины выбирали себѣ такого войводу еще въ XV вѣѣ. Такіе войводы были тоже у сербскихъ Ускоковъ поселившихся въ XVI в. въ приморской Хорватіи. Румыны и Угры приняли разныя славянскія государственныя учрежденія и достоинства, на пр. *краль* (рум. краю, угор. вираль) и выше упомянутыя *войвода*, *князь*, *жупанъ* (р. жупън—dominus, жупънѣсъ—domina, угор. ишпан—начальникъ округа), *дворникъ* (р. дворникъ—judex curiae, уг. удварное—aulicus), *надворный* (*на дворъ*) *жупанъ* (уг. надор-ишпан, comes palatinus), *товарникъ* (*tavornicus*, *tavernicus*—уг. тарное), *стольникъ* (уг. асталное), *банъ* (р. у.), *больринъ* (р. боѣрю), *душники* и *удворники*, въ древней Угріи извѣстные подданные, рум. *плугъ*, *работъ*, *биръ*, *даждѣъ*, и пр.

Съ другой стороны названіе народа, *Влахъ*, *Волохъ* (оттуда *Valachus*), первоначально у Славянъ челоѣвъ римскаго, латинскаго происхожденія (*Romanus*, итальянскій и румынскій),—сдѣлалось у южныхъ Славянъ нарицательнымъ именемъ, означая подданнаго вообще, особенно же пастуха; въ Далмаціи такихъ Влаховъ называли тоже Черными Влахами (*Nigri Latini*,

Маорблахѣ, Morlacchi). Въ подобномъ смыслѣ знаютъ это слово то же карпатскіе Славяне, Моравяне, Словаки, Русскіе, у которыхъ *валахи*—пастухъ. Кромѣ того у Словаковъ и особенно у карпатскихъ Русскихъ (въ Угріи и въ Польшѣ) „Валахи, Волохи“ были поселяне, пользовавшіеся такъ наз. „волошскимъ“ правомъ, которое очень походило на „нѣмецкое“ право; староста такихъ „волошскихъ“ селъ назывался у Словаковъ по нѣмцѣи *шолтисъ* (scultetus), а у Русскихъ, какъ у Румуновъ, *князь*. Такіе „Валахи, Волохи“ въ славянскихъ карпатскихъ земляхъ еще не „Румуны“, а славянскіе пастухи и поселяне (Rutheni quos et Valachos vocant, моравскіе „Валахи“), хотя въ ихъ числѣ было извѣстное количество настоящихъ Волоховъ-Румуновъ; такъ на пр. карпатскіе нынѣ русскіе Гудулы происхожденіемъ вѣроятно Румуны. Такъ какъ Румуны „Влахи, Волохи (Valachi)“ были православные, „схизматики“, а католики въ Далмаціи, Хорватіи и Угріи не долюбливали этого вѣроисповѣданія, равнымъ образомъ какъ и самыхъ Влаховъ, то съ XVI в. начиная, у южныхъ Славянъ католиковъ (Хорватовъ) „Влахами“ стали называться православные Сербы, выселявшіеся изъ Турціи и поселявшіеся въ Хорватіи (Ускоки, новые Влахи) и въ Славоніи (Valachi—Rasciani sive Serviani), которая и называлась Малою Валахіею. Только съ конца XVII в., со времени громаднаго переселенія Сербовъ въ Славонію и южную Угрію, они не назывались уже официально „Валахи“, а Рашане (Rasciani), Сербы (Serviani), Илиры (patio Rasciana seu Illyrica), хотя иначе католики Хорваты продолжали называть православныхъ Сербовъ „Влахами“.

Знаніе разныхъ славянскихъ языковъ у земянъ и королей угорскихъ не было рѣдкостью, не говоря о угорскомъ дворянствѣ славянскаго происхожденія, о угорскихъ короляхъ чешской и польской крови. Такъ на пр. король Матвѣй Корвинъ зналъ очень хорошо по-чешски или по-словенски, то же и по-хорватски или по-сербски, понималъ по-польски; изъ его королевской канцеляріи выходили грамоты чешскія, хорватскія и сербскія, но не угорскія. Его преемникъ король Владиславъ, Полякъ по происхожденію и чешскій король, открылъ угорскій сеймъ въ Бу-

динѣ, 1492 г., рѣчью „славянскою“, т. е. чешскою, которая переведена на угорскій языкъ.

Разные народы, населяющіе угорское государство (Угрію, Семиградье, Хорватію), хотя они говорили на разныхъ языкахъ, именно представители угорской государственной идеи, дворяне, считали себя „Уграми“ въ политическомъ отношеніи, и нейтральный языкъ латинскій удерживалъ эту ихъ политическую связь. Только съ конца XVIII вѣка главный народъ Угріи, который и основалъ это государство, Угры (Мадьяры), увлекаемый повсюду поднимающеюся идеею народности, сталъ, вопреки завѣщанымъ ему словамъ короля Стефана св., стремиться къ удаленію мертваго языка латинскаго изъ публичной жизни, и къ замѣненію его своимъ угорскимъ (мадьярскимъ), сталъ стремиться къ исключительному господству своего языка и элемента въ угорскомъ государствѣ. Но идея народности стала оживлять тоже другіе народы Угріи, и такимъ образомъ началось движеніе народное, анти-мадьярское, славянское, между Словаками и Русскими, между Хорватами и Сербами. Всѣ они, по мѣрѣ того какъ стали чувствовать себя Славянами, переставали увлекаться угорскою государственною идеею, переставали чувствовать и называть себя „Уграми“.

Нѣмецкій народъ, хотя въ политическомъ отношеніи раздробленный, еще не соединенный, отпраздновалъ въ концѣ XVIII вѣка великую побѣду надъ всѣми западными Славянами, надъ значительною частью южныхъ Славянъ, да и надъ частью западныхъ Русскихъ въ Руси Червонной, буковинской, холмской, подляшской. Всѣ эти Славяне, равнымъ образомъ какъ и Угры и западные Волохи, очутились въ непосредственной или посредственной зависимости отъ Нѣмцевъ. Нѣмцы, имѣя свои двѣ головы въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, оперлись на востокъ на Нѣманъ, Бугъ, Збручъ, на семиградскіе Карпаты, на югъ на Дунай, Саву, Уну, на горы Велебитскія и на море адриатическое. Повсюду

X

РУССКІЕ 7)

Славянскія племена въ восточной Европѣ до Днѣпру и о Чернаго моря, извѣстныи воле общины племенъ Авторовъ, Ватовъ, Венетовъ, жили въ равнѣ селеніи въ сѣвернѣи кнѣзьяхъ. Они уже въ IV вѣкѣ воевали съ черноворскими Готами, и по призыву близайшихъ своихъ сородичей, унѣйскихъ Словѣнъ, и своихъ сородичей Гунновъ наступили югъ и воевали здѣсь въ Черноморьѣ и на южнѣи Днѣпѣ, восточно-римскіи царствують, изъступались и въ его области до самого Парфурала. Политическіи центръ Авторовъ

7) Полное собраніе русскихъ летописей издается съ 1846 г.; рускіе памятники истор. и юридическіе издали и изданы въ сборникахъ: Собраніе государственныи грамотъ и договоровъ. Акты археограф. экспедицій. Акты историческіе. Акты юридическіе, Акты западной Россіи. Акты зап. и южной Россіи. Акты Валах. князей, Архивъ некрол. Россіи. Памятники дипломат. сношеній. Собраніе трактатовъ и конвенцій. Сборникъ Императорскаго истор. общества. Полное собраніе законовъ русскаго имперіи и др. Изъ особаи приводить только Соловьевъ. Исторія Россіи (1851—1878. 24 томовъ, въ 1775 г.), его же Учебная книга русскаго исторіи (1859. 5 изд. с. Павловскій: Исторія Россіи съ 1876 г.), его же Краткіе очерки русскаго исторіи (1880. 19 изд.). Бистичевъ: Русская исторія въ лѣтописаніяхъ (1879); Гостуневъ-Раминъ: Русская исторія (1872 1. — полная библиографія въ русскаго исторіи.

тельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ.

Славянская независимость уцѣлѣла только на востокѣ, у Славянъ русскихъ, у которыхъ образовалось сильное государство, не въ примѣръ остальнымъ славянскимъ государствамъ, мелкимъ и слабымъ.

Х.

РУССКІЕ ¹⁾.

Славянскія племена въ восточной Европѣ по Днѣпру и около Чернаго моря, извѣстныя подъ общимъ именемъ *Антовъ* (т. е. Ватовъ, Венетовъ), являются рано сплоченными подъ сильными князьями. Они уже въ IV вѣѣ воевали съ черноморскими Готами, и по примѣру ближайшихъ своихъ соплеменниковъ, подунайскихъ Словѣнъ, и своихъ союзниковъ Гуновъ. наступали на югъ и воевали здѣсь, въ Черноморьѣ и на нижнемъ Дунаѣ, съ восточно-римскимъ царствомъ, да вторгались и въ его области до самаго Царьграда. Политическимъ центромъ Антовъ

---

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей издается съ 1846 г.; другіе памятники истор. и юридическіе изданы и издаются въ сборникахъ: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Акты археограф. экспедиціи, Акты историческіе, Акты юридическіе, Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Акты Вилен. комисіи, Архивъ югозап. Россіи, Памятники дипломат. сношеній, Собраніе трактатовъ и конвенцій, Сборникъ Имп. русскаго истор. общества, Полное собраніе законовъ руссійской имперіи, и др. Изъ пособій приводимъ только Соловьевъ: Исторія Россіи (1851—1879, 29 томовъ, по 1775 г.), его же: Учебная книга русской исторіи (1880, 8 изд.); Иловайскій: Исторія Россіи (съ 1876 г.), его же: Краткіе очерки русской исторіи (1880, 19 изд.); Костомаровъ: Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (1879); Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія (1872, I.), съ полною библіографіею по русской исторіи.

былъ вѣроятно старинный Кіевъ, столица Полянъ, которые назывались тоже *Русь*. Это имя сдѣлалось скоро общимъ названіемъ днѣпровскихъ и черноморскихъ Антовъ, которые подъ этимъ именемъ продолжали нападать на черноморскія страны, и въ половинѣ IX в. угрожали опять Царьграду. Между тѣмъ на далекомъ сѣверѣ, у Словѣнъ (Словенъ) въ Новгородѣ и у другихъ тамошнихъ племенъ, основали свою державу *Варяги*, скандинавскіе Норманы изъ Швеціи. Варяжскій княжескій родъ *Рюрики*, рано ославянившійся, распространилъ потомъ свое господство и на югъ, въ кievскую Русь, и Кіевъ сталъ столицею великаго восточно-славянскаго государства *Руси*. Это имя принимали всѣ племена, входящія въ составъ русскаго княжества, карпатскіе Хорваты, Тиверцы и Угличи (Улучи) по Днѣстру и Богу до устьевъ Дуная, Дулѣбы и Воляныне по Бугу, Деревляне и Дреговичи по Припѣти, на востокъ Сѣверяне, Радимичи и Вятичи по среднему Днѣпру до Ови, на сѣверѣ Кривичи по верхнему Днѣпру и Двинѣ, и новгородскіе Словѣне.

Силы этой огромной мало по малу сплочивающейся Руси обращались на разныя стороны, отъ части къ борьбѣ, вооруженной и мирной посредствомъ колонизаціи, съ сѣверовосточною Чудью, на западѣ съ Литвою (Ятвягами), на югѣ съ степными племенами, преимущественно турецкими, Козарами, Печенѣгами. Половцами (Куманами), отъ части къ дальнѣйшей борьбѣ съ восточно-римскимъ царствомъ, съ Царьградомъ. Туда Русь подступила по морю въ X вѣкѣ два раза, при князьяхъ *Олеги* и *Игорѣ*; сынъ послѣдняго *Святославъ* поселился на короткое время и въ Болгаріи, но скоро вынужденъ былъ отступить (971). При князѣ *Володимерѣ* или *Владиміръ* (980—1015) Русь стала христіанскимъ государствомъ, принявъ христіанство изъ Царьграда. Христіанство уже раньше проникло въ южную Русь изъ Царьграда и Таврии, а тоже изъ подунайской Словѣнии, изъ митрополіи панонско-моравской. Уже мать Владиміра Ольга приняла крещеніе, но только при Владимірѣ христіанство сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, и Русь, принявъ церковный языкъ словѣнскій изъ Болгаріи, завязала духовныя сношенія съ южными Славянами и съ Греками. Православная

церковъ вмѣстѣ съ словѣнскимъ языкомъ сдѣлалась важною связью всѣхъ русскихъ племенъ, способствуя ихъ постепенному сліянію въ одно политическое и народное цѣлое; да восточное православное христіанское вѣроисповѣданіе слилось съ русскою народностью до такой степени, что стало „русскою“ вѣрою.

Единство Руси, нарушенное уже по смерти Володимера раздѣленіемъ ея между Володимировичами, скоро возстановлено и продержалось до половины XI вѣка при князѣ *Ярославѣ Володимировичѣ*, который заботился о политическомъ могуществѣ Руси, о ея просвѣщеніи и водвореніи въ ней порядка и судопроизводства (изданіемъ Русской правды). Послѣ его смерти (1054) князья развѣтвившагося рода Рюрика дѣлили русскую землю между собою, стремились къ полной самостоятельности въ своихъ удѣлахъ, нарушали авторитетъ великаго князя кіевскаго, который, по волѣ Ярослава, какъ старшій всего рода долженъ былъ быть представителемъ русской земли. Земли—княжества—удѣлы дробились все больше по мѣрѣ возрастанія Рюриковичей, и въ Кіеву, Чернигову, Переяславу, Смоленску, Володимеру волынскому, Полоцку, Новгороду, присоединились скоро и другія княжескія столицы, Галичъ, Новгородъ и др. въ Сѣверіи, Рязань, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Володимеръ сѣверный, и др. Въ этой борьбѣ князей народъ пріобрѣталъ все большую силу, и старинное вѣче всей общины и ея земли заявляло свое вліяніе на князя и на его дѣятельность. Это особенно замѣтно въ сѣверной русской общинѣ Новгородѣ. Въ слѣдствіе этихъ внутреннихъ междоусобицъ, въ которыя вмѣшивались иноплеменики, Половцы, Поляки, Угры, Русь слабѣла и оттѣснена отъ Чернаго моря. Кіевъ пересталъ быть центромъ русской земли, и этотъ центръ перенесенъ на далекой сѣверовостокъ въ Володимеръ (1169), гдѣ поселился великій князь *Андрей* Юрьевичъ Боголюбскій. Онъ и одинъ изъ его преемниковъ и братьевъ *Всеволодъ* (1176—1212) стремились уже къ самодержавію на всей Руси, въ ущербъ всѣмъ правамъ старшинства. Междоусобицы князей прекращались время отъ времени стѣздами примиряющихся князей или признаваемымъ авторитетомъ нѣкоторыхъ патріотовъ князей, между которыми отлич-

лись *Володимѣръ Мономахъ* въ началѣ XII в. и *Мстиславъ Уда-
лой* въ началѣ XIII вѣка. Но не смотря на такое временное при-
миреніе, княжескія междоусобицы возникали постоянно, связь
между Русью сѣвѣрною и южною расплывалась, и ослабѣвшая
Русь не была въ состояніи оказывать сопротивленіе страшному на-
ѣзду *Монологовъ* и *Татаръ*. Русскіе князья поражены на *Калкѣ*
(1224) и на *Сити* (1238); Рязань, Володимѣрь, Черниговъ,
Кіевъ (1240) и др. города разрушены, и Русь, покрытая развали-
нами, пепелищами и трупами, сдѣлалась данницею хановъ Зо-
лотой Орды.

Въ слѣдствіе этого страшнаго разгрома прекратилось един-
ство Руси, и опустошенный Кіевъ исчезъ почти совсѣмъ съ ис-
торическаго поприща. Князь галичско-волинскій *Даниилъ* Ро-
мановичъ (ок. полов. XIII в.) стремился соединить южную Русь,
и съ помощью западной Европы и папы, освободить ее отъ та-
тарскаго ига; но это ему не удалось, и послѣ прекращенія его
рода, *Польша* достигла своей завѣтной цѣли и заняла карпат-
скую Русь (Червоную,) которая съ тѣхъ поръ, съ 1340 г., очу-
тилась подъ вліяніемъ польскимъ и тѣмъ самымъ и католическо-
латинскимъ. Съ другой стороны напали на Русь съ запада и
другіе враги, *Литовцы*, и въ теченіи полутора столѣтія (1250—
1400) заняли всю западную Русь по Двинѣ и по Днѣпру, По-
лоцкѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Новгородѣ, Городнѣ, Туровѣ,
Пинскѣ, Волынѣ, Подольѣ, Кіевѣ, Сѣверіи, Смоленскѣ. Но ли-
товскіе князья, сносясь постоянно съ Русью, женись на русскихъ
княжнахъ, поддались русской вѣрѣ и образованности, и ихъ мо-
гущественная держава была собственно тоже Русью, въ которой
мѣсто вымирающихъ или отступающихъ князей Рюриковичей
заняли литовскіе Гедиминовичи и Ольгердовичи, принимавшіе
русскую вѣру и русскій языкъ. Эта литовская, западная Русь,
двигалась наступательно противъ восточной Руси.

Сѣверовосточная Русь стала мало по малу оправляться отъ
татарскаго погрома стараніями великихъ князей *Ярослава Все-*
володовича и его сына *Александра Невскаго* (1252—1263, на-
званнаго такъ по побѣдѣ надъ Шведами на Невѣ). Кромѣ ве-
ликокняжескаго стола во Володимѣрѣ были здѣсь княжества въ

Москвѣ, Суздаль, Твери, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Бѣлозерѣ, Рязанѣ, и др.; Новгородъ Великій связанъ тѣснѣе съ Володимиремъ. Великокняжескій столъ сдѣлался предметомъ споровъ между Александровичами и Ярославичами тверскими. Великокняжескій столъ и достоинство „великаго князя всея Руси“ приобрѣли съ начала XIV вѣка *московскіе* князья рода *Даніила* Александровича. Они пользуясь довѣріемъ и покровительствомъ великихъ хановъ, въ теченіи полутора столѣтія (1328—1462, именно *Иванъ Калита*, *Симеонъ*, *Димитрій*, *Василій I и II*), мало по малу собирали разнымъ образомъ мелкія княжества на сѣверовостоѣ, дѣлали изъ другихъ князей своихъ „подручниковъ“, побѣдили великихъ князей тверскихъ и рязанскихъ, поставили на мѣсто права старшинства въ родѣ—право своей семьи, и всевозможно стремились къ укрѣпленію своего самодержавія во всей сѣверовосточной Руси. Это имъ и удалось, тѣмъ скорѣе, что самъ народъ признавалъ необходимость сильной княжеской власти, что здѣсь древнее вѣче, воля народа, замолкло, и что въ слѣдствіе переселенія митрополита всея Руси изъ Володимера въ Москву, эта столица великаго князя и митрополита всея Руси приобрѣла и нравственное вліяніе на всей Руси. Въ Москвѣ применилъ ближе и *Новгородъ*. Эта община, и младшій ея братъ *Псковъ* (*Плесковъ*), продолжала однако пользоваться древнерусскимъ самоуправленіемъ, вѣчемъ, и выбирала себѣ правителей; она приобрѣла себѣ торговлю значительное богатство и могущество, и ея колоніи, ея господство простирались до Бѣлаго моря и до Урала. Только на западѣ Новгородцы и Псковичи воевали несчастливо съ наступающимъ элементомъ нѣмцевъ, со Шведами, которые распространяли свое господство въ Финляндіи, и съ Нѣмцами, именно съ рыцарями меченосцами, которые ворвались въ балтійскія страны латышскія и чудскія; побѣды новгородскаго князя *Александра Невскаго* (1240—1241) не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій, и нѣмцео-варяжскій элементъ вытѣснялъ русскій въ балтійскихъ странахъ.

Сѣверовосточная Русь, *Москва*, приобрѣла до конца XIV в. уже такую силу, что посмѣла подумать о борьбѣ съ Татарами, которые разбиты на Куликовомъ полѣ на верхнемъ Донѣ (1380)

Славяне и ихъ взаим. отнош.

6

великимъ княземъ *Димитріемъ Донскимъ*. Сѣверовосточная Русь выдержала тоже наступленіе Литвы, которая въ теченіи одного столѣтія (1370—1471), при *Олигерѣ*, *Александрѣ Витовтѣ*, *Казимирѣ*, угрожала Москвѣ, поддерживала противъ нея Тверь и Рязань, отняла у нея Смоленскъ, и собиралась отнять и Новгородъ и Псковъ, но въ концѣ концовъ не успѣла даже ослабить Москву. Эта неудача Литвы на русскомъ востокѣ была для русскаго народа событіемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что въ 1386 г. литовская династія заняла польскій престолъ, повернула къ западу, и что такимъ образомъ Литва и югозападная Русь вступили въ близкія сношенія съ Польшею. Польскій элементъ и католическо-польская образованность восторжествовавши на Червоной Руси, присвоивши себѣ литовскій элементъ и великаго князя литовскаго и короля польскаго *Ягайла Владислава* и его родъ, распространялись на Русь югозападную, и, какъ часть западно-европейской образованности, имѣли здѣсь значительный успѣхъ.

Московская Русь была въ концѣ XV вѣка, при *Иванѣ III* (1462 — 1505), готовою самодержавною монархіею, которую признавалъ весь русскій народъ на сѣверовостокѣ. Остатки удѣловъ уничтожались, Новгородъ и его колонія Вятка присоединены къ Москвѣ, также Тверь, а великое княжество рязанское существовало только по имени, и Псковъ по милости московскаго великаго князя. Единство права въ московскомъ государствѣ установлено изданіемъ судебника. Иванъ, побуждаемый своею супругою, греческою царевною Софіею, рѣшился свергнуть татарское иго (1480), и покорилъ казанское ханство. Сильный великій князь „всея Руси“ могъ обратиться тоже на западъ, и стремился къ приобрѣтенію югозападной Руси, своей „отчины“, которою незаконно владѣли Литва и Польша. Это стремленіе, имѣющее въ виду осуществленіе законнаго титула „великій князь всея Руси“, сдѣлалось съ тѣхъ поръ самою важною частью политики московскихъ государей, и дало поводъ къ трехсотлѣтней борьбѣ съ Польшею (1500—1795). Ивану удалось присоединить къ своему государству нѣсколько княжествъ въ сѣверской землѣ; другія и Смоленскъ присоединены при сынѣ и преемникѣ

Ивана, *Василій III* (1505—1533), который уничтожилъ послѣдніе остатки удѣльной Руси, Псковъ и Рязань. Сынъ Василія, *Иванъ IV Грозный* (1533—1584), покорилъ татарскія ханства на востоѣ, и водворилъ здѣсь, въ царствахъ казанскомъ, астраханскомъ, сибирскомъ, владычество „царя (императора) всея Руси“ (Россіи, изъ греческаго), какъ онъ назвался при своемъ вѣнчаніи (1547); только четвертое татарское ханство въ Крыму не могло быть уничтожено, а осталось бичемъ восточнаго Славянства, Поляковъ и Русскихъ, еще два столѣтія. Иванъ старался вводить въ своемъ царствѣ разныя реформы, издалъ новый судебникъ, улучшилъ военное дѣло устройствомъ постоянного войска, стрѣльцовъ, привлекалъ народъ къ участию въ дѣлахъ гражданскихъ и судебныхъ, и спрашивалъ его мнѣнія на земскихъ соборахъ, что дѣлали и нѣкоторые его преемники. Монархія, идея государства восторжествовала вполне, подчинивши себѣ всѣ сословія, не исключая и высшихъ служилыхъ, бояръ, которые были только совѣтниками царя (царь указалъ и бояре приговорили). Сопротивлявшіеся элементы оттѣснены на окраины русскаго міра, и здѣсь, вмѣстѣ съ разными авантюристами, составляли военныя общины *казаковъ* (*козаковъ*), на Дону, Яикѣ (Уралѣ) и на другихъ мѣстахъ, также и на окраинахъ литовско-польской Руси, на Украинѣ около Черкасъ (казаки-черкасы), по Днѣпру за его порогами на Низу (казаки низовые Запорожцы). Казаки только мало по малу примыкали къ государствамъ польскому и русско-московскому; они составляли для нихъ часто источникъ затрудненій и возстаній противъ ихъ государственнаго строя, но были тоже ихъ оплотомъ противъ ихъ враговъ на югѣ: казаки восприняли борьбу христіанства, особенно православной Руси противъ новыхъ ея азіатскихъ сосѣдей на югѣ, противъ магометанскихъ Турокъ и Татаръ.

Царь Иванъ, сознавая потребность сближенія своего государства съ западною Европою, стремился къ завоеванію Ливоніи, и съ другой стороны у Польши отнялъ Полоцкъ; но оба приобрѣтенія скоро утрачены, и Шведы и Поляки оттѣснили московскую Русь вновь отъ моря. Вообще не везло уже царю Ивану, и его дѣятельность проявлялась въ ужасномъ свирѣпствованіи противъ

собственного народа, именно противъ бояръ, противъ которыхъ царь задумалъ опираться на низшія сословія и на расширенное ихъ самоуправленіе. Но эта мысль скоро по смерти Ивана, при царѣ *Федорѣ*, пала въ забвеніе, и, въ виду государственныхъ потребностей и лучшаго обезпеченія служивыхъ сословій, несшихъ государственную службу, именно военную, подданный сельскій народъ лишенъ свободнаго перехода и прикрѣпленъ къ землѣ (ок. 1591-го года). Не осуществилась тоже великая мысль добровольнаго соединенія всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы и Москвы, подъ свѣплетромъ славянскихъ царей русскихъ Ивана и Федора, какъ этого желали сами Поляки и литовскіе Русскіе послѣ прекращенія рода Ягайла. Это не удалось, ни тогда ни позже, главнымъ образомъ по поводу разницы вѣроисповѣданія: ибо русскій царь не могъ сдѣлаться католикомъ, какъ этого требовали Поляки и Литовцы, предлагая корону Пястовичей и Ягайловичей царю какъ Славянину; русскій царь не могъ тоже подчинить интересы своего государства и народа интересамъ Польши.

Въ 1598-омъ г., съ царемъ Федоромъ, прекратился родъ Рюрика, и царскій престолъ достался *Борису Годунову*, который правилъ уже при слабомъ Федорѣ и подготовилъ себѣ дорогу къ престолу убіеніемъ брата царя, Димитрія. Но скоро явился мститель убитаго царевича: въ 1604-омъ г. явился самозванецъ, вѣроятно подготовленный польскими іезуитами, выдающій себя за Димитрія, и сталъ, съ помощію нѣкоторыхъ польскихъ пановъ, добиваться принадлежавшаго-де ему русскаго царства. Въ слѣдствіе появленія этого Лжедимитрія, за которымъ послѣдовало еще нѣсколько другихъ самозванцевъ, настало для московской Руси *смутное время*, которымъ воспользовались казаки и другіе враждебные государству элементы, вмѣстѣ съ буйными польскими авантюристами, для грабежа и опустошенія почти всего русскаго царства. Наконецъ самъ польскій король Сигизмундъ собрался завоевать русское царство, посадить на царскій престолъ польскаго королевича Владислава или себя, и насадить и на восточной Руси католицизмъ. Но этотъ планъ не удался, и только Смоленскъ достался Польшѣ. На царскій престолъ вступилъ *Михаилъ Федоровичъ Романовъ* (1613—1645), который всячески заботился объ

успокоеніи распатаннаго государства. Обѣ отраженіи Польши нельзя было подумать, и Смоленскъ и Сѣверія остались ея добычею. Государство вѣрло при сынѣ и преемникѣ Михаила, *Алексѣ* (1645—1676), который въ началѣ своего царствованія позаботился обѣ изданіи новаго *уложенія*, выслушаннаго на земскомъ соборѣ 1648-го года. Царю Алексѣю Михайловичу удалось наконецъ выступить съ успѣхомъ противъ Польши и возобновить политику, стремящуюся къ присоединенію югозападной польско-литовской Руси къ русскому царству.

Въ слѣдствіе соединенія Польши и Литвы подѣ династіею Ягайловичей, открылся путь польскимъ порядкамъ въ югозападную Русь. Поляки добивались все болѣе тѣснаго соединенія Литвы съ Польшею, что имъ и удалось люблинскою уніею (1569). Привилегированное шляхетское сословіе Польши распространилось на Литву и на югозападную Русь, вмѣстѣ со всѣми польскими порядками, съ польскимъ языкомъ, съ польскою образованностью, съ католицизмомъ и съ протестантизмомъ. Православные русскіе князья и бояре дѣлались католическою или протестантскою польскою шляхтою, отчуждаясь такимъ образомъ отъ простаго народа, который остался русскимъ. Устройство Литвы и югозападной Руси измѣнялось во многомъ по образцу польскаго, и установлено изданіемъ литовскихъ статутовъ (1529—1588). Для усиленія католицизма въ югозападной Руси и тѣмъ самымъ и для ея сліянія съ Польшею, возобновлена давно забытая унія обѣихъ церквей, латинской и греческой, заключенная въ 1439-омъ г. въ Флоренціи и принятая тогда и русскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Въ концѣ XVI в., на соборѣ въ Берестѣ (1596), унія принята вновь кievскимъ митрополитомъ и нѣкоторыми западно-русскими епископами. Такимъ образомъ надѣялись въ Польшѣ сломить важную опору русской народности, православіе или, какъ его называли польскіе и литовскіе католики, „схизму“, поссорить Русь югозападную и отчуждить ее отъ сѣверовосточной. Унія, распространявшаяся на Руси разными способами и средствами, назначалась болѣе для простаго народа, между тѣмъ какъ русская шляхта принимая унію, скоро дѣлалась католическою и тѣмъ самымъ и польскою. Но унію приняла не вся Русь; московская Русь отвергну-

лась отъ нея рѣшительно уже въ XV в. и осуждала ее всегда; а югозападная Русь распалась на два враждебныхъ лагеря, на Русь унитскую (уніятскую) и православную, между которыми началась ожесточенная борьба. Православная Русь въ Польшѣ и въ Литвѣ тяготѣла все сильнѣе къ сѣверовосточной Руси, къ Москвѣ, съ конца XVI вѣка столицѣ патріарха всея Руси, и нашла себѣ рьяныхъ защитниковъ въ южнорусскихъ казакахъ (въ Украинѣ и Запорожьѣ), нетерпѣвшихъ уніи. Въ эти религіозные споры югозападной Руси вмѣшалась оппозиція поработеннаго русскаго сельскаго народа и демократическихъ казаковъ противъ польскаго шляхетскаго строя.

Борьба дѣлалась все болѣе упорною, принимала характеръ борьбы не только религіозной и народной, но тоже политической и соціальной, и наконецъ разразилась страшнымъ возстаніемъ русскаго казачества и народа подъ предводительствомъ *Богдана Хмельницкаго* (1648). О примиреніи обѣихъ противоположностей, католической или унитской польской или ополченной шляхты и православнаго демократическаго казачества и народа русскаго, нельзя было и подумать. Хмѣльницкій поддался русскому царю (1654), который и выступилъ на помощь югозападной Руси. Съ начала казалось, что осуществится титулъ „царь всея Руси (Россіи) Великой, Малой и Бѣлой“, что вся югозападная Русь будетъ присоединена къ русскому царству, да что самъ царь Алексѣй Михайловичъ будетъ избранъ въ польскіе короли, и такимъ образомъ соединятся оба славянскія государства на страхъ всѣмъ врагамъ славянскаго имени. Но все это тогда еще не удалось, и Великая Русь, послѣ многихъ войнъ, приобрѣла только Смоленскъ, Сѣверію и восточную Украину (Малую Русь) съ Кіевомъ (1667). Бѣлая Русь и западная Малая Русь остались еще Польшѣ, которая однако здѣсь должна была защищаться противъ Турціи, и даже уступить ей часть своихъ малорусскихъ земель. Казачество въ польской Украинѣ скоро исчезло, и сохранилось только въ русской Малороссіи, управляемой казацкимъ гетманомъ.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними войнами возникали въ русскомъ царствѣ и внутреннія смуты. По поводу исправленія церковныхъ

книгъ при патріархѣ Никонѣ возникъ *расколъ*, отщепенство многихъ старообрядцевъ отъ православной церкви. Расколъ сталъ проявляться въ разныхъ видахъ, преслѣдовался, принялъ тоже политическій характеръ, и появился тогда и позже, въ сопротивленіи государству. Надо было подавлять возстаніе на сѣверѣ въ соловецкомъ монастырѣ, а на юговостоѣ опасное возстаніе казаковъ и все больше поработчаемаго сельскаго народа подъ предводительствомъ *Стеньки Разина* (1670).

Потребность въ разныхъ реформахъ, въ просвѣщеніи и въ смягченіи грубыхъ нравовъ, чувствовалась повсюду въ русскомъ царствѣ, и тѣмъ самымъ — потребность сближенія съ остальными народами Европы, которые, находясь уже давно въ болѣе счастливомъ положеніи, въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, трудились долгіе вѣка надъ развитіемъ человѣческой образованности. Съ половины XVII в. Великая Русь распространялась не только на востокъ, въ Сибирь, но и на западъ въ русскія земли могучей нѣкогда Польши, которая въ то время уже политически слабѣла и духовно падала, и по этому не могла быть для Руси подходящею наставницею. Другой врагъ Великой Руси, Швеція, заграждала ей путь къ балтійскому морю, и тѣмъ самымъ и дорогу къ прямому источнику европейской образованности. Прежнюю борьбу Новгородцевъ и Псковичей и Ивана Грознаго изъ-за этого важнаго моря, возобновилъ царь или, какъ онъ позже (1721) назвался, императоръ *Петръ Алексѣевичъ Великій* (1682—1725), и, послѣ долголѣтней войны съ Шведами, приобрѣлъ здѣсь Ингрію (Ингерманландію, гдѣ возникла новая столица Россіи, Санкт-Петербургъ), часть Финляндіи, Эстляндію и Лифляндію. Такимъ образомъ русская или російская имперія приблизилась къ средней и западной Европѣ посредствомъ балтійскаго моря, и заняла на востокѣ Европы мѣсто падающей и находящейся подъ русскимъ вліяніемъ Польши, и ослабленной Швеціи. Петръ Великій обратилъ свое вниманіе такъ же на третью часть завѣтной русской политики, на югъ, гдѣ Турція и подданные ей крымскіе Татары лежали тяжелымъ гнетомъ на единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народахъ; но онъ не могъ здѣсь еще ничего сдѣлать, такъ какъ его походъ противъ Турціи не удался. Тѣмъ не менѣе Петръ не упускалъ изъ виду

южныхъ Славянъ, завязывалъ съ ними сношенія, охотно принималъ ихъ на службу, и вообще очень хорошо понималъ значеніе Славянъ для Россіи. За то православный и славянскій царь русскій остался главною надеждою всѣхъ православныхъ христіанъ, преимущественно Славянъ, въ Турціи, Польшѣ и въ Угріи, да его слава и популярность распространились и къ католическимъ Югославянамъ, Хорватамъ, и въ Чехію. Также и внутри идея государства восторжествовала надъ сопротивлявшимися элементами, надъ казаками и примыкающимъ къ нимъ сельскимъ народомъ; на западѣ попытка казацкаго гетмана малорусскаго Мазепы, освободиться, съ помощью Шведовъ, отъ Россіи, не удалась, а на востокѣ подавлено возстаніе атамана Булавина.

Петръ Великій завязалъ живыя сношенія съ Европою, среднею и западною, посредствомъ разныхъ реформъ и нововведеній, принимаемыхъ изъ остальныхъ европейскихъ странъ, часто только въ измѣненномъ образѣ и съ чужими названіями, и прививаемыхъ при помощи Русскихъ и иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ, которые заняли въ Россіи важное положеніе. Петръ создалъ флотъ и постоянную армію (вмѣсто стрѣльцовъ и служилыхъ людей), раздѣлилъ табелью о рангахъ всѣхъ служащихъ, дворянъ и не дворянъ, на 14 классовъ и чиновъ, и образовалъ бюрократію. Во главѣ управленія стоялъ сенатъ (вмѣсто прежней боярской думы), во главѣ разныхъ отраслей администраціи и судопроизводства коллегіи (вм. прежнихъ приказовъ), во главѣ вновь образованныхъ губерній—губернаторы, а провинцій—воеводы; во главѣ церкви, вмѣсто патріарха, святѣйшій синодъ епископовъ. Разныя реформы введены въ судопроизводство, управленіи, финансахъ и пр.; приняты мѣры для развитія промышленности, торговли, швель, просвѣщенія, наукъ, образованности. Положеніе крестьянъ ухудшилось, и крѣпостное право легло на невольникахъ еще тяжелѣе.

Сила и могущество Россіи увеличивались при преемникахъ Петра, *Петръ II Петровичъ*, *Анна Ивановна* (дочери царя Ивана, брата Петра Великаго) и *Елизаветъ Петровна*, *Петръ III Федоровичъ* (сынъ Анны Петровны, герцогини Гольштейн-Готторпской), и особенно при супругѣ послѣдняго, *Екатеринѣ*,

урожд. княжѣ Ангальтской (1762—1796). Внутреннія реформы и нововведенія въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни, начавшіяся при Петрѣ Вел., продолжались и развивались дальше. Замѣтенъ прогрессъ въ дѣлѣ просвѣщенія, основаны университетъ въ Москвѣ (1755) и другія школы, появились зачатки самостоятельной русской литературы. Дворянство приобрѣло разныя привилегіи и большую власть надъ своими невольниками. Достоинство казацкаго гетмана въ Малороссіи уничтожено, а восточные казаки привязаны тоже тѣснѣе къ государству, особенно послѣ подавленія возстанія казаковъ и сельскаго народа въ восточной Россіи подъ предводительствомъ *Пугачева* (1774). Тогда уничтожено тоже Низовое Запорожье. Самодержавная монархія окончателно восторжествовала надъ всѣми сопротивлявшимися ему внутри элементами, и могущество Россіи въ Европѣ, ея вліяніе на дѣла Польши и Германіи, гдѣ Елизавета Петровна старалась „сократить“ прусскаго короля, все усиливалось. Неуспѣхъ Петра Великаго противъ Турціи поправленъ уже при Аннѣ Ивановнѣ, особенно же при Екатѣринѣ. Россія приобрѣла въ покоренной Турціи (1774) рѣшительное вліяніе, и посреди своихъ единоутѣрцевъ и единоплеменниковъ на югѣ небывалое обаяніе; послѣ присоединенія Крыма (1783) и второй войны съ Турціею границы Россіи на югѣ дошли до Чернаго моря и Днѣстра. На западѣ русское вліяніе восторжествовало въ Польшѣ, и рѣшена наконецъ трехсотлѣтняя борьба Руси съ Польшею изъ-за югозападной Руси, побѣдою русской имперіи. Законный титулъ „царь всея Руси, императоръ Всероссійскій“ осуществился почти вполнѣ; только Червоная Русь осталась Нѣмцамъ.

Русское знамя водружено на берегахъ Нѣмана, Буга, Збруча и Днѣстра, русскій флагъ развѣвался на моряхъ балтійскомъ и Черномъ, и Россія стала первостепенную великою державою европейской политической системы. Но почти на всей западной границѣ Россія соприкасалась уже съ владѣніями Нѣмцевъ. Всѣ славянскія государства на югѣ и на западѣ погибли, всѣ славянскіе народы на югѣ и на западѣ сдѣлались слугами иноплеменниковъ, и стали представлять лишь матеріалъ для питанія чужихъ тѣлъ. Только на славянскомъ востокѣ русскій народъ сохранилъ

себѣ политическую самостоятельность, сгруппировался около Москвы, образовалъ здѣсь, послѣ ужасныхъ бѣдствій и послѣ тяжелой борьбы съ врагами внѣшними и внутренними, сильное государство на прочныхъ основахъ, и обезпечилъ себѣ такимъ образомъ и свой народный бытъ: ибо только тотъ народъ живетъ, который пользуется политическою самостоятельностью и рѣшаетъ самъ о себѣ, между тѣмъ какъ народъ, лишенный политической независимости и управляемый иноплемениками, уже только прозябаетъ. Это единственное, но могущественное славянское государство, русское, возбуждаетъ между своими сосѣдами разнородныя чувства. Казалось, что южное и западное Славянство, полумертвое, связанное по рукамъ и по ногамъ, оцѣпенѣлое, ошеломленное страшными погромами, погружено въ глубокой латаргической сонъ. Но съ дуновеніемъ животворной идеи народности этотъ сонъ дѣлается все болѣе безпокойнымъ, и южные и западные Славяне пробуждаются мало по малу отъ почти смертельнаго обморока; они прислушиваются съ возрастающимъ волненіемъ, какъ изъ далекаго востока приближается громъ русскихъ пушекъ и русскаго „ура“ на югъ къ старому славянскому Дунаю, и на западъ къ старо-русскому Бугу и Днѣстру. Это русское „ура“, хотя все еще отдаленное, разнообразно сдерживаемое и придавляемое, пробуждаетъ однако не только южныхъ и западныхъ Славянъ отъ ихъ глубокаго сна; оно начинаетъ безпокойтъ тоже бдящихъ надъ ними Турокъ, Грековъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, преимущественно же Нѣмцевъ. Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплемениковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуетъ все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.

ХІ.

БЫТЬ СЛАВЯНЪ.

Народы арійской отрасли, позже названные Славянами, поселились въ земляхъ между морями адріатическимъ, балтійскимъ и Чернымъ, по Дунаю, Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ и Днѣпру, стало быть въ странахъ по природѣ, климату и пр. довольно различныхъ. Они, оставаясь въ первобытныхъ общественныхъ формахъ, живя разрозненно, долго не успѣвали заключить на продолжительное время болѣе обширные и прочные политическіе союзы — *юсударства*; а ужъ всѣ они никогда не составляли, хотя бы на короткое время, одного политическаго цѣлаго, одного государства. Собрались только болѣе близкія племена въ одно политическое цѣлое, и сплотились со временемъ въ особые *народы*. А соединить такіе народы въ одно политическое цѣлое, никакъ не удавалось, и мигомлетны были такого рода попытки моравскаго Святополка, чешскихъ и польскихъ Болеславовъ, и др. Эти новыя формациі, славянскія *юсударства*, славянскіе *народы*, стали развиваться самостоятельно, независимо другъ отъ друга, а также подъ чужимъ вліяніемъ, сосѣдей иноплеменниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, Римлянъ, Грековъ, Нѣмцевъ. Сношенія между славянскими народами, конечно, тоже не прекращались, взаимныя связи продолжали между ними существовать, славянскіе народы вліяли, болѣе или менѣе, другъ на друга, да сдѣланы не разъ попытки соединить тѣ или другіе славянскіе народы въ одинъ политическій

союзъ; но тѣмъ не менѣе всѣ такія стремленія и попытки не могли уже измѣнить установившагося въ Славянствѣ прочнаго положенія дѣлъ: славянскіе народы такъ и остались народами, и не составили уже новой единицы, новаго народа, хотя бы они и жили довольно долго въ близкихъ сношеніяхъ, даже въ одномъ государствѣ. Чехи и Поляки остались Чехами и Поляками, не смотря на все ихъ стремленіе въ XV в. сблизиться, даже соединиться въ одно государство; Поляки и югозападные Русскіе остались Ляхами и Русью, не смотря на долгое ихъ общее сожительство въ одномъ государствѣ; Хорваты и Сербы, хотя они собственно составляютъ одинъ народъ говорящій на одномъ языкѣ, остались Хорватами и Сербами, и пр.

Не смотря однако на такое болѣе или менѣе сильное, политическое и народное, раздробленіе и разрозненность Славянъ, они все таки сохранили въ общественномъ бытѣ очень много подчасъ даже поразительно общихъ и сходныхъ чертъ; и этого сходства никакъ не могли изгладить столѣтія политической и народной розни. Отъ чего же Чехи и сѣверные Русскіе называютъ хлѣбъ (на полѣ, зерномъ) — *обиліе*? Отъ чего же польскіе Куявяки называютъ надзирателя рабочихъ *пристава*, что у Русскихъ означаетъ начальника другого рода? Отъ чего соборы *себровъ* были въ Сербіи до XIV в., а сходки, громады себровъ или сябровъ (хозяевъ) существуютъ въ средней Руси до сихъ поръ? Отъ чего сербскіе Черногорцы до сихъ поръ ищутъ потерянную вещь посредствомъ особыхъ сыщиковъ, *соковъ*, между тѣмъ какъ Чехи и Русскіе позабыли уже о такихъ собахъ, но еще въ XIII и XVI вв. ихъ знали? Все это — общеславянское наслѣдство, уцѣлѣвшее у разныхъ народовъ славянскихъ съ древнѣйшихъ временъ до нынѣ.

1. Колонизація.

Славянская колонизація коснулась во первыхъ, земель нынѣ не занятыхъ, гдѣ Славяне являются первыми извѣстными жителями, во вторыхъ, земель уже заселенныхъ, гдѣ Славяне — болѣе поздніе пришельцы, и составляютъ уже второе или третье

наслоеніе. Въ первомъ случаѣ географическая номенклатура тѣхъ земель исключительно славянская, а въ другомъ случаѣ только отъ части славянская, отъ части же чужая или къ славянской приспособленная. Славяне, заселяя извѣстную страну, называли рѣку или гору, село или городъ, по качеству и мѣстоположенію, часто одинаково въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; такъ на пр. Брезница, Березина, рѣка вытекающая изъ березоваго лѣса, Лысая гора, Высочаны. Случалось тоже, что Славяне переселяясь изъ своей родины въ другую страну, переносили туда разныя географическія названія; такъ на пр. на югѣ и на сѣверѣ Руси встрѣчаются Володимеръ (Владимір), Галичъ, Переяславль. Многія названія рѣкъ относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ, гдѣ арійскія племена, славянское, литовское, нѣмецкое и др., были другъ другу ближе, и по этому объяснимы только припомощи сравнительнаго языкованія. Съ *Дунай* ср. санскр. dhu-paṇa—шумѣть, чеш. дунить, Дунай—шумящая, дунящая рѣка; съ *Одра* ср. санскр. udga, литов. audga, греч. ὄδωρ—вода; съ окончаніемъ *ава* ср. латин. aqua, нѣм. аha. Ясны названія рѣкъ: Варта и Свратка (вертливая), Быстрица, Брѣзава, Пѣна, Черная, Бѣлина, Дубрава, Березина, Тешлица, Солоня, Каменица, Бобръ, Вука, (Волка), Вепрь, Рыбница; названія озеръ: Плесо, Блатно, Моръце, Бѣлое озеро; названія горъ: Хребетъ (Карпатъ), Шумава и Шумадія (шума—лѣсъ), Буковина, Святоборъ, Кръконоши, Ястребаць, Рудникъ, Берда.

Что касается заселенныхъ мѣстъ, городовъ и селъ, то древнѣйшія поселенія—съ названіями родовыми съ окончаніемъ *ичи* (*ићи, ишти, ици*), на пр. Войславичи, Ратиборовичи. Такія названія первоначально не названія мѣста, а лицъ одного происхожденія. Селенія назывались по основателямъ: Кіевъ т. е. городъ Кія, Сербино т. е. село Серба, Болеславъ, Ярославль, Володимеръ, Войнѣжъ, Серадзь, Познанъ—города Болеслава, Ярослава, Володимера, Войнѣга, Серада, Познана. Чрезвычайно разнообразны названія селеній по мѣстоположенію: Поляне (Поляны), Древляне, Лѣсяне, Озеряне, Порѣчье, Просѣкъ, Загорье, селенія и люди живущіе въ поляхъ, деревьяхъ, лѣсахъ, около озеръ, по рѣкѣ, въ просѣкѣ въ лѣсу, за горой. Названія по

разнымъ качествамъ, случайностямъ, прозвища: Бѣлгородъ, Вышегородъ, Звенигородъ, Новгородъ, Черторые, Татобиты, Конетоны, Лютоглавы, Чертоусы, Курозвенки. Названія по занятіямъ жителей, которыя остались и въ послѣдствіи, когда жители селенія давно уже перестали заниматься такой отраслью промышленности: Колодѣе, Пекары, Ратае, Рыбытвы или Рыбары или Рыбаки, Рудники, Псары, Кладорубы—Колодорубы, Цеторады (радили—дѣлали цаты, цеты, цаты). Названія по выходцамъ изъ другихъ странъ: Чехи, Поляки, Хорваты, Сербы, Кривичи, Дульбы (Дудлебы), Поморяны, Прусы.

Также разнообразны названія племенъ и народовъ. Встрѣчаются названія племенъ съ окончаніемъ—*ичи* (родовыя): Лютомѣричи, Голасовичи, Драговичи, Радимичи. Жители равнинъ, полей, полицъ, полянъ, лѣхъ (ляхъ, ладъ) назвались Поляне (на Вартѣ и по Днѣпру), Поличане, Полянцы, Ляхи, Лахи (ср. лит. *Lenkai*), Ладичи (ср. мадьяр. *Lengyel*), жители лѣсистыхъ странъ Деревляне—Древяне (по Припѣти въ Полѣсьѣ—Полѣсчуки, въ Деревской патицѣ въ новгородской землѣ, и на нижней Лабѣ), Шумадія (шума-лѣсь), Дреговичи—жители дрегвѣ, драгвѣ (тра-синѣ), Ободричи—вѣроятно жители обѣ одру (воду), Лужичане—жители луговъ или лужицъ, Поморье, Подгорье, Захолмье, Краина-Украина (окраина), Низъ, Верхъ, Подолье, Запорожье, Езеричи, Горичане, Горенцы, Доленцы, Винодолъ. По рѣкамъ Морава-Моравяне-Поморавье, Босна, Неретва, Полабяне, Укряне, Славзана, Порадничане, Поросяне (Рѣсь, Рось). По городамъ, Воляняне, Кіане, Смольняне, Новгородцы, Пиняне, Гѣданыне: Лучане, Требиняне, Расяне. По разнымъ качествамъ, прозвища: Лютичи (лютые), Бойки и Боймане (бойкіе, войны), Чехи (корень *чех*—бить, войны), Хорваты (войны), Велеты (великаны), Ваты (Венеты, Анты, Вятичи—великаны), Варны (вороны), Ватры (отважные), Ракоусы, Кривичи (вѣроятно кривые, лукавые), Червоная и Бѣлая Русь, Малая и Великая Русь, Великая и Малая Польша, Черная Гора; Кайкавцы, Чакавцы, Штокавцы (по слову *кай, ча, што*); Кацапы, Хохлы, Безяки и Шовцы (дураки), Мазуры (замазуры); Сербы т. е. народъ (ср. пасербъ = пасынокъ, и ср. нѣм. *thiuda*—*deutsch*=народъ). *Словѣне* (*Словене*,

Словине, позже съ XVI в. *Славяне*, *Славене* по греческому и латинскому *Sklavi*, *Sklaveni*)—темнаго происхожденія, первоначально названіе одного или нѣсколькихъ племенъ (Словене балтійскіе, ихъ потомки нын. Словинцы поморскіе, Словѣне—Словене новгородскіе, Словѣне—Словенцы—Словаки дунайскіе, альпійскіе, карпатскіе), въ послѣдствіи общее названіе всѣхъ племенъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіями: Венеты, Свевы, Сарматы и др.

Множество одинаковыхъ названій племенъ, земель, селеній, встрѣчается въ разныхъ славянскихъ странахъ. Такія названія происходятъ по большей части изъ племеннаго единства и родства Славянъ, которые вездѣ могли назвать жителей полей и лѣсовъ Полянами и Древлянами, селенія подъ и за горой, рѣкой, лѣсомъ, полемъ—Подгорье, Зарѣчье, Подлѣсье, Заполье, и такъ и разныя Дубравы, Лысыя Горы, Бѣлгороды, Вышегороды. По этому такія одинаковыя названія не могутъ еще вести къ разнымъ заключеніямъ о ихъ заимствованіи Славянами другъ у друга, о переселеніи племенъ и выходцевъ, если кромѣ такихъ названій нѣтъ другихъ положительныхъ извѣстій. По этому нельзя ничего болѣе вѣрнаго сказать о родствѣ и связи чешскихъ и русскихъ Лучанъ, лашскихъ и русскихъ Полянъ и Деревлянъ, западныхъ и южныхъ Моравянъ, Сербовъ и Хорватовъ, западныхъ и восточныхъ Дулѣбовъ (Дудлебовъ), Волянъ, Сѣверянъ, балтійскихъ и новгородскихъ Словенъ, Словѣнъ. Если между чешскими и русскими Дулѣбами, между ерьконошскими, карпатскими и адриатическими Хорватами, между полабскими и подунайскими Сербами, между лашскими и русскими Сѣверянами, существуетъ какая-нибудь связь, то она относится къ неизвѣстнымъ доисторическимъ временамъ; а въ историческое время западные и южные Хорваты и Сербы, западные и восточные Воляныне, подунайскіе и ильменскіе Словѣне—говорили всѣ на различныхъ славянскихъ языкахъ.

Между Славянами сохранились еще въ историческое время разныя преданія о ихъ прародинѣ, о мифическихъ праотцахъ и пр.; но на сколько такія преданія достовѣрны, трудно опредѣлить. Являются праотцы Русъ, Чехъ, Лѣхъ, Радимъ, Ватко

Хорватъ; русскіе Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ; по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ XII—XIV вв., многія племена русскія, ляхскія и чешскія, производили себя съ юга, отъ Дуная, этой священной рѣки Славянъ, что не невѣроятно. Переселеніе славянскихъ народовъ и племенъ происходило и въ позднѣйшія, историческія времена. Почти весь балканскій полуостровъ завоеванъ Словѣнами, Сербами и Хорватами; много задунайскихъ Словѣнъ переведено позже въ преддунайскія страны; въ войнахъ XI в. полабскіе Сербы переводились въ Польшу, польскіе Гедчане въ Чехію, Поляки на Русь на рѣку Рось; въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ переселялось много Поляковъ на южную Русь, а въ сѣверной Руси переводились Новгородцы на Низъ въ землю володимерско-московскую, а оттуда Москвичи на Верхъ въ землю новгородскую; на югѣ, послѣ вторженія Турокъ, много Сербовъ поселялось между Хорватами и въ Угріи, и пр. Громадная славяно-русская колонизація происходила съ древнѣйшихъ временъ и происходитъ и нынѣ на востокъ Европы дальше въ Азію. Русский народъ двигаясь отъ Двины и Днѣпра на сѣверовостокъ и на востокъ, вытѣсняетъ и поглощаетъ здѣсь инородцевъ, чуждыхъ, турецко-татарскихъ и др., память которыхъ сохраняетъ здѣсь неславянская географическая номенклатура подъ новыми славянскими названіями. Новгородцы колонизовали сѣверъ, Бривичи, Сѣверяне, Вятичи, и въ послѣдствіи особенно жители московскаго государства, Великой Руси—востокъ. По этому здѣсь въ земляхъ „за волокомъ“ и „за лѣсами“—подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Новгородъ, Бѣлоозеро, Ростовъ, Володимерь, Ярославль, Трубезъ, Лыбедь, встрѣчаются неславянскія названія, Ладога, Селигеръ, Клязьма, Кама, Лена, Суздаль, Муромъ, Казань, Саратовъ, Тобольскъ, Якутскъ. Такое же самое явленіе встрѣчается и на югѣ на балканскомъ полуостровѣ, куда Славяне двигались изъ поддунайскихъ странъ, заселяя земли, занятія Влахами (романизованными Илирами и Фракійцами), Шкипетарами и Греками, и вытѣсняя и поглощая эти народы. По этому подлѣ новыхъ славянскихъ названій, Марица, Черная, Быстрица, Рудникъ, Бѣлградъ, Расъ, Прѣславъ, Шуменъ, При-

лѣтъ, встрѣчаются древнія неславянскія или только на славянскій ладъ передѣланныя, Струма (Strymon), Шаръ (Skardus), Солинъ (Salona), Скадаръ (Skodra), Срѣдецъ (Sardika), Пловдивъ (Plotipopolis, другое названіе Филипополя), Солунъ (Thessalonike), Пелогъ (Pelagonia), Піяницы (Paionia).

Одни Славяне привыкли рано къ осѣдлой жизни, жили въ постоянныхъ жилищахъ и обрабатывали землю, какъ объ этомъ свидѣтельствуется тоже ихъ языкъ, старинныя слова: плугъ, рало, борона, пшеница, рожь, ячмень, хлѣбъ и пр. Но такая осѣдлость однихъ Славянъ земледѣльцевъ не исключала кочевой жизни другихъ Славянъ, занимавшихся въ тоже самое время скотоводствомъ и охотой. Такъ на пр. за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. по среднему Днѣпру въ черноземной полосѣ „Скиѣи (т. е. Славяне) земледѣльцы и ратаи“, въ тѣхъ „поляхъ“, по которымъ тамошніе жители назвались позже Полянами—занимались земледѣліемъ съ такимъ успѣхомъ, что даже торговали хлѣбомъ. Въ началѣ нашей эры между Вислою и Днѣпромъ жили Венеты, которые строили дома; между тѣмъ ихъ южные соплеменники въ черноморскихъ степяхъ, Сарматы, проводили жизнь въ колымагахъ и на воняхъ, какъ это дѣлали и ихъ потомки, Русь запорожскіе казаки. Подунайскіе и задунайскіе Словѣне занимались земледѣліемъ въ V—VII вв., а о ихъ сосѣдяхъ, Сербѣхъ XII в., отзываются иностранцы, что они, обитатели горъ и лѣсовъ, занимаются не земледѣліемъ, а скотоводствомъ. Искусные земледѣльцы были тоже западные Славяне; нѣкоторые и назывались по своимъ полямъ и лѣхамъ Поляне и Ляхи.

Славяне жили въ открытыхъ селеніяхъ, въ *селахъ* (село, сѣдо) или *вѣсяхъ* (вѣсь, весь, вась) и въ укрѣпленныхъ *юродахъ* (градъ, гардъ, гродъ). Славянскій языкъ указываетъ, что Славяне уже въ древнѣйшія времена въ своихъ селеніяхъ строили дома, дворы, храмы (хоромы), хижи, избы (избы), халупы, хаты, кущи (кѣща, куѣа, коча) и др. Въ нѣкоторыхъ этихъ названіяхъ замѣтенъ еще переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой; на пр. словѣнскія слова *кѣща* и *истѣба*, др.-русс. *вѣжа*, означаютъ шатеръ (западнослав. *станъ*) и домъ. Неизвѣстно, можно-ли считать нѣмецкими слова: изба, хата, хижѣ (хызь), но югослав.

колиба (хижина) и *вари* (большой домъ, βῆρις, отсюда *варъ, ва-рошь*—городъ) взято изъ греческаго. Общеславянскія тоже названія разныхъ частей дома и селенія: стѣна, крыша, стрѣха, окно, двери, ворота, порогъ, хлѣвъ, гумно, улица и пр., столъ, полка-полица, печь, и др. Деревянные и хворостныя славянскія избы, построенныя „разсѣянно“, въ далекомъ разстояніи, были дрянны (какъ выражаются иностранцы), что и понятно при тогдашнемъ опасномъ положеніи простаго народа въ открытыхъ и всѣмъ нападеніямъ доступныхъ селеніяхъ, и при устройствѣ славянскихъ общинъ; еще въ позднѣйшія времена въ сѣверной Руси селенія состояли изъ немногихъ дворовъ (2—7), и такія малыя селенія, числомъ 20—60, составляли общину. Едва ли можно говорить о какомъ-нибудь общеславянскомъ видѣ и устройствѣ селеній; все это обуславливалось природою, климатомъ и степенью образованности селянъ, какъ и теперь. На рубежѣ міровъ нѣмецкаго и славянскаго, по рѣкѣ Лабѣ, славянскія селенія отличались отъ нѣмецкихъ своимъ круглымъ, подковообразнымъ видомъ.

Славянскій *городъ* былъ мѣсто огороженное, укрѣпленное, крѣпость деревянная „срубленная“, а только позже каменная (русс. *кремль, кремлика*), обведенная насыпью и тыномъ (плетнемъ, частоколомъ), или стѣнами (др.-русс. тоже „городъ“), деревянными позже каменными, ровомъ или перекопомъ, и кромѣ того защищаемая и самою природою, рѣками, озерами, болотами, лѣсами. Въ самомъ городѣ могли быть разныя строенія, жилия князя и его чиновниковъ, прислуги, храмъ; но въ мирное время городъ могъ быть и пустъ или мало обитаемъ, и наполнялся только въ военное время, когда туда стекалось окрестное населеніе, ища убѣжища для себя и для своихъ дѣтей (оттуда др.-русс. *дѣтинецъ*). Если городъ былъ важнымъ мѣстомъ въ отношеніи торговомъ и политическомъ, то около него, подъ и передъ нимъ селились торговцы, ремесленники, разные промышленники, землевладѣльцы и земледѣльцы и пр., занимали открытое *подградіе* или *передгородіе* (въ московской Руси тоже *посадъ*), которое со временемъ тоже укрѣплялось (русскій городъ окольный, кромный, кромъ), и составляло съ первоначальнымъ городомъ одно новое

цѣлое, новый городъ и общину, одну „городную осаду“. Такое возникновеніе большихъ городовъ можно замѣтить до сихъ поръ на пр. въ Прагѣ, Бракѣ, Кіевѣ, Москвѣ и др., гдѣ около крѣпости (города, замка, кремля), расположены другія части города, съ начала открытыя, потомъ тоже укрѣпленныя. Славянскіе города дѣлились на концы (русскіе), улицы, торговища, и пр.

Древнеславянскіе города были то не большія укрѣпленія, то значительныя крѣпости; многіе со временемъ опустѣли, деревянные срубы разрушились, сгорѣли и отъ такого города осталась земляная насыпь, каменная ограда, а внутренняя площадка заросла лѣсомъ, вспахана въ поле, а о существованіи въ такомъ *городѣ* жизни въ отдаленныя времена свидѣтельствуютъ разныя раскопки. Такихъ городищъ (градѣй, гродзискъ) находится въ славянскихъ земляхъ очень много, въ томъ числѣ остатки когда-то знаменитыхъ городовъ, на пр. чешскаго Любушина, польскаго Гедча, русскаго Воляня, и др. Города существовали у Славянъ съ незапамятныхъ временъ; уже Греки и Римляне знали въ земляхъ между Лабою, Дунаемъ, Днѣпромъ и балтійскимъ моремъ, въ восточной (свевской) Германіи, въ Дакии и Сарматіи, много городовъ; нѣкоторые изъ нихъ сохранились до сихъ поръ, какъ на пр. Brodentia—нын. Бродъ (на границѣ Чехіи и Баваріи), Kalisia—польскій Калишъ, Resio—Пещь (Пешть) на Дунаѣ; названія другихъ кроются въ названіяхъ племенъ извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ, на пр. Ракоусы (Rakatae), Щетинъ (Seidini), Гѣданьскъ (Gythones), и др.; но по большей части положеніе этихъ древнѣйшихъ городовъ опредѣлить нельзя, на пр. Setidava, Karodunum, Strevinta, Virunum, Treva, Uskenum, Azagarium, Sarbakum, и др. Въ IX в. Нѣмцы представляли себѣ славянскія земли покрытыми множествомъ городовъ, и Варяги называли восточнославянскія земли *Gardariki* т. е. царство городовъ. Многіе до сихъ поръ существующіе города уже тогда, въ IX—X вв., были извѣстны какъ многолюдныя и богатые центры торговые и политическіе; такъ на пр. въ балтійскомъ поморьѣ Волянь, извѣстный Нѣмцамъ и Варягамъ, Русскимъ и Арабамъ, Щетинъ, Гданскъ (Гѣданьскъ), въ земляхъ полабскихъ, поодрянскихъ и повислянскихъ Будышинъ, Прага,

Краковъ, Вислица, Гѣдечъ, на востокѣ Новгородъ, Смоленскъ, Полотескъ (Полоцкъ), Кіевъ и др. Начало этихъ городовъ теряется въ доисторическихъ временахъ, и многіе являются, такъ сказать, въ самомъ началѣ своей исторіи какъ богатые и важные центры, извѣстные на западѣ Нѣмцамъ, и на востокѣ Арабамъ, что предполагаетъ въ нихъ продолжительную общественную жизнь за долго до IX вѣка.

2. Р о д ъ.

Южные Славяне, Хорваты, Сербы и Болгаре, съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ живутъ отъ части не простою семьею, а тоже извѣстнымъ семейнымъ союзомъ, который называется обыкновенно родъ. Это — союзъ, общество лицъ одного происхожденія, соединенныхъ связью крови, совокупность семействъ, которыя живутъ сообща въ одномъ общемъ нераздѣльномъ родовомъ имѣніи (подлѣ котораго существуетъ и частное имущество членовъ рода), подлѣ избираемымъ начальникомъ, количествомъ отъ 10 до 70 душъ, отецъ, сыновья, ихъ жены и дѣти, вдовы и пр., иногда и постороннія лица. Такой союзъ называется обыкновенно *задруга*, тоже *кућа* (вѣща) и *хижа* (т. е. домъ), *скупщина*, *дружество*, *дружина*, *братство*, *челядъ*, *жуна*; а постороннія лица принятые въ задругу — *приселницы*, *скупники*; общее имѣніе — *стожер-стежер* (пень), *дѣдовина*, *отчевина*, *бащина*; начальникъ — *старшина*, *господар*, *домаћин*, *дѣд*; задругары собираются для совѣщаній въ общей домаћинѣ, хижѣ, а живутъ въ своихъ вѣтахъ и воморахъ. Задруга можетъ разойтись, и задругары могутъ раздѣлить все имущество, жить семьею (инокоптною, родители и дѣти). Обыкновенно нѣсколько задругъ составляютъ общину — село, иногда малое село занято одною задругою. Такія обширныя *братства*, *племена*, *кући*, *хижи*, *врес* (рус. *вервь*), состоящія изъ разныхъ *сродниковъ*, *ближнихъ* (братьевъ, братучедовъ, стрьевъ, сыновцевъ, ближнихъ и дальнихъ, братьевъ врывныхъ или врывихъ, врывихей дружины), встрѣчаются часто въ древней Хорватіи и Сербіи; они владѣютъ сообща родо-

вымъ имѣніемъ, *племенитиной, дѣдиной, отачбиной, баштиной, баѣиной*, которою распоряжаются всѣ они сообща.

Такое устройство родовъ было тоже у другихъ Славянъ, хотя отъ него въ историческое время сохранились только остатки и слѣды, и вмѣсто рода является родина (семья). У западныхъ Славянъ многіе знатные роды еще долго жили сообща, и ихъ члены составляли одинъ родъ, одно племя, одну челядь, одинъ полкъ, подъ своимъ выбираемымъ *старостою, господаремъ, владаремъ*, какъ это ближе извѣстно у Чеховъ. Такіе знатные роды владѣли сообща своею *дѣдиною* или *отчиною* (*отчиною*), которою могли распоряжаться родичи только съ общаго согласія; они составляли по закону одно юридическое лицо, равнымъ образомъ какъ до сихъ поръ югославянская задруга. Колонизація родами, на которую указываетъ много старинныхъ географическихъ названій съ окончаніемъ - *ичи*, встрѣчается у западныхъ Славянъ и въ послѣдствіи; такъ на пр. еще въ XII—XIII вв. въ Польшѣ селенія и ихъ жители называются одинаково: люди Бѣлеевичи (*homines Belejevici*, жители села Бѣлеевиць), Костоновичи и ихъ село (*Kostopovice cum villa eorum*), Квѣтикъ съ своими наслѣдниками основалъ село Квѣтиковичи (*Kvetiko cum suis heredibus locavit villam Kvetikovici*). Родовое устройство сохранилось и въ княжескихъ родахъ чешскихъ Премысловичей и польскихъ Пястовичей; они имѣли во главѣ старшаго члена всего рода, великаго князя, смотрѣли на земли чешскую и польскую какъ на свою родовую дѣдину, отчину, которою могли пользоваться всѣ члены рода. У русскихъ Славянъ родовой бытъ — за исключеніемъ княжескаго рода — замѣненъ тоже рано семьею, которая въ историческое время составляетъ основу народнаго, юридическаго быта Русскихъ, и называется по древнерусски родъ; такъ на пр. говорится о родахъ братьевъ т. е. ихъ семействахъ, и двоюродный братъ — это братъ не родной, а братъ двою роду, двухъ родовъ т. е. двухъ семей, двусемейный. Но если семья и составляла основу быта Русскихъ, то все таки рядомъ съ нею замѣтны на Руси нѣкоторыя черты и слѣды родоваго быта, равнымъ образомъ какъ и теперь подлѣ семьи встрѣчаются, въ средней Руси, такія семейныя общины или союзы, какъ югославянскія задруги. Географическія названія съ

отчествомъ-*ичи*, новыя и древнія (Бужковичи, Витославици, Дѣдичи, Дѣдогостици, Мирятичи, Ольжичи, Увѣтичи, Хвалимичи), можно считать разросшимся потомствомъ (племенемъ, родомъ) извѣстныхъ лицъ (Дѣдогостя, Миряты, Хвалима). На отчину (вотчину) имѣли еще въ XV—XVI вв., подлѣ дѣтей, извѣстныя права и другіе родственники, потомство: ближніе, племя, ближнее племя, племянники (т. е. вообще родственники), отчичи (вотчичи), свой родъ передъ чужимъ родомъ. Княжескій родъ Рюриковичи, равнымъ образомъ какъ чешскіе Премысловичи и польскіе Пястовичи, имѣя во главѣ старшаго въ родѣ, считали русскую землю своею дѣдиною и отчиною, которою всѣ они пользовались; великій князь былъ князь - государь (государь) рода, народа, государства. Родовые счета являются тоже въ *мѣстнической* восточной Руси, гдѣ, въ спорахъ изъ-за первенства знатнаго рода, членъ рода оберегалъ не только свою честь, но и честь всего рода, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, на нѣсколько колѣнъ. Родъ — понимая это слово въ болѣе или менѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ нераздѣльныхъ, недѣльныхъ братьевъ, или какъ союзъ болѣе далекихъ родственниковъ—могъ оставаться жить сообща, недѣльно, нераздѣльно, въ одномъ хлѣбѣ (вѣтшій братъ съ меньшимъ въ Псковѣ), сообща хлѣбить (дрчеш.), какъ общіе хлѣбоѣдцы (дрполь.); но родъ могъ и раздѣлить свою отчину, дѣдину, и его члены могли получить части, дѣлы, удѣлы.

Разныя названія рода, его земли, его начальниковъ, со временемъ перешли тоже на новыя областныя, общинныя, административныя, государственныя, даже церковныя формаціи, такъ что одно названіе употреблялось въ одно и тоже самое время въ нѣсколькихъ значеніяхъ. — *Родъ* и *племя* означаютъ тоже самое, т. е. совокупность родственниковъ, родичей, сродниковъ, ближнихъ, ближшихъ, пріятелей, племянниковъ, потомство; но вмѣстѣ съ тѣмъ родъ и племя означаютъ и народъ (родомъ Сербинъ, отъ рода русскаго, племя сербское, племя чешское, дѣдичемъ котораго св. Вячеславъ), и часть народа (племена въ Герцеговинѣ и Черной Горѣ, племена русскія: Поляне, Кривичи, Словѣне, племена ляхскія: Поляне, Мазовшане, Хорваты, племена чешскія: Чехи, Лучане, Дудлебы); родъ и племя можетъ быть подраздѣленіе пле-

мени и рода, родъ — простая семья, родина, племя — потомство (племя св. Симеона т. е. сербскіе Неманичи, и его роды т. е. линіи, русскій княжій или княжескій родъ Рюриковичей и его племена — линіи, племя Ростиславле, племя Володимере); древнехорват. и древнесербскія племена или роды, братства, врви (Кашичане, Полетчици, Храничи) и ихъ волѣна, куѣи, хижи, хотя это послѣднее иногда означало то что племя, родъ (племя Неблюшское состояло изъ 4 волѣнъ и 22 семействъ, племя Сандала Хранича и его 4 куѣи, братство и племя Сандала, племя Тугомеричи и хижа Тугомеричи, хижа Франкапаны); древнепольскіе роды, поколѣнія (Юноши, Любичи) называются тоже племена. — *Челядь*, семья и родъ (срв. санскрит. kula — familia, genus, и слав. собирательное — адъ), югослав. задруга; по этому отецъ челядный (дрполь. oscies czeladny — pater familias), начальникъ челяди семьи или болѣе обширнаго семейнаго союза, рода; дальше челядь значить тоже прислугу, вооруженную, подданныхъ, рабовъ (челядинъ, челядинь). Срв. словѣн. сѣмим (семья) — домочадцы, рабы (сѣминъ-домочадецъ, рабъ), литов. szeimina, veimina — домочадцы, прислуга. — *Плѣкъ*, народъ (югослав. плѣкъ, поле, плѣк, пук, ср. латин. vulgus, нѣм. volk), вооруженное войско, полкъ, родъ (дрчеш. плукъ Вршовцов т. е. родъ В.); ср. серб. войно — мужъ, войска — люди въ задругѣ и войско. — *Врѣвъ*, веревка, вообще связь, союзъ, родъ (дрхорв. врв) и община (дррус. вервь). — *Жупа*, слово темнаго происхожденія, извѣстное только Славянамъ южнымъ и западнымъ въ разныхъ значеніяхъ: люди въ задругѣ (серб.), родъ - племя (дрхор.), земля на солнечной сторонѣ (серб., срв. словен. жупник, жупняк — пастбище), сходка общины (у Словенцевъ), извѣстный округъ, область (въ древней Сербіи и Хорватіи, нын. хорват. жупанія, управляемая жупаномъ, а хорв. жупа — приходъ, управляемый жупникомъ, приходскимъ священникомъ), повинность и должность, судъ (дрполь. и дрчеш.): всѣ эти значенія слова жупа можно подвести подъ понятія: родня (срв. нѣм. sibja, sippe — родня, союзъ, миръ, sibjon — примириться) и ея область, вообще извѣстной союзъ и его область, обязанности къ разнымъ повинностямъ. (Срв. санскр. gur — custodire, tueri, servare). Нынѣшнее польское жупа — соляная копъ,

(supra salis, въ Величѣ и Бохнѣ, и управляющіе жупами — жупники, supragii) по всей вѣроятности другаго происхожденія; срв. греч. ὑπὸν, яма, пещера.

Начальники такихъ родовъ, племенъ, челядей, жупъ и пр., назывались разнообразно. Начальникъ назывался *дѣдъ*, *отецъ*, *башта* (*баця*, *баѣа*, *бача*, *баца*), хотя онъ могъ быть и не роднымъ дѣдомъ и отцомъ; по этому оба слова могли означать вообще начальника. Дѣдъ былъ въ древней Хорватіи одинъ изъ придворныхъ сановниковъ, въ Боснѣ и Болгаріи епископъ патаренскій. Батя у древнихъ Чеховъ и у нын. Болгаръ—старшій въ отношеніи младшаго (болг. башта — отецъ). Бача или баца у карпатскихъ Славянъ—начальникъ пастуховъ.—*Господарь*, *исподинъ*, *испода*, начальникъ рода и семьи (generis pater, gā — родить, pātar — защитникъ), хозяинъ, у всѣхъ Славянъ. Господарь — въ древней Моравѣ старшій братъ, стоявшій во главѣ нераздѣльныхъ братьевъ (не-господарей), тоже сановникъ земскій. Господарь (государь), общій титулъ славянскихъ государей; тоже самое означаетъ господинъ и господа (чеш., въ Псковѣ судъ, а господинъ Псковъ—община, государство). — *Кметъ*, *кѣметъ* (корень кѣм —, литов. kemas, греч. κῆμη— село), сельскій хозяинъ, поселянинъ (у запад. и у южныхъ Славянъ, литов. kumetis, греч. κῆμῆτης), начальникъ села (серб. и болгар.), мировой посредникъ, судья (черногор.); кмети, наивысшіе земскіе сановники у Чеховъ (то что моравскіе паны господа), Поляковъ, Хорватовъ и западныхъ Сербовъ; воины, витязи (у Болгаръ и Русскихъ). — *Старшина*, *старшина*, *староста*, родоначальникъ, обыкновенно старшій въ родѣ, вообще начальникъ; староста—начальникъ села у Ляховъ и у Русскихъ, у послѣднихъ тоже начальники горожанъ и волощанъ (волостей), судьи; староста — у Чеховъ намѣстникъ государя, также у Поляковъ, у послѣднихъ и судья. — *Владарь*, лицо владѣющее, имѣющее власть, извѣстный сановникъ и чиновникъ (чеш., поль. влодарь, срв. русское имя Володарь). Владарь, у Чеховъ начальникъ знатныхъ родовъ. Также самое означало вѣроятно первоначально и слово *владыка*, въ послѣдствіи вообще государь (владыка чешскій, сербскій), духовный начальникъ (епископъ у православныхъ Славянъ); владыка у Чеховъ и Поляковъ (влодыка)—низшій шляхтичъ, у Сер-

бовъ и у далматскихъ Хорватовъ—женщина знатнаго рода. — *Кѣназъ* (кѣнагыни), *кѣназъ* (князь, влез, kněz, knjaz, ksiądz вмѣсто kniędz), слово принятое Славянами отъ Нѣмцевъ (kuning — könig, отъ kunja, kupi — родъ), вообще начальникъ, рода, общины — села, области (власти, вnezeины, вnezeи, серб. и хорват.), народа и государства; у западныхъ Славянъ знатный человѣкъ, панъ, землянинъ (у балт. и полаб. Славянъ), и духовное лицо (чеш. и поль.). Князь былъ *войвода* (у Чеховъ и балт. Славянъ); у Сербовъ, подлѣ кнезовъ, были тоже войводы во главѣ племенъ, кнежинъ. — *Жупанъ*, начальникъ жупы, рода (срв. литов. župūn, župone — mater familias), или племени (= дрхорв. жупа, жупан судац племенски), начальникъ — судья, села, общины (у Словенцевъ, у древнихъ Хорватовъ, полабскихъ Сербовъ, и вѣроятно тоже у Поляковъ), членъ низшаго суда — жупы (дрполь. жупанъ, жупца, жупарь, supragius); жупанъ вообще начальникъ, сановникъ (срв. волошское жупън — господинъ, жупънѣсь — госпожа, угор. ишпан, шпан — начальникъ, смотритель), начальникъ народа, государь (великій жупанъ сербскій); жупаны — наивысшіе сановники земскіе, особенно начальники жупъ, жупаній (хорв. и серб., угор. ишпаны), высшая шляхта (у западныхъ Славянъ). Хорват. жупникъ — приходскій священникъ, поль. жупникъ — начальникъ соляной жупы.

Семья (дррус. родъ) и родъ-племя разрослись и могли со временемъ образовать болѣе обширную единицу — племя во смыслѣ подраздѣленія народа. Такъ на пр. названіе чешскаго племени Лютомѣричи несомнѣнно ведетъ къ родоначальнику Лютомѣру; а въ области этихъ Лютомѣричей въ XIII—XIV вв. находилось ок. 20 селеній съ родовымъ окончаніемъ — ичи (Житеничи, Требеничи, Мирошовичи и проч.). Названіе русскаго племени Радимичи указываетъ на родоначальника Радима, о которомъ сохранилось на Руси преданіе еще въ XII в., когда земля Радимичей составляла часть черниговскаго княжества. Племя въ Черной Горѣ Бѣлопавличи гордится своимъ родоначальникомъ Бѣлымъ Павломъ, хотя само „племя“ означаетъ нынѣ только область черногорскую, жители которой—въ ихъ числѣ нѣсколько тысячъ воиновъ — давно уже не могутъ быть другъ другу родня.

Родовая связь чувствуется только въ братствахъ (подраздѣленіе племени); члены братства носятъ названіе этого братства вмѣстѣ съ названіемъ своего болѣе тѣснаго рода — кући, задруги, на пр. Ковачевѣи (братство) Янковѣи (кућа), Ковачевѣи Милутиновѣи. Черногорскія братства соотвѣтствуютъ древнехорватскимъ племенамъ, которые тоже раздѣлялись на колѣна, кући.

Женщины входили въ чужой родъ добровольно, и инны привязывались къ своимъ мужьямъ до такой степени, что, послѣ ихъ смерти, предавались добровольно смерти на острѣ, какъ это случалось иногда у западныхъ и южныхъ Славянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи (въ VI—VIII вв.); но инны жены гибли и по неволѣ, какъ это было у Русскихъ въ X вѣкѣ. Съ начала давалась за жену купная цѣна, подарокъ, *вѣно* (вѣнить, вѣновать — дарить); такъ на пр. польскій князь Казиміръ женился на сестрѣ русскаго князя Ярославъ (1043), „вдасть за вѣно“ 800 плѣнниковъ. Но родъ, семья, родители невѣсты тоже сами вдавали, придавали такое приданое вѣно за женой, съ начала только имущество движимое (поль. *posui* — приданое, вѣроятно отъ корня сажъ — крыть, одежда, платье, а *вѣно* — подарокъ мужа молодой женѣ), потомъ тоже недвижимое, дѣдины, отчины. Но въ виду сохраненія дѣдинъ въ цѣлости за родомъ, приданое недвижимымъ имуществомъ не всегда разрѣшалось. Такъ еще въ XIV в. по польскому праву приданое (*dos seu donatio* — *posag alibo danina*) давалось деньгами, опредѣленными въ присутствіи родственниковъ, между тѣмъ какъ дѣдины могли идти въ приданое только съ разрѣшенія короля. По древнесерб. закону XIV в. отроки (рабы) не могли быть даваемы въ приданое, и въ нынѣшней Черной Горѣ невѣста получаетъ въ приданое, только движимое имущество. Кромѣ добровольнаго вступленія женщинъ въ чужой родъ онѣ бывали тоже похищаемы, что случалось тѣмъ чаще, пока у Славянъ было многоженство. Такъ восточные Славяне „умыкали“ себѣ женъ; у Хорватовъ (полицевъ) *умицанье*, у Сербовъ и Болгаръ *отмица* женщинъ существовала до недавна, хотя она строго запрещалась. На этотъ старинный славянскій обычай, равнымъ образомъ какъ и на куплю невѣсты, указываетъ до сихъ поръ много свадебныхъ обрядовъ

Похищеніе женщины членомъ чужаго рода, равнымъ образомъ и другія обиды, убійства и пр.—давали, во время не установившейся еще сильной княжеской власти, поводъ къ безконечнымъ ссорамъ и войнамъ родовъ (семей или родовъ въ обширномъ смыслѣ). То, что русскій лѣтописецъ рассказываетъ о восточныхъ Славянахъ, что до основанія государства „небѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся“—повторялось повсюду у Славянъ. Роды и семьи жили часто не въ дружбѣ, были другъ другу врагами (врогами, ворогами), жили въ непріязни, въ недружбѣ, въ *враждѣ* (общеслав., поль. *врожда*) *вражбѣ* (тоже хорват. и поль. *врожбѣ*), совершались наѣзды (срв. чеш. и поль. *zástie*, *zaście*, *zajście*—столкновеніе, ссора, ненависть, а дрчеш. *zástie*, тоже родовая война, поль. *walka*, нѣм. *fehde*) и убійства (*вражды*, *врожды*, *врожбы*, у южныхъ и у западныхъ Славянъ). Еще хорошо, если только убійцу убивали ближніе (т. е. родственники) убитаго. Но этимъ не прекращались враждебныя дѣйствія; убійство вело къ мести родовой, кровавой (крв—югослав. убійство), къ *враждѣ* (югослав.), *врождѣ*, *врожбѣ* (поль., *pomsta krwie* по польски *wroźba* еще въ XV в.), къ обязанности рода или семьи мстить за убіеніе и др. своего члена на чужомъ родѣ или семьѣ. Такая месть дозволялась даже законнымъ образомъ, какъ на пр. на Руси въ началѣ XI вѣка, гдѣ (по Русской Правдѣ) смѣли мстить ближайшіе родственники, братья, отецъ, сынъ, племянники. Убійство или оскорбленіе, нанесенное роду, надо было смыть въ крови. Родовая месть доходила иногда до ужасныхъ размѣровъ: русская княгиня Ольга страшно отомстила Девлянамъ за убіеніе своего мужа Игоря, ободричскій князь Годескалькъ во имя мести за убіеніе отца истреблялъ Саксовъ безпощадно, чешскій князь Святополькъ отомстилъ роду Вршовичей повальнымъ избіеніемъ ихъ „полка“ (т. е. рода), считавшаго тогда, въ началѣ XII в., около 3000 членовъ. Кровавая месть—освета истребляла до недавна въ Черной Горѣ и въ другихъ сербскихъ земляхъ въ Турціи много людей, и еще въ половинѣ нашего вѣка постановило черногорское право, что можно убить только крвника (убійцу), но не его родственниковъ (брата, близ-

яку, својту). Въ виду этихъ печальныхъ событій уже рано является стремленіе, законодательнымъ путемъ прекратить такой самосудъ, и требовать за убійство денежную пеню. „Отложить убіеніе за голову по кунамъ ся выкупати“, постановлено уже въ концѣ XI в. на Руси (срв. моравское названіе такой денежной пени „одеклад главы“, еще въ XVI в.), и подобныя тому постановленія являются все чаще и въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. Такая денежная пеня, платимая съ начала родомъ виновнаго пострадавшему роду (племени, ближнимъ, ближшимъ), называлась тоже *вражда* или *вражба* (югослав.), *вросжда* или *вросжба* (поль.), и иначе (глава, крварина, крвнина и пр.); она распространилась со временемъ и на общины, составляя одинъ изъ доходовъ казны. Но кромѣ денежной вражды убійца долженъ былъ еще отдать себя на милость пострадавшему роду, „покориться“ съ извѣстными обрядами, что у Чеховъ и у Поляковъ называлось *попора* (еще въ XVI в.). Подобное повореніе крвника передъ осветникомъ и примиреніе мести (умиръ освете) было въ Черной Горѣ въ употребленіи еще недавно.

Въ родовыхъ названіяхъ сохранилось множество именъ, которыя отличаются разнообразіемъ, встрѣчаются у всѣхъ Славянъ, и показываютъ родство и единство Славянъ часто поразительнымъ образомъ. Во многихъ именахъ видно желаніе сблизиться съ богомъ: Божей, Божена, Богуславъ, Богданъ; сохранилось нѣсколько именъ, имѣющихъ связь съ древними дохристианскими божествами: Свойбогъ, Свѣтѣбогъ, Дадзибогъ, Бѣлбогъ, Модлибогъ, Хвалибогъ, Мстибогъ, Хръсъ, Перунъ; имена по качествамъ, животнымъ и пр.: Малъ, Всегрѣдъ, Людмила, Военъ, Ратъ (поль. *Raciadz*), Чернинъ, Кій, Волоть, Сватъ (т. е. сильный), Гримала, Жбръ, Туръ, Вепрь, Влькъ, Кравъ (вашуб. воронъ, поль. *крукъ*), Врѣбата (*Vrbata, Wierzbęta*), Кленъ, Дунай, Днѣпръ, много именъ сложныхъ:—*слава* (т. е. слово), *миръ* (и новое *міръ*), *влада*, *полкъ*, *ратъ*, *бой*, *вой*, *боръ*, *юсть* и пр., Болеславъ и Славомиръ, Всевадъ (Всеволодъ) и Владиславъ, Збигнѣвъ и Гнѣвомиръ, Святополкъ, Начерать, Боривой, Ратиборъ, Войславъ, Доброгость, и др. Выходцы изъ чужихъ краевъ (ср. чеш. *Цузкарай*) или домородцы, бывавшіе въ чужихъ стра-

нахъ, назывались по тѣмъ народамъ: Русинъ, Чехъ и Чешко, Ляхъ и Ляшко, Сторорко, Угринъ, Влахъ, Варягъ, и пр. Въ нѣкоторыхъ родахъ, княжескихъ и знатныхъ, извѣстныя имена сдѣлались какъ-бы наслѣдственными, на пр. въ княжескомъ родѣ русскомъ Володимеръ (Владимиръ), Святославъ, въ польскомъ Болеславъ, Казимиръ, въ чешскомъ Вячеславъ, Вратиславъ, въ балтійско-славянскихъ Прибыславъ, Богуславъ, въ хорватскомъ Крѣсмиръ, въ сербскомъ Урошъ. Нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись исключительно въ томъ или другомъ княжескомъ родѣ, Ярославъ, Мстиславъ, Всеволодъ въ русскомъ, Мѣшко, Лестѣо, Казимиръ въ польскомъ, Боривой, Собѣславъ, Спытигнѣвъ въ чешскомъ, Урошъ, Драгутинъ, Милютинъ въ сербскомъ, Крѣсмиръ въ хорватскомъ; но есть русскіе и югославянскіе Владиміры и Борисы, русскіе и чешскіе Ростиславы, Брячиславы, Вячеславы, чешскіе и польскіе Болеславы, чешскіе и польскіе Болеславы, Премыслы, Владиславы, чешскіе и ранскіе Яромиры, чешскіе, польскіе и русскіе Святополеи и пр. Имена, употребляемыя въ княжескихъ родахъ Рюриковичей, Пястовичей, Премисловичей и др., встрѣчаются въ другихъ частныхъ родахъ рѣдко. Также и въ знатныхъ родахъ были въ употребленіи извѣстныя имена, по которымъ эти роды и назывались; у западныхъ Славянъ были Ратиборичи, Цѣтиславичи, Тѣшимиричи, Витековичи, Гроновичи, Чеславичи, у южныхъ Чудомиричи, Санковичи, Бранковичи, у восточныхъ Тышевичи, Ходковичи, Глѣбовичи; другіе роды приняли простое имя или прозвище какъ родовое названіе, на примѣръ Чернинъ, Завиша, Гримала, Начемиръ, Святополеъ, Гарабурда, Кисель, Голица, Долгорукій, Щербатый, и др. Въ послѣдствіи, съ XIII—XIV вв. и позже, многіе знатные роды стали называться по имѣніямъ, городамъ, замкамъ, селеніямъ, Острожскій (изъ Острога), Градецкій (изъ Градца), Конечпольскій (изъ Конечполя), Зриньскій (изъ Зриня), и др. Со временемъ являются постоянныя названія (фамиліи), принимаемыя по происхожденію, именамъ, занятіямъ, качествамъ, прозвищамъ и пр. Славяне прибавляли къ своимъ именамъ тоже имя отца, отчество, какъ это водится до сихъ поръ у русскихъ Славянъ; этотъ обычай сохранился у западныхъ

Славянъ до XIII в., даже въ латинскихъ памятникахъ: Vartislans Svantoboric, Vencslaus Sulislavi, Martinus Poznanovic, Milhost Milhostic, и пр.

Послѣ введенія христіанства стали между Славянами водворяться разныя имена христіанскаго календаря, греческія, латинскія, жидовскія, нѣмецкія, и др., хотя съ начала это шло довольно туго; до XIV—XV вв. славянскія имена преобладаютъ, да и позже не выходятъ изъ употребленія, не говоря уже о тѣхъ немногихъ славянскихъ именахъ, вошедшихъ въ христіанскій календарь: Вячеславъ, Войтѣхъ, Людмила, Казимиръ, Станиславъ, Владимиръ, Ольга, Борисъ, Петка, или приуроченныхъ къ новымъ, Богданъ—Феодоръ, Богумилъ—Феофилъ, Дадзибогъ—Феодатъ. Больше сохранились славянскія имена у южныхъ Славянъ, у которыхъ до сихъ поръ употребляются, Свѣтозаръ, Драгутинъ, Милутинъ, Милошъ. Стоянъ, Вукъ, Милена, Зорка, Перуника, и др. Славяне прибавляли тоже къ своему славянскому имени другое изъ христіанскаго календаря, греческое, латинское, нѣмецкое и др., при самомъ крещеніи или позже. Лица духовнаго званія часто отказывались отъ своего славянскаго имени и принимали другое христіанское (*ablato nomine barbaго Zdik appellatur Henricus*, говорится объ одномъ моравскомъ епископѣ XII в.); на пр. чешскіе Славниковичи епископы Войтѣхъ—Адальбертъ, Радимъ—Гаудентій, чешскіе Премысловичи епископы Яромиръ—Гебгардъ, Сватоборъ—Фридрихъ, Брячиславъ—Генрихъ; но были и славянскіе епископы и другіе церковные сановники Будиловъ, Ярославъ, Прждота, и пр. Въ княжескихъ родахъ славянскихъ эта двойственность встрѣчается довольно рано, на пр. чеш. Премысль—Отакаръ (Оттокаръ), Сзатава—Людгарда, поль. Безпремъ—Отто, Владиславъ—Германъ, хорв. Крѣсмиръ—Петръ, Званимиръ—Димитрій, серб. Бодинъ—Константинъ. Неманя—Стефанъ, Милутинъ—Стефанъ, Тврдо—Стефанъ, болг. Асѣнь—Іоаннъ, Святославъ—Феодоръ. У русскихъ князей славянское имя называется прямо княжимъ, и давалось при крещеніи вмѣстѣ съ другимъ: Ярославъ—Юрій, Святославъ—Михаилъ, Святославъ—Панкратій, Ростиславъ—Михаилъ, Марія—Доброгнѣва, Збислава—Пелагея; тоже Остромиръ—

Іосифъ (новгородскій посадникъ), и пр. Таеъ это было и въ родѣ литовскихъ Гедыминовичей, когда они принимали крещеніе, православное и католическое: Наримунтъ—Глѣбъ, Кобыбутъ—Димитрій, Витовтъ—Вигандъ—Александръ, Ягайло—Яковъ—Владиславъ, Швитригайло—Левъ—Болеславъ.

На мальчиѣ, достигшемъ седьмага года своего возраста, совершался торжественный обрядъ, *постриги* или *пострижины* т. е. „унытіе“ (стрижка) волосъ. Этотъ обрядъ соблюдался у Славянъ и послѣ принятія христіанства, и совершался тогда въ церкви въ присутствіи князей, вельможъ, и духовенства. Преданіе о такихъ постригахъ польскихъ Попеловичей, Семовита Пастовича, Мѣшка Семомысловича, сохранилось въ Польшѣ до XIII в., и польскіе лѣтописцы называютъ этотъ обрядъ *tonsura regii, tondere regum*. Въ Чехіи въ началѣ X в. (910) торжественно отпразднованы постриги семилѣтняго княжича Вячеслава, въ Прагѣ въ церкви св. Маріи; его постригли, „унали“ у него волосъ епископъ и князь. Въ русскомъ княжескомъ родѣ постриги (пострѣги) совершались до XIV вѣка; въ церкви епископъ „уя власъ“ у молодаго княжича, и князь или епископъ посадили его на конь или на столъ. Обрядъ постригъ сохранился на Руси вѣроятно и дольше; въ требникахъ XVII вѣка встрѣчаются еще молитвы и обряды „на постриженіе власомъ отротати“.

3. О б щ и н а.

Славянская община состояла изъ нѣсколькихъ родовъ, какъ это встрѣчается до сихъ поръ у южныхъ Славянъ, или изъ простыхъ семей, какъ это водится у остальныхъ Славянъ. Община жила въ одномъ селеніи, въ хатахъ, скученныхъ или болѣе и менѣе разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, какъ это бываетъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Но община заключала въ себѣ и по нѣскольку сель, какъ это встрѣчается до сихъ поръ въ сѣверной Руси, и какъ это было и у другихъ Славянъ. Такая обширная община, состоящая изъ нѣсколькихъ

селеній и даже городовъ, составляла основу общественнаго быта Славянъ; это могъ быть разросшійся родъ или союзъ людей другъ другу чужихъ, который имѣлъ въ виду преимущественно безопасность и защиту общинниковъ. Наконецъ были многочисленныя общины въ городахъ. Такое общежитіе людей въ общинахъ требовало разныхъ повинностей со стороны общинъ, каковы были круговая порука за совершившіяся въ округѣ общины преступленія, обязанность преслѣдовать (гнать, гонить) преступниковъ, судить ихъ на вѣчѣ, вѣдать дѣла межевыя, и пр. Когда же со временемъ образовалось государство, усилилась власть князя соединившаго нѣсколько племенъ въ одно политическое цѣлое, общины должны были уступить значительную долю своей власти новому государству; но старинное ихъ устройство служило и впредь важнымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ по административной и судебной, финансовой и военной дѣятельности князя и его чиновниковъ, все равно, была ли это обширная община состоявшая изъ многихъ селеній, или община—*село, весь, осада*, или община—*городъ*. Между жителями общинъ сельскихъ и городскихъ, между *селянами* и *городжанами* (гражданами, грађанами, гразанами, гродзянами), не было, по славянскому праву, никакой юридической разницы; всѣ они были подчинены одному общему праву земскому.

Разнообразны названія славянской общины и ея области и начальниковъ; нѣкоторыя взяты изъ родоваго быта. *Обецъ* (западослав., навѣрное и польское, срв. *obespu, wobes*), *обштина*, *обѣина* (юж.), *община*, *обчина* (восточ.)—это союзъ людей живущихъ сообща, „вобецъ“ (западослав.), „вобче“ (русск.), со-вѣщающихся на вѣчѣ, составляющихъ округъ—повѣтъ. Община можетъ быть сельская (одно или нѣсколько селъ), городская, земская, государственная: *обецъ чешскаго королевства*—вся земля чешская, *обѣина полицкая*—вся земля (жу-па) полицкая, новгородская община—вся земля новгородская, *весь господинъ* (государь) Великій Новгородъ, *псковская община*—вся земля псковская, *господинъ Псковъ*. Въ Новгородѣ и въ Псковѣ концы (части города) составляли тоже особыя общины, а въ Псковѣ эти концы-общины имѣли извѣстное отношеніе къ землѣ; еще въ

XV в. „весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу въ старымъ пригородомъ новые жеребьемъ дѣлили“. Первоначально, особенно въ болѣе отдаленныя времена пастушескаго быта, всѣ земли общины были общи, были *общины*, *общины*, *обще*, какъ Славяне называютъ до сихъ поръ общія пастбища (древнерусск. *общія поскотины*); такія общины были и лѣса, первоначально и поля, которыя въ Великой Руси до сихъ поръ составляютъ общее имѣніе общинъ, составляютъ ихъ *общины*, *общити*. Пахатная земля выдѣлялась потомъ изъ общиннаго владѣнія, составляла частное имущество рода (племени) или семьи, его племенщину, дѣдину, отчину. Кажется, что и древнесерб. *жупа* первоначально означала такія земли-общины (ср. нын. серб. жупа—тегга аргиса, и словен. жупняк, жупник, жуница=лугъ, сѣножать, пастбище); у Словенцевъ жупа означаетъ сходку общины (жупан — начальникъ общины, сельскій староста), между тѣмъ областное серб. жупа—люди задруги. Другія названія общины указываютъ на ея терриціальное, судебное и др. значеніе. Древнерусск. *вервь* (первоначально связь вообще, веревка)—союзъ селеній, община, обязанная въ круговой поруцѣ, а дрхорват. *врв*—задруга; русск. *волость* (*власть*)—область (об-власть), округъ владѣнія; русск. *поюсть*—область, обязанная угощать разѣзжающаго князя и его служню; южно-русск. *околица*, *околичныя села*, *сусѣдство*, серб. *околина*, *окольныя села*, польск. *ополе* (латин. *vicinia*, т. е. сосѣдство), указываютъ на составъ общины. Община составляла свой миръ (*mundus*); ея члены должны были жить въ мирѣ (*рах*) „въ своемъ миру“, какъ выражается Русская Правда; великорусскій *мир*—община, мирская земля—общинная земля. Слово миръ—община извѣстно было и другимъ Славянамъ; срв. округъ Виномиръ (*Weinland*) у Словенцевъ, и древнечешск. и древнеполь. подать *миръ* (*tributum pacis*), взимаемая съ земли, какъ бы дррусск. дань „мира для“. Ср. нѣм. *friede*, *infriedigung*, *eingefriedigter bezirk*. Въ виду повинности общины, преслѣдовать, „гонить“ злодѣевъ, община у Славянъ называлась *гонитва* или *гонитба*, что означаетъ въ чешскомъ языкѣ XIV в. уже извѣстную область, а въ польскомъ XV в. общину (*in gonitwam alias in commune*). Въ ви-

Славяне, ихъ взаим. отношенія.

ду обязанности общины, „губить“ злодѣевъ, она называлась въ сѣверной Руси *иуба*, вообще волость (въ Новгородѣ и Псковѣ), а въ особенности округъ уголовного суда; губскій (губный) староста вообще волостный староста, потому судья въ уголовныхъ дѣлахъ.

Начальникъ общины назывался у западныхъ и восточныхъ Славянъ *староста*; такъ онъ называется у русскихъ Славянъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ Поляки и Чехи, послѣ введенія нѣмецкаго права, называли такого начальника по нѣмецки *войтъ*, *солтысъ* и *рыхтарь*; но у послѣднихъ остатковъ полабскихъ Славянъ (на нижней Лабѣ) сохранилось это названіе староста, въ смыслѣ начальника села, до XVIII вѣка. Старостами назывались въ Польшѣ и у лужицкихъ Сербовъ тоже начальники общинъ бортниковъ; на Руси были старосты городскіе, волостные и сельскіе, начальники общинъ городскихъ, волостныхъ, сельскихъ, старосты разныхъ промышленныхъ общинъ, купцовъ, ремесленниковъ, рыболововъ и др. Словенцы называютъ сельскаго старосту до сихъ поръ *жупан*; такъ его называли тоже Хорваты до недавна, и полабскіе Сербы (еще въ XIV в.); у Поляковъ *жупан* — вообще судья, именно низшій, былъ, кажется, начальникъ ополя, обширной общины, а староста — начальникъ села, вси на польскомъ правѣ. У Сербовъ и Болгаръ сельскій староста называется обыкновенно *кмет*, и такъ его называли тоже Чехи еще въ XIII—XIV вв. Сербы называли сельскаго старосту тоже *кнез*; и это названіе было вообще очень распространено между Славянами въ южной и восточной Угріи; и Румыны въ Угріи, Семиградѣ и Валахіи приняли его (*kepéz*). Также у карпатскихъ Русскихъ сельскій староста назывался *князь*, именно въ селахъ на такъ назыв. правѣ волошскомъ. Другіе южные Русскіе стали съ XIV в. называть сельскаго старосту *ватаманомъ*; это чужое слово (нѣмецкаго или татарскаго происхожденія) приняли позже казаки: ватаманъ-атаманъ, начальникъ войска и его частей; ватаманы извѣстны (съ начала XIV в.) тоже въ сѣверной Руси, означая здѣсь начальниковъ вообще (въ Вятѣ въ XV вѣѣ), начальниковъ морскихъ ватагъ (компаній), капитановъ. Между карпатскими Русскими

сельскіе старосты назывались кое-гдѣ и *крайники*, управлявшіе крайною; такіе крайники, стоявшіе выше князей, были тоже между Румунами.

Старосты, народомъ выбираемые начальники общинъ (сельскихъ, волостныхъ, городскихъ), управляли общиною, вѣдали судъ и полицію, взимали подати и другія повинности, и пр. Эти обязанности сохранились за старостами и въ послѣдствіи, когда государство сдѣлалось верховною властью общинъ и потребовало отъ нихъ разныхъ повинностей. Старосты являются важными лицами особенно въ сѣверовосточной Руси, гдѣ община сохраняла свой старинный славянскій характеръ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ славянскихъ странахъ. Жители „тянули“ къ старостѣ, т. е. отправляли свои повинности при посредствѣ старосты. Старосты общинъ городскихъ и волостныхъ взимали подати и вручали княжескимъ чиновникамъ, помогали имъ въ преслѣдованіи преступниковъ, а княжескіе судьи (намѣстники и волостели) не могли даже суда судить безъ старосты и выбираемыхъ лучшихъ людей; въ XVI в. народомъ выбираемые *излюбленные старосты*, сами или вмѣстѣ съ выбираемыми губными старостами, вѣдали и уголовный судъ. У старостъ были помощники, *сотскіе* или *сотники*, *пятидесятскіе* или *пятидесятники*, и *десятскіе* или *десятники*, тоже народомъ выбираемые начальники финансовыя, судебныя, полицейскіе; сотскіе и десятскіе сохранились, какъ органы низшей полиціи, въ русскихъ деревняхъ до сихъ поръ. Эти сотскіе и десятскіе—остатокъ стариннаго дѣленія народонаселенія на *тысячи*, *сотни (ста)* и *десятки*, единицы военныя, административныя, финансовыя и судебныя, управляемыя выбираемыми начальниками, *тысячскими*, *сотскими*, *десятскими*; встрѣчаются тоже *пятидесятскіе*. Такая десятичная система народнаго управленія сохранилась особенно на Руси, меньше у остальныхъ Славянъ. Тысячи встрѣчаются только въ многочисленныхъ городскихъ общинахъ, и такую „тысячею“ управлялъ военный и гражданскій ея начальникъ, *тысячскій* или, какъ онъ тоже назывался, *воевода*. Въ Новгородѣ существовалъ *тысячскій* (по нѣмецки *herzog*) до самаго конца независимости этой общины, подлѣ посадника,

между тѣмъ какъ въ Москвѣ онъ исчезаетъ уже въ XIV в.; въ южной Руси еще въ XV в. являются войводы какъ помощники на-мѣстниковъ-старость. Тысяча раздѣлялась на *ста* или *сотни*, которыми управляли *сотскіе* или *сотники*, въ городахъ и волостяхъ, и дальше *пятидесятскіе* и *десятскіе*, всѣ помощники старость; псковскіе сотскіе называются прямо судьи. Ко всѣмъ этимъ „старѣйшинамъ городскимъ“, въ старостамъ, тысящамъ, сотскимъ и десятскимъ „тянули“ общинники. Въ городской общинѣ было нѣсколько сотенъ (на пр. въ Новгородѣ десять); также волость раздѣлялась на сотни. На сотни дѣлились тоже купцы, и наконецъ казаки. Въ югозападной Руси, въ которой польско-нѣмецкіе порядки вытѣснили древнерусскіе, отъ десятичной системы сохранились незначительные слѣды; такъ на пр. въ XV в. въ Червонной Руси по городамъ встрѣчаются еще сотскіе, а по селамъ сотные люди, въ поднѣпровскихъ волостяхъ Бѣлой Руси въ XVI в.—старцы и десятники, въ городѣ Могилевѣ еще въ XVII в.—сотни, податныя единицы, управляемыя сотниками. На сотни дѣлились и дѣлятся поля казацкихъ войскъ.

У другихъ Славянъ отъ десятичной системы осталось немного. Въ Хорватіи *сатники* въ городскихъ общинахъ, выбираемые народомъ, были посредниками между княземъ или его на-мѣстникомъ и народомъ, судили вмѣстѣ съ княжескимъ на-мѣстникомъ, взимали подати, вѣдали полицію, и были вообще представителями народа—зметей, на пр. въ спорахъ о границахъ, межахъ. Такіе сатники были тоже въ сельскихъ общинахъ. Существованіе сатниковъ въ Хорватіи предполагаетъ дѣленіе общинъ на сотни, хотя такого дѣленія ближе не знаемъ; извѣстно только, что хорватская община Каставъ въ Истріи раздѣлялась на 12 десятковъ, управляемыхъ выборными старѣйшинами. Сатники были тоже въ приморскихъ городахъ Сербіи; кромѣ того упоминаются въ Сербіи XII—XIV вв. тысушъники, сътъники, петидесетъники и десетъники какъ военные начальники. Такіе военные начальники извѣстны и въ Чехіи (*setníci, padesátníci*) и въ Польшѣ (*chiliarchae, centuriones, quinquagenarii, decani*). Въ Польшѣ кромѣ того еще въ XIII в. встрѣчаются сотники (*centuriones*) какъ начальники поселянъ, сельскихъ сотенъ; въ

числѣ сотенъ упоминается ближе неизвѣстное пестрое сто (*varium centum, pstre sto*) подъ своимъ сотникомъ. Въ Угріи въ XIII в. встрѣчаются тоже сотники дворниковъ (*centuriones udvornicorum*), поселянъ обязанныхъ къ службамъ двору—граду, а въ восточной Угріи войводы—сотники—судьи (*vaivodae-centuriones-judices*), военные и гражданскіе начальники сельскаго населенія (тогда уже Волоховъ, но прежде и Словѣнь) около градовъ. Съ этой десятичной системой связанъ вѣроятно обычай Поморянъ XII в., что на войну отправлялся десятый обыватель, а остальные девять доставляли ему оружіе и кормили его семью. Въ Псковѣ, гдѣ военная повинность отбывалась посменно, брался съ десяти сохъ человекъ конный. Въ Новгородѣ въ XV в. извѣстная временная дань въ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ бралась во всѣхъ волостяхъ съ десяти человекъ по рублю.

Сходы общинъ назывались у Славянъ *вѣча*. Такое вѣче было преимущественно собраніемъ законодательнымъ и судебнымъ, на которомъ судили общинные старшины вмѣстѣ съ довѣренными мужами и со всѣмъ народомъ. Таковъ былъ характеръ древнеславянскихъ вѣчъ вообще, которыя потомъ, въ слѣдствіе усиленія княжеской власти, государства, и распространенія чужихъ порядковъ, болѣе или менѣе измѣнились. Еще въ XVI в. въ южной Руси судебная сходка оеолчныхъ селъ называется вѣче, а въ Польшѣ сельскій судъ, хотя уже въ измѣненномъ видѣ, сохранилъ старинное названіе вѣце (*wiece*) до конца XVI вѣка. Съ этимъ стариннымъ вѣчевымъ устройствомъ имѣетъ связь польскій *повѣтъ* (*powiat*), т. е. первоначально округъ такой общины, ополя, вообще, и древне-польское и древне-сербское названіе дома (дррус. схожая изба, у люнебург. Славянъ азаба) для вѣча, для совѣщаній, *вѣтница* (*wietnica*—ратуша въ Польшѣ еще въ XVI в.), *вѣтница* (въ Дубровникѣ).

Древнеславянскія сельскія общины сохранились до позднѣйшихъ временъ особенно въ Польшѣ и на Руси. Польское *ополе*, какъ оно извѣстно въ XII—XV вв., уже при укрѣпившейся княжеской власти, сохранило характеръ такой древнеславянской общины, не смотря на то, что оно перемѣнилось въ вспомогатель-

ное учрежденіе въ рукахъ князя, государства. Ополе состояло изъ нѣсколькихъ селъ, *всей* или *осады* и ихъ „об-полья“, лежащихъ въ сосѣдствѣ (по этому латин. названіе ополя — *vicinia*, а не „за-полье“). Иногда ополе соотвѣтствовало болѣе новой, государственной формациі, городскому округу (*castellania*), иногда нѣсколько ополей составляло такой городскій округъ, управляемый княжескимъ чиновникомъ, *кастеляномъ*. Кажется, что ополе называлось въ древней Польшѣ тоже *жуна*, хотя это слово уже въ XIII в. означало здѣсь только извѣстныя повинности (*beneficium vulgariter supra; zuram, quae stan vulgariter dicitur, in annona aut in argento solvere*); эти повинности означались тоже словомъ ополе (*liberi ab opole*), т. е. дань деньгами и натурой, хлѣбомъ, скотомъ, строемъ, пени и пр., которыя взились съ ополя (срв. древнерусское „погостъ платить“). Еще въ концѣ XIV в. съ одного ополя въ Великой Польшѣ, заключавшаго въ себѣ 41 село, взымалась извѣстная дань. Отъ стариннаго права ополя, судить и рѣшать разныя дѣла, уцѣлѣли въ XIII—XIV вв. только нѣкоторые остатки, и можетъ быть и названіе земскаго низшаго суда, *жуна* (до конца XIV в.). Но ополе и *опольники* имѣли и позже извѣстное участіе въ судебныхъ дѣлахъ, хотя судъ перешелъ уже въ вѣдомство князя, государства. Ополе связано было круговою порукой (*дрполь. гака rospolita*) за преступленія, совершившіяся въ опольномъ округѣ, за убійство или голову (*głowa, mązobojstwo, wroźda*), разбой, кражу, даже за несчастный случай, на пр. утопленія, убіенія падающимъ деревомъ. Чтобъ отыскать преступника (*гловника-убійцу, злодѣя-вора*), ополе должно было „гонить его слѣдъ“—съ тѣмъ срв. названіе *гонитва* — отъ села къ селу, къ другому ополу, а если виновный не отыскался, то ополе должно было заплатить головщину (*głowa, głowszczyzna, вѣроятно тоже wroźda*), пеню за убитаго. Польское законодательство XIV в. устранило эту часто несправедливую круговую поруку, оставляя ее только въ случаѣ воровства. Ополе или выбранные добрые мужи *опольники* присяжные (бывало ихъ 12) опредѣляли спорныя межи. Въ послѣдствіи въ XV в. ополя или, такъ какъ ополя по большей части разрушились, села-осады созывались въ спорахъ о границахъ и бортахъ, кото-

рые они рѣшали подѣ руководствомъ земскихъ судебныхъ чиновниковъ. Наконецъ вмѣсто ополы и осады являются одни *старцы*. Вообще мѣсто древняго ополы заняла осада, община—село или весь. Ополняки или осадники созывались на сходку опольною палкою (*laska opolna*), посылаемой начальникомъ отъ избы въ избы, отъ села въ село. Такимъ образомъ созывались еще до недавна у карпатскихъ горалей села, составляющія одну общину, на „великую громаду“, именно посредствомъ булавы посылаемой отъ избы до избы, отъ села къ селу. Такая палка употреблялась до недавна тоже въ селахъ чешскихъ, лужицко-сербскихъ и люнебургскаго Вендланда. Польское посполитое рушенъе (ополчение) созывалось универсалами (грамотами), привязанными къ палкѣ „вितю“ (*wiś*, свитая веревка) и называемыми по этому вिति (*wici*).

Польскому ополку соотвѣтствуетъ древнерусская *вервь*, община состоящая изъ нѣсколькихъ селеній. Вервь—по Русской Правдѣ—обязана была къ круговой порукѣ; если преступникъ, тать или головникъ, не былъ отысканъ, не смотря на то, что люди „гнали слѣдомъ“, то платила вервь татьбу и виру за совершившееся въ ея округѣ преступленіе. Это общинное устройство сохранилось на Руси до позднѣйшихъ временъ. Въ югозападной, польско-литовской Руси, такія общины существовали до XVII, да отъ части и до XVIII в., не смотря на всѣ важныя перемѣны въ общественномъ строѣ этой части Руси, усиленіе княжеской власти, шляхетскаго сословія, и вообще распространеніе туда порядковъ польскихъ и нѣмецкихъ. Такія общины, *околицы*, состояли изъ нѣсколькихъ *околичныхъ селъ* и даже городовъ, если эти послѣдніе не пользовались нѣмецкимъ правомъ. Можетъ быть, что эти общины тоже самое, что *волости*, на какія раздѣлялись въ XVI в. земли литовской Руси; такими волостями и волощанами управляли *старцы*. Околица связана была круговою порукой; если преступникъ не отысканъ, и околичныя села не очистились отъ подозрѣнія, то платили всѣ жители въ случаѣ убійства головщину, а въ случаѣ воровства—если „гоненіе слѣдомъ“ осталось безуспѣшнымъ—вознагражденіе потерпѣвшему. Это обычное право вошло даже въ литовско-русскіе статуты XVI

вѣка. Общины отправляли сходки, *вѣча*, *копы* (*купы*), на которы собирались коповать самостоятельные хозяева, мужи, мужи господарскіе, сосѣди, сходатаи; между ними пользовались особымъ почетомъ старцы. На такихъ копахъ подъ открытымъ небомъ изслѣдовались и рѣшались дѣла копнымъ судомъ по древнимъ обычаямъ, и позже по статуту, который признавалъ копное право, о разныхъ преступленіяхъ, убійствѣ, воровствѣ, поджогахъ, о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ, и пр.; на копахъ присутствовалъ не только простой народъ, но и горожане и шляхта, если захотѣли, что указываетъ на первоначальную всесословную волюсть. Но равнымъ образомъ, какъ въ слѣдствіе образованія государства и усиленія княжеской власти польское ополе лишилось первоначальной власти, сдѣлалось только вспомогательнымъ учрежденіемъ, такъ и русская община—копа должна была передать свою власть князю и его судьямъ, и боярамъ—шляхтѣ, которые по примѣру польской шляхты приобрѣли право суда надъ своими подданными, и свои суды (земскій, городскій, подеоморскій), и притѣсняли копы, подчиняясь ихъ суду только, когда сами захотѣли. Такимъ образомъ въ XVI в. копы собирались для осмотра, слѣдства, разбирательства дѣла, а собственно судебная власть копъ замѣнена властью присутствующихъ судебныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ шляхтичей, которые могли принять и не принять рѣшеніе копнаго суда. Мѣсто оюлицъ занимаютъ и на Руси простыя общины—села. Долѣе сохранились копы въ сѣверной части кievской земли; тамошняя мелкая *околицкая* шляхта, жившая въ околицахъ, составляла вмѣстѣ съ мужиками и мелкими мѣщанами такіа обширныя общины, и сходилась съ мужиками и мѣщанами на копы до самаго XVIII в., не смотря на то, что тамошніе старосты стремились превратить такое беззаконіе. Въ собственно польской Руси, т. е. Червоной, холмской и подольской, гдѣ польское право рано водворилось, не встрѣчаются уже такіа обширныя общины, а есть общины—села, управляемыя *ватаманами* (села на рускомъ правѣ), или *князьями* (села на волошскомъ правѣ); въ нихъ вмети, *людство*, сходились на *сборы*; *старцы*, *обчіе старцы*, *людники*, рѣшали споры о дѣлахъ межевыхъ и бортныхъ.

Въ сѣверовосточной Руси, которая не подпала ни подъ какое чужое вліяніе, древнеславянская община сохранилась больше и дольше, поддерживаемая самимъ правительствомъ, которое обоеими судебниками и многими грамотами старалось узаконить древнее устройство общины—*волости*; оно предоставляло общинѣ большое самоуправленіе, и выборнымъ ея начальникамъ, старостамъ, сотскимъ и др. значительныя права въ дѣлахъ суда, управленія, раскладки податей, полиціи. Такія *волости* или *моюсты* состояли изъ многихъ мелкихъ селеній (20—60) съ центральнымъ селомъ, погостомъ, гдѣ собирався народъ на сходкахъ, и гдѣ были тоже схожія избы. Общинными землями пользовалась или вся волость сообща, или отдѣльное селеніе. Круговая порука обязывала волость относительно податей и преступленій или даже несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ въ округѣ волости; волощане должны были „гонить слѣдъ“ разбойниковъ, платить за голову или душегубство виру (вѣру) или головщину, и отвѣчали и за то, если—говоря языкомъ XVI в.—кого въ лѣсѣ древомъ заразить, или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кто утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ потеряется; но такая несправедливая порука съ XVI вѣка отмѣняется. Споры о межахъ рѣшали *старики, старожилы*. Древняя волость—община принималась государствомъ какъ административный округъ, хотя не всегда, какъ вообще слово волость имѣло разные значенія. Волостная община сохранилась только на сѣверѣ Великой Руси, а въ остальной она съ XV—XVI вв. замѣнялась деревенской общиной, состоящей изъ одного многолюднаго селенія, деревни, но существующей на старинныхъ началахъ общаго пользованія землею, управляемой старостою, сотскимъ и десятскими. Кромѣ того старинныя общинныя начала сохранились на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Руси, въ казацкихъ общинахъ—войскахъ.

Такое устройство общинъ было и у другихъ Славянъ, хотя въ историческое время остались отъ него только слѣды. Такъ въ южной Чехіи въ концѣ XII в. при опредѣленіи межей княжескими чиновниками присутствовали жители одного округа—*vispatus* (по-чешски?), состоявшаго изъ пяти селъ, подобно поль-

своему ополку; въ Моравіи въ XIII в. присутствовали, при такомъ же дѣлѣ, старики *de vicinia*. Но иначе у западныхъ Славянъ вмѣсто общирной общины является уже простая община, одна *осада*, *весь*, которая мало по малу теряла свой славянскій характеръ, въ слѣдствіе громаднаго распространенія нѣмецкаго права и въ общинахъ сельскихъ, съ войтами, солтысами, рыхтарями, коншелами и пр. Западнославянская осада обязана была къ круговой поруке относительно главы—убійства и воровства (въ Чехіи), и разныхъ несчастныхъ случаевъ въ слѣдствіе нападеній звѣрей, паденія деревьевъ, внезапной смерти путешественника (у балтійскихъ Славянъ). Но съ конца XII в. и въ теченіи XIII в. устраняется эта порука, и послѣдніе ея слѣды исчезаютъ въ Чехіи и въ Моравіи въ первой половинѣ XIV вѣка; только „гоненіе“ (срв. гонитва) воровъ и разбойниковъ считалось общео повинностью еще въ XVI вѣкѣ.

У южныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ у восточныхъ, были разныя общины, городскія и сельскія, не говоря о городскихъ общинахъ адриатическаго приморья, въ которыхъ элементы романско-итальянскій и славянскій (хорватско-сербскій) ставились и сливались. Такъ въ приморской Хорватіи была обширная „община“ Винодолъ, состоявшая изъ 8 меньшихъ городскихъ общинъ и составлявшая особое „княжество“, съ своимъ общинскимъ вѣчемъ въ главномъ городѣ или на другомъ мѣстѣ; община Керкъ (на островѣ Керкъ) съ вѣчемъ, на которое приходили тоже вѣти, общины Каставъ и Вепринацъ (въ хорватской Истріи), община Полица (въ хорватской Далмаціи), сельская „община“, состоявшая изъ нѣсколькихъ селъ (города не было), съ всенароднымъ вѣчемъ или сборомъ; община Попово (въ нын. Герцеговинѣ), и др. Полицкая и поповская „общины“ называются одновременно (уже въ XII в.) „жупами“. Нѣкоторыя такія древнія хорватско-сербскія жупы существуютъ до сихъ поръ какъ обширныя общины, „племена“ или „кнежины“, на пр. Любомиръ (нынѣ 11 селъ), Попово (нынѣ 20 селъ), Рудини, Думно (Дльмно), Пива, Оногощъ (Нившичи, называемые до сихъ поръ „жупа“), Крушевица, Драчевица, Конавли (въ южной Далмаціи), Паштровичи (тамъ же, считаютъ ок. 40 селъ и нѣсколько

тысячъ душъ, раздѣленные на 12 племень), и пр. Нѣкоторые жупы пользовались обширнымъ самоуправленіемъ; такъ мелкій князь конавельскій былъ въ X в. самостоятельный государь, на равнѣ съ князьями требинскимъ, діоклейскимъ; поповская община въ XII в. сходилась самостоятельно съ дубровницкой общиною на „станьбѣ“ (сходеу); общины винодолъская, керцкая и полицкая, стоя подъ своими князьями, управлялись по своимъ законамъ; туропольская шляхетская жупа (въ Хорватіи) выбирала себѣ до недавна своего жупана. Вѣроятно и нѣкоторые другія мелкія „жупы“ въ древней Хорватіи и Сербіи были такія обширныя общины, управляемыя жупанами, какъ Хорваты называли до недавна а Словенцы называютъ до сихъ поръ начальнииа, старосту сельской общины. Въ древней Сербіи окольные села составляли *околину*, обязанную въ круговой поруцѣ относительно убійства, разбоя, кражи, поджога и другихъ преступленій, совершившихся въ сосѣдствѣ околины, виновникъ которыхъ не былъ пойманъ. У южныхъ Славянъ такія денежныя пени (глоба, осуд, осудбина), особенно *вражду* (хорват. тоже *вражбу*) или *крвни осуд* за вражду или крв (кровь, убійство, др.серб. тоже душегубню, рус. душегубство), *крвинину* или *кварину*, платили, въ казну, постепенно семья (господарь за дѣтича, отецъ за сына, братъ за брата), ближнии, родимы, племя (родъ, а тоже нынѣшнее черногорское братство), ближнее село, окольные села или околина, жупа или градъ (городъ), и само государство (на пр. Дубровникъ, Сербія, Босна, Полица). Здѣсь замѣтенъ еще переходъ отъ рода къ общинѣ, къ жупѣ, къ государству, которое само бралось наказывать виновныхъ, и по этому и запрещало—какъ говорить на пр. босенскій король въ началѣ XV в. — „ни исвати крви ни освете ни вражде“. Также въ древней болгарской Македоніи взиались съ селъ пени вражда, коньска вражда (за конокрадство), разбой. Еще до недавна въ сербскихъ земляхъ крвинину (называемую кое-гдѣ и враждоу) платило село или нѣсколько селъ, около которыхъ совершилась крв (убійство) неизвѣстнымъ крвиникомъ; въ случаѣ преслѣдованія преступника сосѣди ручались, клялись, совершали *клетву* (клятву), другъ за друга, а за котораго никто не покаялся, на томъ осталось подо-

зрѣніе. Старинная связь нѣсколькихъ селъ въ сербскихъ странахъ видна была еще недавно въ *састанкахъ* (сходкахъ, дрсерб. станькъ), на которые собирались старѣшины не только одного села—общины, а тоже окрестныхъ селъ. Сербское и болгарское село-община управляется *к.метомъ* (прежде тоже *кнезомъ*); въ общинѣ пользовались особымъ уваженіемъ *старосидѣльцы*, которые рѣшали тоже споры о межахъ. Такъ было и въ хорватскихъ общинахъ, управляемыхъ *жупанами*; *старцы* опредѣляли межи и рѣшали споры о межахъ, какъ это водилось у всѣхъ Славянъ. Въ Болгаріи въ XIV в. (1325 г.) 12 старыхъ жупанъ достовѣрныхъ людей, появившихся присягою, опредѣляли спорныя межи около Хиландара, совершенно такъ, какъ тогда же (1372 г.) 12 польскихъ присяжныхъ опольниковъ опредѣляли межи въ сандомѣрской землѣ. Иногда участвовали въ такомъ дѣлѣ и сами землевладѣльцы. Такъ въ началѣ XIV в. въ сѣверо-западной Македоніи, въ Пологѣ, около Хѣттова, влестеле или бояре и хора (хѣра — жупа, область) т. е. старцы подъ присягою свидѣтельствовали о законномъ владѣльцѣ; въ Червонной Руси, въ самборской землѣ, въ 1422 г. опредѣляли межи земьяне и старцы и пр. Въ византійскомъ царствѣ встрѣчаются, со временъ появленія Славянъ на балканскомъ полуостровѣ, сельскія общины состоявшія изъ многихъ селъ; такія общины представляли одну единицу экономическую, административную, финансовую, и были связаны круговою порукою относительно отбыванія государственныхъ повинностей.

Община — основа общественной жизни у Славянъ; она доставляла слабымъ родамъ и семьямъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность, когда они заселяли свою волость и заняли ее „куда ходилъ топоръ и соха и коса“. Князь соединяя племена въ одно политическое цѣлое, въ государство, находилъ въ организованной общинѣ готовое выгодное учрежденіе для государственныхъ цѣлей, и воспользовался ею болѣе или менѣе. Старинная община, въ слѣдствіе разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, разрушалась (у западныхъ Славянъ), или продолжала существовать въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ (у южныхъ и восточныхъ Славянъ). Община дѣлалась тоже „княжествомъ“, „государствомъ“,

„господиномъ“, „господаремъ“, на пр. на Руси Новгородъ и Псковъ, казацкія общины — войска по Днѣпру, Дону и Яику, на славянскомъ югѣ общины Винодолъ, Полица, Дубровникъ и др.

Съ XII—XIII вѣковъ, со временъ подчиненія западныхъ Славянъ Нѣмцамъ и ихъ вліянію, со временъ громадной нѣмецкой колонизаціи, въ западно-славянскихъ земляхъ, и въ Альпахъ и по Дунаю въ Угріи, возникали здѣсь новыя общины, сельскія и городскія, которыя изъяты изъ общаго земскаго права и управлялись своимъ нѣмецкимъ правомъ; изъ Польши распространились онѣ и въ западную, поднѣпровскую Русь. Славяне въ такія общины въ Германіи по большей части не допускались, и эти земли между Лабою и Одрою скоро и онѣмечились; въ остальныхъ славянскихъ земляхъ входили и Славяне въ эти общины, и въ Чехіи и въ Польшѣ съ XV—XVI вв. славянский элементъ сдѣлался въ нихъ господствующимъ, продолжая однако руководиться нѣмецкимъ правомъ переводимымъ на славянскіе языки. Такимъ образомъ въ славянскихъ земляхъ, въ селахъ и въ городахъ, въ Будышинѣ, Прагѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Люблянѣ, Загребѣ и др., да спорадически и въ нѣкоторыхъ городахъ Сербіи и Болгаріи, являются новыя общины (по польски гмины—*gemeinde*), мѣста, мяста (по нѣм. *stätte*, *stadt*) вмѣсто славянскихъ городовъ, градовъ; мѣщане, мѣстичи—вмѣсто горожанъ, гражданъ, граѣанъ, также (у Хорватовъ) пургары (*bürger*); рыхтари (*richter*), войты (*voigt*), пуремистры-бурмистры (*bürgermeister*), коншелы (*consul*), ратманы, райцы (*rathmann*), солтысы (*schultheiss*, *schulze*)—вмѣсто старостъ, жупановъ, тысяцкихъ, сотскихъ, и пр.; мѣщане собираются на раду (*rath*) въ ратушѣ (стар. вѣтница) на плацахъ, рынкахъ (*ring*), селяне или даже гбуры (*gebauer*, *bauer*) на вѣчѣ гаенномъ, какъ въ Польшѣ называли сельскую сходку, на половину по славянски на половину по нѣмцѣи (*heget ding*, *gehegtes ding*). Нѣмецкія названія распространились позже и въ Великой Руси, и въ городахъ являются тоже мѣщане, гильдіи, цехи, полиціймейстеры, магистраты и пр.

На югѣ, на балканскомъ полуостровѣ, Славяне застали общины романско-итальянскія на западѣ въ адриатическомъ при-

морѣ, а въ имперіи византійской общины греческія. Славянскій элементъ распространялся и въ этихъ общинахъ, придавая ихъ учрежденіямъ большій или меньшій славянскій характеръ, такъ что даже въ латинскихъ или итальянскихъ статутахъ адриатическихъ общинъ встрѣчаются славянскія названія разныхъ учреждений, sbogo (съборъ), dornich (дворникъ), casnezzo (казньць), vrasda (вражда), stanicum (станьць), romagajte, vlastici (властићи), и др. Съ другой стороны и въ славянскихъ общинахъ водворилось чужое вліяніе, и въ славянскихъ статутахъ встрѣчаются слова: комун, пена, каштигати, сентенція, кунтентати, и пр.

4. С о с л о в і я.

Разница сословій встрѣчается, какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ. Богатство, власть, умъ создаютъ всегда и всюду классы людей „вѣтшихъ, вѣщихъ“ (большихъ) и „меньшихъ“ — какъ выражались русскіе Славяне — классы господствующій, владѣющій, властвующій, и подданный, работающій, который находится въ большей или меньшей зависимости отъ перваго.

Земля составляетъ главное богатство народа осѣдлаго; земля — его дѣдина и отчина, наследственная собственность, которую представляетъ даже кусокъ земли, дернъ; по этому древнерусское *въ дернь, во дерень, одерень* тоже самое, что въ вѣчное владѣніе, собственность. Землевладѣльцы назывались *земляне, земляне, земцы*. Это были первоначально землевладѣльцы и земледѣльцы, и только въ послѣдствіи это слово стало у западныхъ Славянъ означать землевладѣльцевъ шляхту, *землянъ*. Въ XIV в. въ Сербіи *землянинъ* — земледѣлецъ (кои продаетъ жито), а въ XVI в. въ польско-мазурской части Пруссіи *землянинъ* — свободный мелкій землевладѣлецъ не-шляхтичъ, владѣвшій свободною „землянскою“ волокою; между тѣмъ въ остальной Польшѣ и у остальныхъ западныхъ Славянъ *землянинъ* означало уже давно землевладѣльца-шляхтича. Кажется, что такіе „воль-

ные“ землевладѣльцы-кметы сохранились въ Польшѣ кое-гдѣ до XVI в. (*liberi haereditarii* въ велюнской землѣ). Свободные землевладѣльцы не-бояре встрѣчаются на Руси, литовской (въ XV вѣкѣ), новгородской и псковской (въ XV—XVII вв.), гдѣ эти *земцы* или *своеземцы* владѣли своими отчинами; потомъ они дѣлались служилыми людьми или государственными крестьянами. Такіе свободные владѣльцы своихъ дѣдинъ, не шляхта и не подданные кметы, встрѣчаются въ Чехіи съ древнѣйшихъ временъ до недавна, *дѣдицы* (дѣдичи), *heredes liberi*, позже *дѣдинники*; такъ они назывались вѣроятно и у балтійскихъ Славянъ. У полицкихъ Хорватовъ *дидићи* (дѣдичи), составляли низшій разрядъ племенитыхъ людей (шляхты). Все это были собственники „дѣдичи“ своихъ дѣдинъ или отчинъ, что соотвѣтствуетъ др.-русскому дѣдичъ и отчичъ — собственникъ, отчинникъ (вотчинникъ) — собственникъ отчины, то что дрчеш. дѣдинникъ. „Дѣдиц“ назывался у Чеховъ и называется до сихъ поръ у Поляковъ (дзедзиц) землевладѣлецъ — шляхтичъ; „дѣдичами“ назывались тоже князья русскіе (дѣдичъ и отчичъ), польскіе и чешскіе. У лужицкихъ Сербовъ свободные землевладѣльцы не-шляхтичи назывались до недавна *витязи*, воины.

Эти земляне-земцы, дѣдичи, витязи, сохранившіеся до позднѣйшихъ временъ, представляютъ въ историческое время только обломки многочисленнаго населенія древнѣйшихъ временъ, свободныхъ землевладѣльцевъ. Многіе изъ нихъ перешли въ ряды шляхты, а другіе, лишившись собственной земли, очутились на чужой землѣ, и въ большей или меньшей зависимости отъ землевладѣльцевъ.

Огромная масса народонаселенія, преимущественно земледѣльцы, но тоже другіе промышленники, ремесленники и пр., живущіе въ городахъ и селахъ, часто означались просто какъ *люды*, *люди*, *людство* (ед. ч. людинъ), *мужи* (презрительно *мужики*), простой *черный* народъ, *чернь*, какъ это было на Руси; только позже съ конца XIV в. стали его называть *крестьянами* т. е. крестьянами, христианами. Русскому *люды* и *людинъ* соотвѣтствуетъ сербско-хорватское *плѣкъ*, пукъ, т. е. полѣкъ, и *плѣчанинъ*, простонародье. Слово *холопъ* (хлапъ, хлопъ) первоначаль-

чально означало тоже мужа вообще (срв. хлапец, хлопец — мальчикъ, парень), а позже человѣка, лишившагося свободы, невольника. У западныхъ и отъ части и у южныхъ Славянъ масса земледѣльческаго населенія называлась *кметы*, т. е. жители селъ, *селяне*, *седлаки*, хозяева, господа. Кажется, тоже самое означаетъ *сябрь* (сабрь, себрь, сабрь), у южныхъ Славянъ вообще простолюдинъ (въ древней Сербіи и Болгаріи), тоже земледѣлецъ мужикъ (у Хорватовъ), въ Великой Руси — мужикъ хозяинъ, въ Бѣлой Руси — родственникъ, сотоварищъ, а прежде во всей западной Руси, новгородско-псковской и литовской, *сябры*-землевладѣльцы владѣвшіе землею сообща, участники, какъ ихъ называли тоже Словѣне и называютъ Литовцы; также у древнихъ Чеховъ сабр — подлый человѣкъ (*сабрство* — nequitiae, peſlechetnost'). Такимъ образомъ слова мужикъ, холопъ, сябрь, приняли со временемъ значеніе „подлаго“ (т. е. низкаго) человѣка, „человѣка“, сдѣлались до извѣстной степени бранными словами. Такимъ же словомъ было и слово *смердь* (смердъ, смардъ), которое вѣроятно имѣетъ связь съ смердѣть, смрадъ; смерды были у Русскихъ, Ляховъ и Словѣнъ вообще простой народъ, преимущественно земледѣльцы; позже на Руси слово смердъ стало словомъ браннымъ.

По главной земледѣльческой работѣ, оранію (паханію), занятію раломъ (ораломъ) или сохою (слово извѣстное тоже другимъ Славянамъ въ смыслѣ кола, посоха) или плугомъ, на раліяхъ, роляхъ, роляхъ (ороляхъ), земледѣльцы носятъ названія *рольники*, *ролейные* (закупы, древнерусск.), *раты* т. е. оратаи, *орачи* (орачи-земяне въ польско-мазурской Пруссіи), *пахенные люди* (новгородскіе), *изорники* (псковскіе, ср. сербское изор — вознагражденіе зерномъ), люди *сошныя* работающіе посошную службу. Земледѣльцы совершаютъ работу, *тлаз*, обрабатываютъ, *тлжати* (тажать, тежать) землю, извѣстный участокъ, *тмло* (дррусск.), *жрѣбій* или *ждрѣбій* (словѣн. и серб.), жребій, жеребій рус.), жребъ (поль.), жрибъ (хорв.), съ чѣмъ ср. чеш. hřebí, жребій; жребій — участокъ доставался члену общины жребіемъ. Земледѣльцы радѣютъ, радятъ — тлжати, дѣлаютъ поля, земли *пахенныя* или *орамыя* (дррусск.), *оратыя*; они *работати* (словѣн.,

чеш. *robotěz*, поль. *robotować*), *тажари* (словѣн.), *тежаки* (хорв.), *тыари* (чеш. *těhaři*), *тялые люди* (рус.), *землетажатели* (словѣн.), *земьтъги* и *полерады* (чеш., срв. названія мѣстъ Земѣтъги и Полерады).

Земледѣльцы, посаженные на чужой землѣ (южносерб. *посадники*), нанимаясь на работы (рус. *наймиты*, хорв. *наемники*, чеш. *наемники*), заключали съ землевладѣльцами разныя условія, обязывались къ разнымъ повинностямъ, въ платѣ деньгами и натурою, въ извѣстный срокъ вносить *нарокъ*, *уроокъ*, *оброкъ*, и по этому назывались *нарочники* (въ Польшѣ), *урочники* (въ Чехіи), *оброчники* (на Руси); они платили серебромъ или кунами, кунницами, какъ деньги продолжали называться у Русскихъ, Поляковъ и Хорватовъ, и по этому назывались русскіе *серебренники* (на югѣ, а сѣверные серебряники—крестьяне получившіе ссуду—серебро) и *куничники*, *люди куничные*, хорватскіе *martinarii*; послѣднее названіе еще въ XIV в. хорошо объясняется тѣмъ, что такіе поселяне должны были платить своимъ господамъ въ годъ по одной куней шеурѣ, а потомъ деньгами. Смотря по этому, какую часть дохода, урожая и пр., земледѣльцы платили землевладѣльцу, десятину, пятину, треть (третину), половину, они назывались *decimi*, *decimarii* (десятники?) у всѣхъ Ляховъ, *третники* и *половники* (*изполовники*) въ сѣверовосточной Руси, *половники* въ сербской Боеѣ которской; третину платятъ до сихъ поръ босенскіе кметы своимъ господамъ-землевладѣльцамъ а десятину государству. Въ слѣдствіе сношеній Славянъ съ иноплемениками привились у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ чужія названія для низшихъ классовъ народонаселенія, равнымъ образомъ какъ и для ихъ начальниковъ (войтъ, солтысъ, рыхтарь, ватаманъ). Древнесербскіе и вѣроятно и древнеболгарскіе *мпронхи* или *неронхи*, подданные поселяне—земляне, земледѣльцы, не что иное какъ греческіе *μέροπες*—*люди*, а *парикки*—греческіе *παροικοί* (*coloni*). Славяне на балканскомъ полуостровѣ назвали, по покореннымъ *Влахамъ* (Румунамъ), подданный людъ, особенно пастуховъ, *влахами*.

Маса народонаселенія занималась не только земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, и пр., но и разными другими
Славяне, ихъ взаим. отношенія.

промыслами, торговлею (купцы—*юсти*), ремеслами, и пр. Многие такіе промышленники, ремесленники и пр. составляли особые товарищества, дружины (рус.) подъ своими старостами; они селились или были поселены своими господами въ особыхъ селеніяхъ, которыя по нимъ и сохранили свои названія до позднѣйшихъ временъ, на пр. Рыбаи (Рыбары, Рыбитвы), Колодѣе, Ковары (Ковале), Пекары, Щитары, Рудники, Златары, Псары, Скотники, и пр.

Славянскія общины живы, за долго до образованія государства, своею общественною жизнью, налагали на себя, по добровольному соглашенію своихъ членовъ, свободныхъ землевладѣльцевъ, дѣдинниковъ, отчинниковъ, ради собственной безопасности, разныхъ повинности. Ими и воспользовалось государство да по мѣрѣ надобности оно ихъ все больше увеличивало, такъ, что общины скоро обременены множествомъ такихъ тяжелыхъ земскихъ или государственныхъ повинностей. Князь, богатые землевладѣльцы, да и сами общины, владѣли огромными незаселенными землями, особенно лѣсами, которыя надо было заселять. Являются люди земледѣльцы, и получаютъ земли для обработки, но уже не какъ отчинники-собственники, а какъ временные арендаторы, которые пользуются предоставленною имъ землею на извѣстный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ эти новые поселенцы очутились въ извѣстной зависимости отъ землевладѣльцевъ—господъ. Эта зависимость обозначалась разными повинностями, могла быть болѣе или менѣе обременительною. Земледѣлецъ, сохраняя личную свободу, сдѣлался временно обязаннымъ по поводу занимаемой имъ господской земли, кромѣ которой онъ впрочемъ могъ имѣть свою частную собственность, движимую и недвижимую; послѣ истеченія условленнаго срока и исполненія своихъ обязанностей, земледѣлецъ съ позволеніемъ господина могъ уйти. Но зависимость подданнаго отъ господина была и сильнѣе; подданный былъ прикрѣпленъ, приписанъ къ землѣ, и выданъ произволу землевладѣльца.

Князья-государи, жалую земли съ заселяющимъ ихъ подданнымъ людемъ духовенству и дворянству, отказывались, въ пользу новыхъ владѣльцевъ, отъ многихъ повинностей, къ которымъ

подданный людъ былъ обязанъ имъ, князьямъ, какъ представителямъ государства. Такимъ образомъ подданный людъ долженъ былъ отправлять извѣстныя повинности государству, а другія новымъ своимъ господамъ, которые мало по малу прибрѣтали надъ нимъ и право суда. Положеніе подданнаго люда отъ этого не улучшалось, а ухудшалось. Землевладѣльцы дворяне, прибрѣтая все больше льготъ и правъ на счетъ государства, наваливали на своихъ подданныхъ все больше обременительныхъ повинностей, и, наконецъ, успѣли прикрѣпить къ землѣ всѣхъ до тѣхъ поръ лично свободныхъ подданныхъ людей. Это состоялось въ славянскихъ государствахъ въ XV—XVI вѣкахъ. Положеніе крѣпостныхъ становилось все хуже, пока наконецъ они доведены до положенія *невольниковъ*, отъ которыхъ они отличались больше по названію, чѣмъ на дѣлѣ.

Рабство встрѣчается у всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и у Славянъ, съ древнѣйшихъ временъ. *Рабы* или *робы*, *паробки*, *отроки*, *холуи-пахолки*, *хлаты* (*холопы*), *невольники*, *челядь*, составляли собственность (челядь „дерноватая“, др.-рус.) владѣльца, его „отчину“, на равнѣ съ другимъ его имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ; онъ могъ ихъ купить и продать, произвольно наказывать, да безнаказанно убивать какъ скотъ, Славянскія названія невольниковъ указываютъ отъ части на происхожденіе такихъ людей. *Челядь* (един. ч. *челядинъ*) означаетъ первоначально родъ, семью, и въ такомъ смыслѣ употреблялось, да и употребляется у разныхъ Славянъ, но одновременно и въ значеніи невольниковъ, крѣпостныхъ, прислуги. *Отрокъ* — первоначально дитя, младенецъ (отъ, реку, срв. infans, чеш. nemluvně, поль. niemowlę), какъ онъ называется до сихъ поръ у нѣкоторыхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ чеш. *голомек* первоначально означало несовершеннолѣтняго, голаго т. е. безъ усовъ и безъ бороды (голец, гох—мальчикъ, юноша), неженатаго сына не отдѣленнаго отъ отца; а потомъ слугу судебного (др.-рус. дѣтскій, голомки земскіе еще въ XV в.: holomci zemští to co posli purkgrabovi), и вообще слугу (также поль. голомек), голоту (прислугу, но тоже сбродъ, сволочь). Также и слово *робъ* и *рабъ* имѣетъ связь съ *робъ*, *ребенокъ*, и *пахоле*, *пахолъ*, *пахолек*

(чеш., поль.) — мальчикъ (срв. рус. холить), но тоже слуга, *толуй*, первоначально мужъ, потомъ холопъ, рабъ; также и *хланецъ*, *хлонецъ*, *хланикъ*, *хлонакъ* (чеш., поль.) — мальчикъ, паренъ, указываетъ на первоначальное значеніе слова *хланъ* (хлопъ, холопъ) — мужъ, позже плебей, рабъ, равнымъ образомъ какъ и *себръ* первоначально означало мужа, позже „подлаго“ мужа, плебея; такъ дрчеш. *хланъ* вообще не шляхтичъ, плебей, человекъ плебейскаго „разряда“ (*městěnin a sedlák jsta oba řádu chłapského*, говорилось въ Чехіи въ XIV в.); польскій *хлонъ* — мужикъ. Одинаковыя названія дѣтей и рабовъ указываютъ на то, что такую челядь, отроковъ, робать или ребать, пахолоковъ, хланцовъ, продавали ихъ родственники и родители въ неволю. Также и древнерусское *сирота* т. е. рабъ, указываетъ на другой источникъ рабства.

Главнымъ источникомъ рабства у Славянъ былъ плѣнъ (полонъ); военные плѣнники считались такою же добычею, какъ и другія вещи, и ими заселялись земли владѣльцевъ и пополняли ряды прислуги. Рабами дѣлались осужденные преступники, неплатные должники, также люди добровольно пошедшіе въ рабство, и дѣти рабовъ. Безпрестанныя войны славянскихъ народовъ другъ съ другомъ и съ иноплеменниками доставляли имъ громадное количество этого живаго товара, важной статьи въ славянской и неславянской торговлѣ. Съ другой стороны огромное количество славянскихъ невольниковъ наполняли также базары запада и востока, такъ что ихъ народное имя *Славянинъ* (*Slavus*) сдѣлалось у народовъ нѣмецкихъ и романскихъ, въ Византіи и у Арабовъ, нарицательнымъ въ смыслѣ невольника — *склава*. Рабы и торговля рабами встрѣчается у всѣхъ Славянъ, рабство какъ законное учрежденіе въ многихъ славянскихъ уложеніяхъ. У западныхъ Славянъ оно исчезаетъ въ XII—XIII вв., у южныхъ въ XIV—XV вв., между тѣмъ какъ у восточныхъ Славянъ оно просуществовало до новѣйшихъ временъ; въ западной Руси признаютъ невольниковъ, невольную челядь, еще литовскіе статуты XVI в., а въ восточной Руси, гдѣ крестьяне смѣшаны съ холопами, прекратилось это безобразіе только въ нашемъ вѣкѣ. Турецкое и татарское владычество въ славян-

сихъ земляхъ или на ихъ окраинахъ начало новую эру въ исторіи славянскихъ невольниковъ, и ихъ плачь раздался вновь отъ береговъ Африки до Царьграда и Бахчисарая, въ Поволжьѣ и въ средней Азіи.

Если варварское учрежденіе рабства встрѣчается у Славянъ, то оно здѣсь иногда какъ бы смягчается нѣкоторыми проблесками болѣе человѣческаго отношенія къ невольникамъ. Византійцы VI—VII вв. замѣтили, что у подунайскихъ и поднѣпровскихъ Славянъ плѣнники не находятся въ рабствѣ цѣлый свой вѣкъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, а что послѣ истечения извѣстнаго срока они могутъ выкупиться и возвратиться въ свои, или жить между Славянами какъ люди вольные и друзья. Въ Угріи въ XI в. запрещалась торговля рабами туземцами, а дозволялась только торговля рабами иноплемениками. А еще въ XIV в. Сербы считали непозволительнымъ обращать въ рабовъ болгарскихъ плѣнниковъ какъ одноплеменниковъ. Выпущенные на свободу или откупившіеся рабы, не имѣя родни, дѣлались лицами безпріютными, *изюми* (дррус.), т. е. лишенными кормленія (изъ—гоить, обл. рус. гоить—жить, пристроить, серб. гоити—кормить, гої—миръ, чеш. гоити—лѣчить).

Маса народонаселенія, горожане и селяне, земледѣльцы и ремесленники, вущы—гости и другіе промышленники, всѣ они были себры, смерды, кмети, холопы, меньшіе или черные люди, чернь, посполство, полчане т. е. плебеи, относительно высшихъ знатныхъ классовъ, людей „вятихъ (вятихъ)“, какъ они называются въ сѣверной Руси. Такая *знать* встрѣчается у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ; она занимаетъ первенствующее мѣсто въ общественной, политической, военной жизни, окружаетъ князя-государя, который съ нею совѣщается, изъ нея беретъ своихъ чиновниковъ, даетъ ей земли; она становится все болѣе важнымъ факторомъ въ государствѣ, выдѣляется изъ остальнаго народонаселенія, поработщаетъ его, и стремится ограничить государя, что ей и удается у западныхъ и у южныхъ Славянъ только въ восточной Руси такіа стремленія не имѣли успѣха, на пользу русскаго народа и всего Славянства. Съ постепеннымъ образованіемъ славянскихъ государствъ, въ которыхъ мало по

малу исчезали соединяемые ими отдѣльныя племена, въ ряды знати переходили и княжескіе роды тѣхъ племенъ, занимая въ государствѣ наиболѣе выдающееся положеніе. Оттуда вѣроятно происходитъ древній обычай, что князья назначали въ намѣстники областей членовъ знатныхъ родовъ, владѣвшихъ имѣніями—отчинами въ той области; такъ это было у западныхъ Славянъ и въ Угріи. Въ Чехіи еще въ XIII в. паны Яновичи считались родомъ, „родичами“ Властислава, князя Лучанъ; на Ранѣ одна линія княжескаго рода, паны Подбузскіе, были первымъ знатнымъ родомъ княжества; въ Поморьѣ родъ Свантоборичей происходилъ отъ рода князей поморскихъ, родъ Рановичей вѣроятно отъ княжескаго рода лютичскихъ Доленчанъ, и пр. Еще въ позднѣйшія времена литовско-русскіе князья Гедыминовичи и русскіе князья Рюриковичи дѣлались первенствующею знатію польскаго и русскаго государствъ, сохраняя свой княжескій титулъ.

Славянская знать состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые со временемъ составили родовую аристократію; но въ ряды этой родовой знати входили постоянно новыя лица въ слѣдствіе пожалованія имъ такого достоинства княземъ-государемъ, которыя со временемъ тоже составляли родовую знать. Вообще славянская знать первоначально не составляла замѣнутаго словія, и ея ряды постоянно наполнялись по усмотрѣнію и по волѣ князя, какъ это долго сохранилось на Руси. Болѣе замѣнутымъ, наслѣдственнымъ сословіемъ стала она только въ послѣдствіи, именно у западныхъ славянскихъ народовъ, которые подпали подъ чужое вліяніе. Знать у Славянъ раздѣлялась на два разряда, высшихъ и низшихъ, старшихъ и младшихъ, и называлась разнообразно. Какъ землевладѣльцы они назывались вообще *землянами*; это слово знаютъ западные Славяне, особенно лужицкіе Сербы и Словаки, до сихъ поръ. У балтійскихъ и полабскихъ Славянъ назывались они *князьѣ*, а низшій разрядъ *княжичи*; лужицкіе Сербы до сихъ поръ называютъ мелкаго помѣщика княземъ (knjcz), и такъ его называли и Славяне на нижней Лабѣ (knjaz); княжичи (knesitzen) были извѣстны у оиѣмеченныхъ Ранъ еще въ XV вѣѣ. У Хорватовъ слово *кнез*, первоначально должность, только позже употреблялось въ значеніи

извѣстнаго сословія. У западныхъ Славянъ, именно у Чеховъ и Ляховъ, высшая знать называлась *жупаны*, а со второй половины XIII в. *паны*; низшій разрядъ—*владыки*, у Чеховъ до недавна, у Поляковъ (*влодыки*) до XV вѣка. Русскіе, Болгаре и Сербь называли свою знать *боляре*, *больре* (позже по русски и *боляре*), т. е. люди боліе, люди „вѣтшіе“, *вельмужи* (югослав.). Боларе дѣлились на великихъ и малыхъ, старшихъ и младшихъ, а эти послѣдніе стали называться на Руси позже „дѣти боярскія“. Сербь съ XIV в. своихъ боярь стали называть *властеле*, а низшій разрядъ *властеличичи*; властеле были извѣстны и Хорватамъ. Нѣкоторыя названія славянской знати указываютъ на родовой бытъ; они назывались вѣроятно какъ родоначальники, какъ бывшіе начальники племенъ, *князья*, *жупаны*, названія *княжичи* и *властеличичи*, означаютъ не только „малыхъ“ князей, властелей, но также какъ бы ихъ потомковъ, *дѣтей боярскихъ*. Знать какъ землевладѣльцы были *земине*, *владыки*, *властеле*; эти общія названія приняли потомъ извѣстное значеніе въ общественной, государственной жизни нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ; сербскій *землянинъ* былъ земледѣлецъ, а польско-мазурскій *земянинъ*—свободный но не знатный землевладѣлецъ, то что русскій *земецъ*, чешскій *длдицъ*, *длдинникъ*, но дрхорв. *дидић*—уже знатный человекъ низшаго разряда, а поль. *дзедзицъ* вообще земянинъ—шляхтичъ. *Владыка* и *властелинъ* — человекъ облеченный властью, владѣющій, по этому владыка былъ не только землевладѣлецъ-шляхтичъ (у запад. Славянъ), но тоже государь-князь, епископъ и даже женщина знатнаго рода (дрсерб. и дрхорв.); властелинъ (у юж. и восточ. Славянъ) — вообще лицо властвующее, государь, владѣлецъ, не подданный, не полчанинъ (югослав. плѣкъ, полѣкъ—людь), серб. и хорват. властеле — аристократія. Сюда принадлежитъ и слово *владарь* (*влодарь*), съ своими разными значеніями, начальника вообще, родоначальника (у Чеховъ), управляющаго, правителя имѣній государевыхъ и панскихъ (чеш. и поль.). Дрсерб. *владальць* вообще чиновникъ государя, вѣроятно тоже управляющій имѣніемъ государя и другихъ господарей (землевладѣльцевъ), владалець градскій—судья въ расприхъ гражданъ другъ съ другомъ или съ жуплянами (жителями жупъ—овру-

говѣ). Дррус. *волостель*, княжескій судья волости (округа, чеш. и серб. власти, поль. влости, *włóść*, отсюда *włóścianin*—поселянинъ). Славянская знать называлась вообще людьми *лѣпшими*, лучшими, вѣтшими, мужами велими (*вельмужи*), вельможными (*вельможы*), болими (*боляре*); русские боляре были не только знатнѣе воины и думцы въ княжеской *дружинѣ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ своего качества дружинниковъ, крупные землевладѣльцы. *Други* назывались тоже низшіе знатные люди въ Чехи, на службѣ у пановъ; но этому они въ послѣдствіи назывались *паношами*, извѣстными тоже въ Польшѣ. Младшіе дружинники на Руси въ послѣдствіи (съ XIII—XIV вв.), какъ придворные, стали называться *дворяне*, служня князя, прежніе *отроки*, *дѣтскіе*, *пасынки*, названія указывающія на службу—молодежь, можетъ быть и на родню-служню княжескаго двора; съ XVIII в. русская знать вообще стала называться *дворянствомъ*. Слово *дѣтскій* знали и Поляки въ смыслѣ судебного пристава (*dziecki, dzieckowanie*—*pignoratium*, иначе *ciężba*); можетъ быть и древнечешское *дѣцкій*, *дѣтецкій*—дѣятельный, имѣть извѣстную связь съ понятіемъ воина, князя мужа. Дрчеш. голомки—судебные слуги. Въ Сербіи въ XIV вѣкѣ встрѣчаются *дворяне властельскіе*—служня властелей. У другихъ Славянъ дворянинъ—вообще всякій находящійся при дворѣ государя. Вся эта знать, высшая и низшая, были главнымъ образомъ воины (по этому у западныхъ Славянъ *milites*) князя-государя; они были—какъ выражались въ восточной Руси—люди *служилые*, между тѣмъ какъ работающая масса народонаселенія были люди *тѣлые*. Знать—воины, занимающаяся военнымъ дѣломъ, военною службою, были *витязи*. Это названіе приняло со временемъ значеніе извѣстнаго сословія; у полабскихъ Сербовъ *витязи*—свободные землевладѣльцы не знатнаго происхожденія, то что прусско-литовскіе *витини*; у западныхъ Югославянъ (въ Угріи) витязь—то что рыцарь (*eques, ritter*).

Въ слѣдствіе чужаго, именно нѣмецкаго вліянія на западныхъ и отчасти и на южныхъ Славянъ, знатные роды, со второй половины XIII в., стали называться именно „родами“, по нѣмецкому *slachta (geschlecht)*—*шляхта, шляхтичи, шляхетные люди*

(чеш. *šlechta* — *šlechtic*, поль. *ślachta* — *ślachcic*, позже *szlachta*), какъ бы „родъ“ и „родичи“, но уже высоко „уроженные“; дрчеш. *šlechta* — родъ и знать, шляхта, равнымъ образомъ какъ нѣм. *athala*, *adal*, *adel* — родъ, потомъ шляхта. Такъ и Словенцы приняли слово *жлхтх* въ смыслѣ „родъ, родня“, и въ смыслѣ знати (*жлхтхнн*, *жлхтхннк*, *жлхтхннч*, *жлхтхннл*). Хорваты вѣроятно перевели отсюда свое *племић*, *племство*, *племенитые люди*, которое употребляли рядомъ съ *властеле*, равнымъ образомъ какъ и Чехи и Поляки не забыли своего стариннаго „земяне“. Западнославянская шляхта, особенно чешская и по ней и польская, принимала съ XIII в. вообще разныя западноевропейскія, преимущественно нѣмецкія учрежденія и обычаи. Извѣстные роды, племена, поколѣнія (*stirpes*, *generationes*, *genealogiae*, *genealogiae*, *consanguinitates*, *cognationes*, *familiae*), члены одного гнѣзда (поль. *de una progenie* — *jednego gniazda*, гнѣздники), принимали извѣстные родовые *знаки* (чеш.) на щитѣ (роза, грабли, топоръ, подкова), *щитъ* или *гербъ* (*erb*, *herb* изъ нѣм. *erbe* — наследство, латин. *arma*, *signa*, *clenodium*). Такой гербъ, называемый въ Польшѣ иногда и по родовому имени (*Pogaj*, *Junosza*, *Nalecz*, *Grzymała*) и по имѣнію (*Bogoruja*, *Dąbrowa*), часто означалъ извѣстный родъ; такъ напр. говорилось въ Чехіи (XIII—XIV в.) о родѣ роза т. е. Витковичахъ, въ Польшѣ о гербѣ Наленчъ т. е. родѣ (*clenodium*, *arma* N. то что *familia*, *cognatio*, *genealogia*, *generatio* N.), о братьяхъ влейнотнивахъ рода Гоздава (*fratres universi clenodiarum de genealogia Gozdawa*). Гербы распространились тоже въ Угрію и Хорватію, а изъ Польши на Литву и Русь. Такіе гербы рисовались часто на знаменахъ (хоругвахъ, стагахъ — стеглахъ, заставахъ — заслонахъ) знатныхъ родовъ, пановъ хоруговныхъ (чеш., поль. и литовско-русс.), уровъ (пановъ) заслонныхъ (угор. *zászlós úr*), властелей стегоношей (въ Сербіи XIV в., хотя властеле сербскіе и босенскіе о гербахъ стали мечтать только въ XV в.). Шляхта принимала родовыя названія по своимъ имѣніямъ, селеніямъ и городамъ или „замкамъ“ (нѣм. *schloss*), часто называемымъ по нѣмцеи (чеш. Розенбергъ, Вальдштейнъ, поль. Лянцекорона, Мельштынъ); чешскіе Витеовичи стали называться панамъ изъ Розенберга, Градца, Ландштейна, Гроновичи (*generatio de*

Ропове)—панами изъ Гронова, Лихтенбурга, Липой, Дубой, и такъ и владыки Смирицкіе, Добренскіе, Митровскіе, Вхинскіе и др. Польскіе Наленчи (родъ и гербъ) назвались потомъ Наленчами, Чарнковскими, Гостомскими, Остророгами, и пр., Грималы—Грималами, Гримултовскими, Казановскими, Неголевскими, и пр. По городамъ назвались хорватскіе Шубичи—Зринскіе, Елачичи—Бужимскіе, угорско-словенскіе Подманицкіе, Леготскіе, русскіе Острожскіе, Друцкіе, Масальскіе, Вяземскіе, Мстиславскіе, Вишневецкіе и др. Шляхта дѣлалась *рыцарствомъ* (изъ нѣмец. *ritter*), чѣмъ обозначалась въ Польшѣ вся воинственная шляхта вообще, какъ бы войны (поль. *rycerze*, *stan rycerski*, тоже въ литовской Руси рыцеры и срв. малорусское *лыцари* Запорожцы), а въ XV в. рыцари тоже прежніе кметы, паны засѣдавшіе въ судахъ великихъ вѣчъ (*barones terrarum nostrarum in judiciis colloquiorum generalium personam nostram—regis—repraesentant—rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują*). Въ Чехии слово рыцарь (*rytieř*, *rytíř*) означало, по примѣру западноевропейскому, вообще каждого знатнаго человѣка приобрѣтшаго за свои заслуги достоинство рыцаря (*ritter*, *chevalier*, у Хорватовъ и Угровъ витез), что сопровождалось разными обрядами, при помощи меча и пояса (пасованіе на рыцарство); это было извѣстно также въ Польшѣ; такъ въ 1149 г. польскій князь Болеславъ, находясь какъ союзникъ великаго князя русскаго Изяслава Мстиславича подъ Луческомъ (Луцкомъ), „пасаше мечемъ сыны боярскы многы“. Чешскій владыка сдѣлавшись рыцаремъ сталъ такъ и называться, и такимъ образомъ слово рыцари стало означать владыкъ, сословіе рыцарское то что сословіе владыцкое (*stav vláducky* въ статутѣ 1500 г., *stav rytířsky* въ статутѣ 1549 г.).

Разница между знатію вѣтшею и меньшею, старшею и младшею, существовала у Славянъ изъ давна; она имѣла значеніе не только общественное, а тоже юридическое, нашла себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ славянскихъ законахъ; такъ на пр. въ XIV в. дѣлалась разница въ Чехии между шляхтичемъ (*magnifice nobilis*) и владыкою (*minus nobilis*) относительно позыва къ суду, въ Польшѣ между шляхтичемъ (*nobilis*) и владыкою (*miles*) относительно головы (пени за убійство), въ Сербіи между властелиномъ и власте-

личичемъ относительно пени за оскорбленіе. Въ Чехіи разница „ставовъ“ (чиновъ, сословій), панскаго и владыцкаго (рыцарскаго), имѣла важное значеніе въ публичной жизни, въ сеймахъ, замѣщеніи должностей и пр. Въ Польшѣ антагонизмъ между панами и низшею шляхтою заявилъ свою силу еще въ такъ называемой пѣтушей войнѣ (wojna kokosza, 1537 г.); но скоро паны и низшее земянство сдѣлались равными, одною шляхтою, панами братьями, конечно только въ теоріи, по праву, въ юридическомъ отношеніи; ибо иначе богатый знатный панъ всегда стоялъ выше, чѣмъ бѣдный шляхтичъ загородовый и ходачковый, который владѣлъ только загородомъ (загородомъ), и, подобно угорскому бочекоршу, ходилъ въ ходакахъ, ходачкахъ (лаптяхъ, угор. бочекорахъ). Такой ходачковый шляхтичъ (miles caligatus уже ок. 1200 г., по польски вѣроятно влодыеа ходачевый) тѣмъ не менѣе могъ утѣшаться, что шляхтичъ въ загородѣ равенъ воеводѣ (szlachcic na zagrodzie gównu wojewodzie), что онъ можетъ быть и королемъ. Въ сущности такое демократическое настроеніе польской шляхты вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности, и вся эта темная масса шляхетскаго народа находилась на службѣ и на хлѣбахъ у немногихъ пановъ. Эти паны олигархи братались съ ними, управляли и пользовались ими по своему усмотрѣнію для своихъ цѣлей, и могли имъ даже наговорить, что поддерживаемые панами иноплеменные кандидаты польской короны, „Эрнстъ“ австрійскій или Генрихъ „Андегавенскій“ (d'Anjou), такіе же Поляки домородцы, „Пясты, Рдестъ и Гавенскій“, какъ они сами, Горекі, Ласкіе, Зборовскіе, Замойскіе, или всѣ братья герба Слѣповронъ. Польскіе шляхетскіе порядки распространились тоже на Литву и югозападную Русь, и русскіе князья и бояре дѣлались земянами, шляхтичами, рыцерами, приобрѣтая гербы и разныя привилегіи польской шляхты; а бояре не сдѣлавшіеся шляхтою, остались людьми не шляхетными, лично свободными. Титулы нѣкоторыхъ княжескихъ родовъ происхожденія русскаго и литовскаго (Острожскіе, Вишневецкіе, Чорторыйскіе, Радивилы и др.) остались только титулами. Въ сѣверовосточной Руси бояре въ Новгородѣ и въ Псковѣ занимали выдающееся мѣсто въ политической жизни этихъ общинъ, но послѣ присоединенія обѣихъ общинъ къ Москвѣ, они находи-

лись въ такомъ же положеніи, какъ московскіе бояре. Всѣ эти бояре сѣверовосточной Руси, русскаго царства, были только первымъ классомъ, степенью служилаго сословія: они, преклоняясь передъ сильною властью самодержавнаго царя какъ его „холопы“, никогда не приобрѣли такого значенія, какъ западославянскіе паны или югославянскіе боляре, влестеле, хотя, въ смутное время (1610 г.), стремились къ этому, но безуспѣшно. Въ составъ сѣверорусскихъ бояръ входили и потомки удѣльныхъ князей (Рюриковичей, Гedyминовичей), разные восточные царевичи, князья, которые сохраняли свой княжескій титулъ, называясь „князьями служилыми“. Въ царской думѣ засѣдали три „статьи“, бояре, окольничіе и думные дворяне; остальные классы или степени служилыхъ людей были дворяне и дѣти боярскія. Со временъ преобразованій Петра Великаго всѣ эти классы стали называться дворянствомъ или тоже шляхтою (еще въ XVIII в.). Вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси, равнымъ образомъ какъ и въ земляхъ чешскихъ, югославянскихъ, польскихъ, угорскихъ, являются, въ слѣдствіе нѣмецкаго вліянія, графы и бароны, замѣнявшіе прежнихъ бояръ, влестель, пановъ. Въ югославянскихъ земляхъ въ Турціи тамошніе бояре и влестеле сдѣлались бегами, спахами (спахіями), воинами землевладѣльцами, владѣя своими спахиликами (ленами) или чифликами (отчинами).

Славянская знать владѣла своими дѣдинами, баштинами, отчинами, какъ дѣдичи, отчичи, на правѣ дѣдичскомъ, на правѣ собственности. Эти дѣдины или имѣнія дѣдичныя, отчинныя (тоже дрполь. *imienia dziedziczne*, *im. odczyzne*, *bona paternalia*, *patriptotalia*). были либо имѣнія родовыя (племенщины), унаслѣдованныя отъ предковъ, либо пожалованныя государемъ тоже на правѣ дѣдичскомъ. Кромѣ такихъ дѣдичныхъ имѣній знать за извѣстныя службы получала отъ государя *имѣнія выслуженныя*, *выслуи*, какъ ихъ называли Чехи, Поляки и Русскіе, тоже на правѣ дѣдичскомъ, какъ „вотчины выслуженныя“, какъ говорилось въ московской Руси еще въ XVII вѣкѣ. Другія имѣнія государь жаловалъ только въ временное владѣніе или пользованіе подъ условіемъ извѣстныхъ повинностей. Такія имѣнія назывались въ древней Сербіи и Болгаріи *пронія* (изъ визант.-греч. *πρόνια*), вла-

дѣлецъ *проні яра*; въ московской Руси *помѣстье*, вѣроятно переведено изъ греч. *τῆπιον*, именно *στρατιωτικόν*. Со временемъ однако исчезла въ восточной Руси разница между вотчиною и помѣстьемъ, и помѣстьичеями, помѣщичеями стали называться съ XVII в. вообще всѣ землевладѣльцы, и прежніе вотчинники. Это стремленіе, замѣнить пронию въ бащину, замѣтно тоже у Сербовъ. Въ Польшѣ государственныя земли отдаваемыя во временное владѣніе, назывались позже *староства*, ихъ владѣльцы *старосты* (различныя отъ старостъ городовыхъ). У Чеховъ и у полабско-балтійскихъ Славянъ распространилось нѣмецкое феодальное право, по которому землевладѣльцы, дѣлаясь васалами (манами) государя, принимали свои и вновь жалуемыя имъ имѣнія въ ленъ. У Чеховъ сохранилось впрочемъ и славянское названіе мелкаго поземельнаго участка, отдаваемаго паномъ разнымъ лицамъ подъ условіемъ военной службы на конѣ, *направа*, и владѣлецъ *направник*; срв. дрсерб. направа коньска—хомутъ.

Славянская знать, приобрѣтая въ государственной жизни все больше значенія и правъ, приобрѣтала, подобно духовенству, тоже все больше льготъ для своихъ имѣній и подданныхъ, освобожденіе отъ многихъ общихъ повинностей, изыятіе изъ суда государственныхъ судей въ дѣлахъ неуголовныхъ, и наконецъ сдѣлалась для своихъ подданныхъ малыми государями. Государство и знать, взваливая на подданное народонаселеніе все больше тяжелыхъ повинностей, возбуждали его неудовольствіе, которое подъ часъ вспыхивало въ возстанія. Такія возстанія низшихъ классовъ противъ высшихъ встрѣчаются въ славянской исторіи не рѣдко. Уже въ IV в. у дунайскихъ Сербовъ (Сарматовъ) возстали подданные противъ господъ; такъ и въ Польшѣ въ XI, въ Хорватіи въ XVI в. Въ Болгаріи въ X в. Богомилы возтавали противъ подданства; они учатъ „не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки богу мнѣть работающихъ царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему“. Въ Чехіи гуситское движеніе породило радикальную партію, которая не признавала никакихъ повинностей подданныхъ еѣ господамъ, считая всѣхъ людей другъ другу равными; и хотя гуситская демократическая партія не восторжествовала, то всетаки ея идеи

о равенствѣ и братствѣ сохранило въ послѣдствіи „единство чешскихъ братьевъ“. На Руси простой народъ часто возставалъ противъ высшихъ классовъ, примыкая къ казавамъ, которые, сохраняя древнерусскія демократическія начала, долго, съ XVI до XVIII в. сопротивлялись государственнымъ порядкамъ, и поднимались противъ пановъ и бояръ и противъ государства, польскаго и русскаго.

5. Государственное устройство.

Община могла своимъ членамъ доставить только ограниченную безопасность; противъ вѣншихъ враговъ она, если не обладала особымъ могуществомъ (какъ на пр. нѣкоторыя городскія общины), оказывалась безсильною. Надо было заключать болѣе обширные союзы, подчиняться добровольно или вынужденно болѣе сильной центральной власти князя, который стоя во главѣ племени или цѣлаго народа, мало по малу образовывалъ новую политическую единицу, *государство*, какое бы оно съ начала ни было. Князь—государь, начальникъ выбранный или завоеватель, продолжалъ называться, какъ и другіе начальники родовъ и общинъ: *господарь* (государь), *дѣдичъ* и *отчичъ*, *владыка*, *войвода*, *князь*, *жупанъ* (у Сербовъ, съ прибавленіемъ „великій“). Особенно распространено было названіе *князь*, хотя происхожденія неславянскаго. Въ послѣдствіи славянскіе государи назвались, по примѣру восточно-римскихъ, византійскихъ императоровъ—цѣсарей, *цесарей*, *цѣсарями* или *царями* (болгарскіе въ X, сербскіе въ XIV, русскіе въ XVI вв.), или *князьями*, вѣроятно по сильному Карлу франкскому (хорватскіе въ X, сербскіе въ XI и опять въ XIII, польскіе въ XI и опять въ XIII—XIV вв., чешскіе въ XI—XIII вв.). Князь былъ главнымъ правителемъ и судьей своего народа, и во время войны его войводой.

Племенные князья, послѣ образованія государства, по большей части исчезли въ рядахъ знати; остались только тѣ, которые изъ племенныхъ стали князьями многихъ племенъ, соединенныхъ въ государство. Мелкихъ племенныхъ князей было у Славянъ

очень много. У восточныхъ были князья Полянъ, Деревлянъ, Дреговичей и др. племень; но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются здѣсь зачатки болѣе сильной княжеской власти довольно рано. Не говоря о загадочныхъ Скиахъ, у черноморскихъ Антовъ уже въ IV вѣкѣ является сильный государь, окруженный значительнымъ количествомъ знати, и приравняемый къ государю Готовъ. Это антское государство — позднѣйшая *Русь*, общее названіе всѣхъ восточно-славянскихъ племень, соединенныхъ въ одно политическое и народное цѣлое варяжскими Рюриковичами. Мелкіе князья альпійскихъ, подунайскихъ и балканскихъ Славянъ долго облегчали иноплеменникамъ, Римлянамъ, Готамъ, Гунамъ, Аварамъ, Нѣмцамъ, Византійцамъ, ихъ завоеванія и войны, пока наконецъ образовались на западѣ государства *хорватское* и *сербское*, а на востокѣ *болгарское*; *словенское* государство Сама было мимолетно, и словенскіе князья скоро исчезаютъ въ завоеванныхъ Нѣмцами странахъ альпійскихъ. У западныхъ Славянъ первое является *моравское* государство, начала котораго теряются въ отдаленныхъ временахъ. Роль моравскихъ князей восприняли *чешскіе* князья, которые соединивъ племена чешскія стремились создать другое западно-славянское государство. Тоже самое дѣлали *польскіе* князья, соединившіе племена восточныхъ Ляховъ; только у западныхъ, балтійскихъ Ляховъ и у полабскихъ Сербовъ образованіе большихъ государствъ не удавалось.

Князь былъ съ начала лицомъ выборнымъ, призваннымъ на эту свою должность народомъ. Но княжеское достоинство рано сдѣлалось наслѣдственнымъ въ извѣстныхъ родахъ, династіяхъ, какіе были на Руси *Рюриковичи*, въ Польшѣ *Пястовичи*, въ Чехіи *Премысловичи*, въ Сербіи *Неманичи*, и др. Выборное начало не исчезаетъ однако совсѣмъ, а является рядомъ съ наслѣдственнымъ, какъ на пр. въ сѣвернорусскихъ общинахъ; оно заявляетъ свою силу особенно послѣ прекращенія династій. Княжескій родъ, послѣ упроченія наслѣдственного начала, смотрѣлъ на подвластную землю какъ на свою *дѣдину* и *отчину* (*paterna hereditas, patrimonium*), равнымъ образомъ какъ и всякій частный родъ считалъ свое родовое имѣніе своею дѣдиною или отчиною. Для Рюриковичей вся русская земля была ихъ дѣдина, отчина; Сте-

фанъ Неманя возобновили свою дѣдину т. е. Сербію, которую Неманичи часто называютъ своимъ отчѣвствомъ; Хорваты называли свое государство дидиною, а Дубровчане свои владѣнія тоже дѣдинами. Князь-государь былъ дѣдичъ и отчичъ (дррус.), государь отчинный и дѣдичный (литовско-русскій вел. князь), своей дѣдины, отчины, государства; равнымъ образомъ и чешскіе и польскіе государи назывались дѣдичами, дзедзицами (heredes) своихъ государствъ (sv. Václav dědic české země). Каждый членъ княжескаго рода имѣлъ право пользоваться родовою отчиною, и получать *часть, дѣль, удѣль* этой отчины или дѣдины въ обширномъ смыслѣ. Такой удѣль сталъ тоже дѣдиною, отчиною удѣльнаго князя. Русскіе князья общая блюсти русскую землю, постановляютъ, чтобъ каждый держалъ свою отчину; они держатся этой своей отчины и дѣдины, и говорятъ, что имъ „отчины въ Угрѣхъ нѣтъ, ни въ Ляхохъ, токмо въ русской земли“; Новгородцы же просятъ у великаго князя Всеволода Юрьевича сына „княжить Новугороду, зане тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ“.

Такіе удѣльные князья стремились тоже къ самостоятельности, они стали тоже дѣдичи и отчичи въ своихъ дѣдинахъ и отчинахъ, полные государи въ своихъ княжествахъ. Такъ было именно на Руси и въ Польшѣ, между тѣмъ какъ въ Чехіи удѣльные князья держались строго въ границахъ подчиненности великому князю. Что касается престолонаслѣдія, то непрочность древнѣйшихъ порядковъ старались устранить введеніемъ закона о *старшинствѣ*, по которому старшій членъ цѣлаго рода (не семьи) дѣлался великимъ княземъ, а остальные члены рода получали удѣлы. Старшинство введено одновременно на Руси (1054) и въ Чехіи (1055), позже въ Польшѣ (1139). Но этотъ законъ не соблюдался, изъ за великокняжескаго достоинства и старшаго стола въ Кіевѣ, Прагѣ и Краковѣ, возникали безконечныя междоусобицы между старшими и младшими членами княжескихъ родовъ, пока наконецъ старшинство въ родѣ или тоже въ его линіяхъ не замѣнено *первородствомъ* въ тѣсной семьѣ, и престолъ переходилъ отъ отца къ старшему сыну. Такъ это было въ Сербіи съ конца XII в., въ Чехіи и въ Польшѣ съ начала XIII, а на Руси съ XIV—XV вв., хотя здѣсь въ Москвѣ еще въ первой половинѣ

XV в., дядя оспаривалъ престолъ у племянника. Славянскіе князья въ знаѣ ихъ достоинства сажались на „столъ отень и дѣдень“, престолъ каменный или деревянный, иногда богато разукрашенный (на пр. златокованный столъ въ Галичѣ, златый прѣстолъ болгарскій); такіе столы находились въ столицахъ княжества, въ „стольныхъ“ городахъ (такъ называются на пр. русскій Володимеръ волынскій и сербскій Расъ), стояли въ церквахъ (на пр. въ Кіевѣ и Новгородѣ въ церквахъ св. Софіи, въ Галичѣ и въ сѣверномъ Володимерѣ въ церквахъ св. Маріи и др.), или подъ открытымъ небомъ (въ Прагѣ посреди площади города—замка, у Словенцевъ недалеко Целовца на Господсветскомъ полѣ). Это сажаніе на столъ отень и дѣдень, это настованіе происходило въ присутствіи всѣхъ слоевъ народа, съ разными обрядами, которые ближе извѣстны въ Чехіи (здѣсь князья надѣвали лапти Премысла), на Руси и у хорутанскихъ Словенцевъ; у послѣднихъ они соблюдались еще въ началѣ XV вѣка. Старинный обычай сажанія князей на столъ замѣненъ, послѣ введенія царскаго и королевскаго титула, коронаціею или вѣнчаніемъ, по образцу византійскихъ и западныхъ коронацій въ цѣсари—цари и въ короли; являются вѣнцы [или короны: болгарская, хорватская, сербская, польская, чешская, русская.

У князя были разныя должностныя лица, его намѣстники, *княжіе мужи* (русс.), *урядники* (чешское и польское), *чельники* (югославянское), которыхъ онъ бралъ обыкновенно изъ знати. Это тѣ паны польскіе, которые „*personą króla znamię*“, тѣ болгарскіе бояре, „велемоштьнии земліе, иже великою чѣстію и имени славны по достоинію почтени бѣху отъ цара, имѣюште убо съврышену власть надъ всѣми странами и грады земліе въ мѣсто главы цареви, ему убо суште иже творима брати“. При государѣ, при его дворѣ находились наивысшіе сановники земскіе и придворные, завѣдывавшіе разными отраслями администраціи, судомъ, финансами, военнымъ дѣломъ, дѣлами двора и хозяйства, и намѣстники по областямъ. Всѣ эти сановники составляли совѣтъ, вѣче, думу государя, были его совѣтники—думцы (рус.); это были бояре думцы (думные, рус.), кмети (западнослав., югослав. и угор.), жупаны (вообще, хорв. и тоже угор.),

князья (кнезы, серб.); въ Польшѣ вмѣсто кметей являются позже паны рада, сенатъ. Эти должности были отъ части старинныя славянскія, основываясь на потребностяхъ государства и двора, отъ части чужаго происхожденія, образовавшись по примѣру чужихъ дворовъ, византійскаго, нѣмецкаго и пр. Названія этихъ должностей или свои славянскія или чужія (латинскія, латинско-нѣмецкія, греческія); такъ на пр. сановникъ завѣдывающій письменными дѣлами, канцеляріею государя, назывался на Руси *печатникъ*; югозападные Славяне называли его канцлеръ (лат.), южные позже логоветъ (греч.); въ Боснѣ назывался тоже *дьякъ*, что означало и на Руси секретарей (думные дьяки въ Москвѣ). Первымъ придворнымъ, дворскимъ, дворецкимъ сановникомъ (comes или *zupanus palatinus*) былъ *надворный жупанъ* (срв. угор. *pádor isráp*), дворскій кнезь и дворникъ (югослав.), дворскій—дворецкій (рус.), завѣдывающій дворомъ—дворцемъ князя, и по этому близкое къ государю лицо; въ Польшѣ назывался какъ полководецъ, *воевода* (но латин. *palatinus comes*). Дальше были судья (*judex curiae*, серб. дворскій судья), коморникъ (у запад. Славянъ, тоже у Хорватовъ и въ Боснѣ, изъ *camerarius*, тоже *cubicularius*), первоначально то что спальникъ, постельникъ, но потомъ тоже завѣдывающій княжескою коморою, казною, казначей, серб. казньць; владаръ (чеш.) и дѣдъ (хорв.) завѣдывали княжескимъ хозяйствомъ; маршалокъ (*marescalcus*, *agazo*), первоначально конюшій (хорв. *zupanus cavallarius*), ловчій (*venator*), стольникъ (*dapifer*), чашникъ (югослав. тоже винотокъ, пехарникъ, *pinsegna*), ключарь, мечникъ, и много другихъ подобныхъ имъ придворныхъ должностныхъ и чиновныхъ лицъ. Намѣстники князя назывались разнообразно, на Руси *посадники* (которыхъ князь „посадилъ“ въ городахъ), позже *наместники* (въ городахъ) и *волостели* (въ волостяхъ), а съ XVII в. *воеводы*. У южныхъ Славянъ намѣстники назывались *жупаны* (угор. ишпаны), въ жупахъ, жупаніяхъ, градахъ, и тоже *кнезы* въ властяхъ (волостяхъ), кнежинахъ, и ихъ помощники—поджупаны и поденежины; въ пограничныхъ областяхъ (бановинахъ—банатахъ, крайштахъ) были *баны* и *крайшники*. У западныхъ Славянъ намѣстники, живущіе по городамъ, назывались *кастеляны* (*castellani*). Какъ они называ-

лись по славянски, неизвѣстно: польскіе кастеляны носятъ уже во второй половинѣ XIII в. названіе *паны*, стало быть тоже самое названіе, какое носила высшая шляхта. Чешскіе кастеляны были „жупаны“ какъ члены жупанскаго (панскаго) сословія, а позже стали называться по нѣмцамъ *бурграфы (пуркграбіе)*, какъ переводили Нѣмцы и русское (новгородское) посадникъ. Это слово бургграфъ распространилось въ Польшу (*burggravia*, помощникъ городского старосты, въ Червоной Руси прежній воевода), и въ Хорватамъ (порколаб, поркулаб вмѣсто стар. градѣак, грашѣак). Чешское а польское *градодерже, градодержа* (кастелянъ)—только книжныя названія XIV—XV вѣковъ. Другое названіе намѣстниковъ у западныхъ Славянъ было *староста* (*capitaneus*), которое перешло изъ Чехіи въ Польшу; Чехи замѣнили его потомъ нѣмецкимъ *гейтманъ*; но еще въ XV в. гейтманъ (намѣстникъ) моравскій назывался иногда староста. Польскій *воевода* (*palatinus*) остался, послѣ соединенія разныхъ княжествъ съ польскимъ государствомъ, королевскимъ намѣстникомъ въ прежнемъ княжествѣ, а въ позднѣйшемъ воеводствѣ. Воеводы и воеводства распространялись, съ конца XIV и въ XV в., тоже на Литву и въ югозападную Русь. Подлѣ этихъ княжескихъ намѣстниковъ, обыкновенно наивысшихъ начальниковъ военныхъ, гражданскихъ и судебныхъ, были въ ихъ округахъ другія должностныя лица, самостоятельныя или помощники намѣстника, судьи и приставы (рус., югослав., тоже извѣстны на Равѣ) или коморники (чеш. и поль., по польски тоже возные), княжескіе управляющіе хозяйственными и нѣкоторыми судебными дѣлами (чеш. владари, поль. влодари, серб. владальцы, рус. тіуны), ловчіе, и др. Намѣстники часто назначались изъ знатныхъ родовъ землевладѣльцевъ той области, на пр. въ Чехіи и въ Польшѣ. Должность намѣстниковъ сдѣлалась наследственной въ извѣстныхъ родахъ; такъ это было до недавна въ Хорватіи и въ Угріи, и въ нѣкоторыхъ областяхъ сербскихъ; такъ на пр. были наследственные кнезы въ серб. кнежинѣ Старомъ Влахѣ изъ рода Рашковичей, въ южнодалмат. кнежинахъ (въ Грбалѣ) Лазаревичахъ, Бойковичахъ, Туйковичахъ, Любановичахъ, наследственные войводы въ нѣкоторыхъ кнежинахъ Герцеговины. Такая наследственность замѣчается иногда и при другихъ должностяхъ,

на пр. у московскихъ и тверскихъ тысяцскихъ. Иногда старинное выборное начало заявляло свою силу, и народъ пользовался большимъ или меньшимъ вліяніемъ на назначеніе должностныхъ лицъ. Такъ на пр. въ сѣвернорусскихъ общинахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, народъ выбиралъ себѣ не только своихъ народныхъ тысяцскихъ (воеводъ), сотскихъ, старостъ, но тоже посадниковъ, первоначально княжескихъ намѣстниковъ, но въ послѣдствіи должностныхъ лицъ общинъ, которыхъ Новгородцы и Псковичи выбирали изъ извѣстныхъ боярскихъ родовъ. Также и русскія казачія общины—войска выбирали себѣ своихъ старшинъ. Хорватскіе Поличане выбирали себѣ господина князя (кнеза), воеводу, и другихъ сановниковъ, хорватскіе Туропольцы—своего жупана, черногорскія племена—своихъ воеводъ, и пр. Такъ это было и въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ въ Далмаціи, въ которыхъ встрѣтились начала славянскія съ римскими. Это выборное начало признавала часто сама государственная власть, на пр. Русь и Польша относительно казацкихъ старшинъ, Хорватія (Угрія) относительно туропольскаго жупана, Венеція относительно поличкаго князя; короли польскіе и великіе князья литовско-русскіе предоставляли шляхтѣ витебской и полоцкой выбирать себѣ воеводъ (прежнихъ намѣстниковъ) по ихъ волѣ. Разныя должности снабжены были имѣніями, поземельными участками или извѣстными доходами, которыми „урядники“ временно пользовались. Въ Чехіи такія имѣнія назывались дѣдины кладскія (срв. русск. окладъ), *hereditates, bona ad castrum pertinentia* (срв. дрполь. *terrae spectantes ad castellatum, ad venatorem*), имѣнія по поводу жупы—должности (*bona nomine suprae*); поземельные участки принадлежащія къ жупанству—въ должности сельскаго старосты, жупана у полаб. Сербовъ (*mansi ad officium supranatus*). Русскіе намѣстники и волостели и воеводы получали „въ кормленіе“ города и волости, т. е. извѣстную часть доходовъ, пошлины судебныя, торговля и др., кормъ (содержаніе), деньгами и натурою.

Равнымъ образомъ, какъ названія разныхъ начальниковъ родовъ, общинъ, государствъ, принимали, со временемъ и въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, разныя значенія, такъ это было и съ названіями должностныхъ лицъ. Такъ на пр. *кметы* у запад-

ныхъ и у южныхъ Славянъ вообще наивысшіе сановники земскіе и придворные, составлявшіе совѣтъ (западослав. раду) или думу государя, стали у Чеховъ въ XIV—XV вв. наивысшими судьями земскими; Поляки тогда уже забыли старинное названіе *емети*, и называли ихъ *рыцарями*; русскіе *бояре думы* въ западной Руси стали называться на польскій ладъ *паны рада*. *Кастеляны* въ Польшѣ теряютъ свое первоначальное значеніе княжескихъ намістниковъ, и на ихъ мѣсто вступаютъ *старосты* и *воеводы*. На Руси *посадники* сохраняются только въ сѣверныхъ общинахъ въ значеніи сановниковъ общины, а въ другихъ земляхъ русскихъ вмѣсто нихъ являются *намістники* и *волостели*, *старосты*, *воеводы*. Въ Сербіи жупаны—намістники исчезаютъ въ XV в., встрѣчаются потомъ очень рѣдко, и на ихъ мѣстѣ являются повсюду *кнезы*, тоже *войводы*, между тѣмъ какъ въ Хорватіи и въ Угріи намістники сохраняютъ это старинное названіе, жупаны (шпаны, ишпаны), до сихъ поръ. Чешскіе и польскіе *жупаны* стали называться *панамы*, а жупаны, жупари, жушцы были въ Польшѣ низшіе судьи, засѣдавшіе въ жупѣ, низшемъ судѣ земскомъ (не въ вѣчѣ); жупаны у полабскихъ Сербовъ (до XVI вѣка), равнымъ образомъ какъ и у Словенцевъ и Хорватовъ, сельскіе старосты—судьи. По мѣрѣ знакомства Славянъ съ чужими порядками, государственными и общественными, являются у нихъ чужія названія должностныхъ лицъ и должностей; въ старинныхъ уже давно принятымъ словамъ: князь, царь, браль, канцлеръ, дьякъ, коморникъ, маршалокъ, пурерабіе-бургграфъ, гейтманъ и пр., являются у Болгаръ и у Сербовъ византійскія: кефалія (вм. жупанъ, а жупа, область—хора), кастрофилакъ, логоуетъ, севастократоръ, протоспатаръ, кесарь, деспотъ и др.; турецкія: сердаръ, харамбаша, спяхія и др.; у Русскихъ (казаковъ) татарскія: вошевой (атаманъ), асаулъ-есаулъ, бунчучный, паланка, и др., латинскія и нѣмецкія и др. (со временъ Петра Великаго): сенатъ, коллегіи (министерства), губернаторы, оберъ-полицеймейстеры, гофъ-маршалы, камергеры, шталмейстеры, и цѣлая вереница чужой номенклатуры гражданскихъ и военныхъ чиновъ и учреждений.

Князья, соединяя общины, племена, въ одно политическое цѣлое, въ государство, оставили общину какъ вспомогательное

учрежденіе относительно взыскиванія разныхъ для поддержки новой государственной жизни необходимыхъ повинностей. Но не всегда такія общины (ополя, околицы, волости, верви, и пр.) годились для новой жизни; въ виду большаго единенія общинъ и племень надо было создавать новыя административныя единицы, округи, поручать ихъ своимъ людямъ, чиновникамъ, представителямъ новой власти, государства. Такіе новые округи назывались разнообразно. *Земля* могла быть очень обширная, русская, польская, но тоже поменьше, земля племени: земля кievская („русская“ въ тѣсномъ смыслѣ, также „польская“ т. е. земля Полянъ), земля новгородская, земля польская (т. земля Полянъ по Вартѣ), земля мазовская, земля краковская, гдѣ „земля“ означаетъ тоже самое что „княжество“, а прежде и область племени, Полянъ-Руси, Словѣнь, Мазовшанъ, Хорватовъ. Такія земли-княжества могли раздѣляться еще на меньшія „земли“; такъ на пр. мазовская земля раздѣлялась на десять земель—округовъ; такихъ „земель“—округовъ встрѣчается много у полабскихъ и балтійскихъ Ляховъ, такъ на пр. на Ранѣ было девять земель. То что земля, означало и *волость*, *власть*; на пр. на Руси была волость новгородская, т. е. вся земля, но были и волости новгородскія, т. е. провинціи (Заволочье, Пермь, Печора и др.), были волости—общины; обыкновенно же волость была подраздѣленіе земли. *Власти*—округи (об-власти), были тоже у Словѣнь, Сербовъ, Болгаръ; „область“ струмская въ юговосточной Македоніи называется въ XIV вѣкѣ тоже „жупа“ струмская. У Словенцевъ *власть* (*last*)—имѣніе (*dominium*), а серб.-хорват. *владанье* можетъ быть государство и имѣніе. Чешское *власть*, родная земля, родина, польское *влошьць* (*włóść*)—волость, именно сельская (*włóścianin*—поселянинъ). Територіальное значеніе имѣетъ слово *упздъ*, вообще земля, округъ „уѣханный“, отмежеванный „разъѣздомъ“, на Руси позже, съ XIV в., извѣстный округъ, что означаетъ и чешское *край*.

Древнее слово *жупа*, которое употреблялось въ разномъ значеніи, означало у южныхъ Славянъ тоже извѣстный округъ; такъ у Сербовъ и у Хорватовъ, у послѣднихъ тоже *жупанія* управляемая жупаномъ (а жупа потомъ приходъ, жупник — при-

ходскій священникъ), равнымъ образомъ какъ *кнежество*, *кнежна*, *кнежевина*, *кнежія*—округъ, управляемый влезомъ; югослав. жупан и влез, жупанія и внежія часто означаютъ одно и то же самое. У западныхъ Славянъ слово *жуна* не означало, по крайней мѣрѣ въ историческое время, округъ. У Поляковъ жуна—еще въ XIII в. повинность (*beneficium—supra—stan*, *in appona*, *resore*, *argento solvitur*), можетъ быть „жуна“—повинность извѣстной жуны—ополя; дальше жуна въ XIII—XIV вв. должность (*supra-officium*), именно должность судьи-жупана, жупаря, жупцы, или самый судъ земскій (*supra-judicium regale*), въ которомъ засѣдаютъ жупари (*supragii*). Эти „жупцы“ (*supragii*) встрѣчаются въ Мазовіи еще въ XV—XVI вв. какъ низшіе судьи (*honorati et eorum supragii—czestnicy* т. е. *urzędnicy albo ich żupcy*); но около половины XVI в. судъ жупць упраздняется (*judicia supragiorum palatinus delevit, sędziowie, podsądkowie ziemscy mają sądzić własnymi osobami a nie przez żupce*). Также у Чеховъ жуна была должность, судъ (*officium suprae* въ XIII—XIV в.), рядомъ съ другими судами; такъ на пр. еще въ полов. XIV в. существовали въ краѣ зноемскомъ суды: жуна, судъ крайскій, судъ владаря, судъ поправцы (*in provincia znojmensi supra, judicium provinciale, villicacio, porpavcionatus*); также и *supragii* были извѣстны въ Чехіи XIII в. У полабскихъ Сербовъ еще въ XVI в. (около Мишня) волость жупана-сельскаго судьи называлась жупанія. Древнепольскія „земли“ или „вняжества“, въ которыхъ при дворѣ князя находился первый его воевода (*comes palatinus*), перемѣнились, послѣ исчезновенія княжествъ, въ *воеводства* (*palatinatus*), которыя раздѣлялись на земли или поваты.

Подобно тому, какъ у Поляковъ (вѣроятно и у Чеховъ) изъ „жуны“—общины (округа) стала „жуна“—должность и повинность (на пр. станъ), такъ и на Руси изъ слова *станъ*, т. е. мѣсто остановки (срв. чеш. станъ-шатеръ) князя или его мужа, боярина (путешествующаго, объѣзжающаго область, уѣздъ, собирающаго дань), сдѣлался *станъ*—округъ; и древнерусское *путь* приняло значеніе управленія извѣстными доходами, и самаго дохода, идущаго въ пользу „путнаго“ боярина. Древнерусскій

попостъ—волость, округъ, и его центральное селеніе, не что иное, какъ мѣсто погощенія, угощенія князя и его чиновниковъ. Ляхи называли эту повинность *юститва*, *юстиница* (зерномъ и скотомъ), и она взималась въ Польшѣ съ ополя (волости). Округъ, жители котораго собирались на совѣщанія, вѣча, назывался *повѣтъ* (поль.), что позже стало въ Польшѣ и въ югозападной Руси подраздѣленіемъ земли, воеводства.

Средоточіемъ, столицею округа былъ обыкновенно *городъ*, къ которому—по древнерусскому выраженію—„танула“ его волость, т. е. обязана была нести разныя повинности по поводу города, которому населеніе его „владанья“ должно было служить разныя службы, какъ выражались Хорваты. По этому—по древнесербскому опредѣленію—жула есть „предѣлъ града“, что означаетъ и угорско-славянское *вар-меѣа* (угор. *várgmegye*), т. е. межа вара, вароша (града), хорват. *градска меѣа* (*меѣа*); а также и на Руси думали, что не можетъ быть „городъ безъ уѣзда“. Многіе города существовали давно до образованія государства, да они сами сдѣлались „государствами“, какъ на пр. сѣвернорусская община Новгородъ, столица обширной земли. У такихъ „старшихъ“ городовъ были свои *пригороды* (рус.), которые находились въ извѣстной зависимости отъ первыхъ; можетъ быть, что ляхскіе (балт.-слав. и польскіе) *приарды* и *природки* были первоначально такіе же пригороды. Большою самостоятельною пользовались тоже города въ поморскомъ княжествѣ, особенно Щетинъ. Послѣ образованія государства города дѣлались центрами новыхъ административныхъ округовъ, которые у западныхъ Славянъ назывались *кастеллія*, по-польски *городство* (такъ переводится *castellania* въ XV в.). Можетъ быть, что и Чехи знали это слово, судя по названіямъ городскихъ округовъ Прахенско, Бръненско (прилаг. сред. р. отъ названій городовъ Прахень, Бръно); на другомъ мѣстѣ надо подразумѣвать и княжество (*knězstvo*): Луцко, Злицко (еняжество. Лучанъ, Зличанъ), которыя позже измѣнились въ Жатецко, Куримско (градство?). Такъ какъ въ такомъ городѣ находился судъ, то у всѣхъ Ляховъ (польскихъ и балтійско-полабскихъ) слово *городъ*, употреблялось и въ смыслѣ суда. У Хорватовъ судъ жу-

пы (состоявшей изъ нѣсколькихъ племенъ), завѣдываемый ротнымъ (присяжнымъ) жупаномъ (шпаномъ), кнезомъ или поденежиномъ съ ротными судцами, назывался *столъ*, вѣроятно по столу находившемуся въ центральномъ городѣ или селѣ жупы; такой каменный столъ находился еще въ концѣ XVII в. въ общинныхъ избахъ хорватскихъ общинъ Истріи, гдѣ народъ выбиралъ жупана — судью. По такимъ столамъ или столицамъ-судамъ вѣроятно назывались городскіе округа у Словаковъ *столицы*. Подобно тому и слово *лава*, *лавица* (скамья, лавка, псковское лавица), въ которыхъ засѣдали судьи, у Чеховъ и Поляковъ приняло тоже значеніе самаго суда (польскіе лавники—судьи въ городскомъ судѣ, нѣм. *scabini*, *schöppen*).

Государство оставило прежнія повинности общинъ, и ввело новыя, взыскиван ихъ съ такихъ общинъ (ополей, волостей и пр.), которыя еще долго составляли административныя, судебныя и податныя единицы. Повинности распространялись на всѣхъ жителей округа, на всѣхъ *жуплянахъ* (серб.), *волошанахъ* (рус.); всѣ они должны были нести разные налоги и повинности, имѣющія въ виду разныя потребности государства и князя. Налоги деньгами и натурой, были — смотря по тому, давались-ли или брались-ли — разнообразная *дань*, *дажда*, *дача*, *подача*, *подачка*, *данькъ*, *поданькъ*, или *берня*, *бирь*, *берщина*, *боръ*, *поборъ*. Дани платились первоначально по большей части натурою, разными произведеніями и предметами сельскаго хозяйства или охотничьяго, рыболовнаго промысловъ, на пр. зерномъ (*сепъ*, *осепъ*, *осопъ*, югослав. *наметькъ* житній, у Сербовъ тоже *соћ* изъ латин. *vosagium*, въ западной Руси *дякло* изъ литов.), скотомъ (что называлось волоберщина или просто волъ, корова, овца, свинья, наметькъ овчій, свиній), медомъ (медовое), льномъ, полотномъ, рыбами, дичью, шкурами звѣрей, мѣхами, и пр. Всѣ эти предметы замѣняли у Славянъ деньги, и по этому дррус. *скотъ* означаетъ не только скотъ, но тоже деньги (срв. латин. *ресу-ресупіа*). Золото и серебро съ начала вѣсились, и славянская *гривна* была первоначально золотое или серебряное ожерелье на подобіе гривы, и только позже извѣстный вѣсъ металла, представляющій извѣстное количество денегъ, равнымъ обра-

зомъ какъ и русскій *рубль*—отрубленный кусокъ серебра (въ Польшѣ XV в. считался вѣсомъ: *rubl albo funt, ruble podle wagi*); такъ и *цѣта* (цѣта, цѣта), первоначально извѣстное украшеніе, потомъ монета. Дань, платимая серебромъ (вообще деньгами, срв. *argentum—argent*), называлась въ югозападной Руси до XVI вѣка *серебрищина* (серебщишна). У Славянъ первоначально были въ обращеніи чужія монеты, римскія, итальянскія, франкскія, нѣмецкія, византійскія и пр., и только позже Славяне стали чеканить свою монету. Названія монетъ у Славянъ по большей части не славянскаго происхожденія: солиды, сольдины (*solidus*), денаръ, динарь (*denarius*), грошъ (*grossus, grosso*, съ XIV в. особенно чешскій грошъ распространившійся въ Польшѣ и на Руси), аспра (*ἄσπρον*) и перперъ, перпера (у юж. Славянъ, греч. *πέρπερον*), пѣнагъ, пѣназь (пенязъ, *pieniadz, peníz*, нѣм. *pening, pfenig*), штылагъ, щылагъ, сылазь (златица), стлазь (поль. *szeląg*, нѣм. *skiling, skilings, schilling*), извѣстный на Руси уже въ древнѣйшія времена, скотъ (*scutum, scotus*, нѣм. *skatta, schatz*, можетъ быть изъ славян. *скотъ*), извѣстный тоже въ Польшѣ XIII—XVI вв. (*scotus*, по поль. *skot, skotec*), алтынъ и деньги (татар.), и другія названія златиць, златниковъ (червонцевъ, дукатовъ), и сребрениковъ. Но такъ какъ наличныхъ денегъ было мало, то все еще замѣняли деньги разные продукты промышленности. Славяне въ Германіи платили дань серебромъ, медомъ, шкурами, льномъ и полотномъ (*paltena* уже въ IX в.); у Чеховъ въ X в., а на Рани въ XII в. денежные знаки замѣняли платочки весьма тонкой ткани. Можетъ быть, что слав. *платъ* (*rapnus*, *платье, платокъ, платно*—полотно, *плащъ*) имѣетъ извѣстную связь съ *платъ*—*плата, платить*. Денежными знаками служили особенно шкуры, мѣха разныхъ звѣрей, кунъ (куницъ), вѣшь, бѣлъ (бѣлокъ), вевериць, лисиць и пр., цѣлые мѣха или отрѣзанные куски кожи, цѣна которыхъ опредѣлялась въ отношеніи къ серебру. Эти названія шкуръ стали въ послѣдствіи означать и денежные знаки, монету, когда вмѣсто такихъ шкуръ давно употреблялись металлическія деньги. Славяне на нижней Лабѣ въ землѣ ратиборской платили въ началѣ XIII в. извѣстную подать *куновое* (*sensus scilicet decima et chunowe*). Въ Польшѣ въ XIII

вѣѣ платили тоже кунами, и гривна кунъ (*marca cupagum*) равнялась третьей части гривны серебра; а въ XIV в. платилось судьямъ либо серебромъ (гривнами, скотами), либо шкурами и кожухами (шубами), при чемъ три гривны равнялись тремъ куннымъ шкурамъ. Въ Хорватіи и вообще въ Угріи государственная дань называлась еще въ XV в. куны (*marturinae, collecta marturinalis*, хорв. куновина?); но это было тогда только названіе перенятое съ древнѣйшихъ временъ, гдѣ подданные люди вносили дѣйствительно по куней шкурѣ, называясь по этому куничники; съ XII в. кунюю называлось уже извѣстное количество денегъ (12—18 денаріевъ). Также и въ Угріи эти *marturinae* въ XIII в. платились шкурами или деньгами (*pelles marturinae seu census pro eisdem*, у Словаковъ турчанскихъ и липтовскихъ). На Руси кожаннныя деньги сохранились отъ части до XVIII в.; но и здѣсь куна и куница означало со временемъ извѣстное количество денегъ. Такъ въ XV в. въ Новгородѣ обыкновенная дань называлась черная куна; собирали ее (куницы, бѣлы и рубли) чернокунцы, а чрезвычайную дань, черный боръ, черноторцы. Дань куничная, куница (въ нѣсколько грошей), которая отличается отъ дани грошовой, медовой, бобровой, платимая куничниками, людьми куничными, была извѣстна въ западной Руси еще въ XVI в.; особая же куница—плата за выдаваемую за мужъ дѣвушку, платилась во всей Руси до XVII вѣка. Бѣлка (писчая) была еще въ XV в. извѣстная плата (за перепись земли); 100 бѣлъ равнялось одному рублю, куній мѣхъ цѣнился меньше чѣмъ въ одинъ рубль. Со временемъ, когда наличныхъ денегъ стало больше, разныя дани натурою замѣнялись денежными данями; такъ на пр. въ Польшѣ въ XV в. медовое замѣнялось денежною данью $1\frac{1}{2}$ гроша; въ западной Руси въ XVI в. бобровщина платилась грошами (дань бобры або за бобра по 45 грошей).

Дань платилась въ извѣстный срокъ, и по этому называлась *нарокъ, урокъ, оброкъ*. Она платилась миромъ (общиною) ради мира (мира для, рус.), и вѣроятно по этому у Чеховъ и Поляковъ называлась *миръ*. Дань платилась съ земли, по землѣ, и по этому въ Новгородѣ извѣстная дань называлась *поземъ*. Податною единицею было *рало* или *соха* и *плугъ*, т. е. извѣстный

участокъ земли обрабатываемый раломъ или плугомъ, у Чеховъ называемый *поплужіе*. Между этими двумя земледѣльческими орудіями и мѣрами была та разница, что тяжелый плугъ считался вдвое большимъ рала, и по этому и дань съ плуга была въ вдвое больше; такъ на пр. въ Польшѣ въ XIII в. платили съ плуга 9 скотовъ, а съ рала 4½, скота (de magno aratro hoc est de plugo ne 9 scoti, de parvo aratro—uncus—quod *radlo* dicitur 4½, scoti). У балтійскихъ Ляховъ на нижней Лабѣ еще въ концѣ XVII в. *радло* (древній uncus, slavicum aratrum, нѣм. haske) отличалось отъ *плуга*; *ратай* (вм. *оратай*) былъ тотъ, который не „плужилъ“, а „оралъ“ раломъ съ двумя волами; въ нѣкоторыхъ польскихъ земляхъ до сихъ поръ отличается *ратай*—пахарь съ волами (воляръ) отъ *орача*—пахаря съ конями. На Руси уже въ древнѣйшія времена взималась „дань отъ рала“, и „дань отъ плуга“, а въ послѣдствіи „по сохѣ“; такъ на пр. въ XV в. новгородскій черный боръ взимался „по старинѣ съ сохи по гривнѣ, а въ соху два коня да третье припряжь, плугъ за двѣ сохи“; при этомъ считались неводъ, лавка, ремесло за соху, а ладья за двѣ сохи. Въ Новгородѣ кромѣ плуга и сохи была еще третья до сихъ поръ въ сѣверной Руси извѣстная мѣра земли подъ пашню, *обжа* (отъ: обжать, обжинать), третѣ сохи: „обжа, одинъ человекъ на одной лошади ореть, а кто на трехъ лошадяхъ ореть, ино то соха“ — объясняли Новгородцы вел. князю Ивану III. Въ Псковѣ и военная повинность отбывалась посошно, т. е. съ десяти сохъ человекъ конный. Въ югозападной Руси дань серебряная, *серебщина*, взималась тоже съ сохъ (отъ каждое сохи оромое по пяти грошей, отъ сохи по 30 грошей, и пр.), до второй половины XVI вѣка. Дань по ралу или по сохѣ, называлась у всѣхъ Ляховъ (балтійскихъ и польскихъ) *порадльное* (poradlne, гдѣ надо подразумѣвать *мыто* т. е. плата), въ сѣверной Руси *поральное*, *поралье*, *поральское серебро*, въ югозападной Руси *посощина*, что и была серебщина. Чехи, судя по слову поплужіе, называли эту дань вѣроятно *поплужное*. Кромѣ рала и плуга податною единицею была тоже усадьба, *дворъ* и его огнище, очагъ, *дымъ*; такъ уже въ древнѣйшія времена на Руси платили дань отъ двора, отъ дыма: дань (мыто) отъ двора назы-

валась въ Польшѣ *подворовое*, а дань отъ дыма у всѣхъ Славянъ *подымщина*, *подымное*, *дымнина* (*дымина*), *дымница*; въ югозападной Руси подымщина была такая же серебщина, что и посощина, въ Польшѣ еще въ XVI в. главная государственная дань (королевство, *królestwo*) было *podymne albo potadnie*, которое взымалось уже не съ „дыма“ или „рала“, а съ новыхъ полевыхъ мѣръ, съ волоки (влоки) и лана (нѣмец.); также и въ Хорватіи въ XVI в. взымались *fumi*, *resuniae fumales*. На Руси земли облагались данью—какъ выражались въ XV вѣкѣ—„по сохамъ и по людьямъ“; по этому известная дань на Руси называлась, съ древнѣйшихъ временъ до XVI в., *полюдье*. Такое полюдье собирали русскіе князья уже въ X в., объѣзжая свои земли; оно встрѣчается въ XII в. въ земляхъ новгородской и смоленской (кромѣ дани платимой гривнами), а въ югозападной Руси, въ земляхъ кievской, мозырской, могилевской и свислочской, еще въ первой половинѣ XVI в.: полюдье, полюдное, полюдованье, собиралось здѣсь, кромѣ дани, грошами, вуницами, лисицами и медомъ; мозырскій намѣстникъ объѣзжая волости, получалъ въ годъ полюдья „по носатеѣ меду и по лисици съ каждого дыму“. Такъ называемая добровольная подать или *даръ* подданныхъ называлась у всѣхъ Славянъ *поклонъ*, *поклона*, *поклонное*.

Кромѣ разныхъ податей, деньгами и натурой, было много чрезвычайно разнообразныхъ повинностей, къ которымъ были обязаны жители общинъ и округовъ, жупляне (серб.), волощане (рус.), относительно государства и князя. Это—*земскія повинности*, *работы* или *роботы*, великія и малыя, *службы*, и пр., и ихъ совокупность составляла *право славянское* (*jus slavicum*, у балтійскихъ Славянъ), чешское, польское, русское, въ противоположность праву чужому, нѣмецкому. Одной изъ самыхъ важныхъ повинностей была *военная служба*, которая и называлась *война* (поль.), *войска* или *войница* (серб.), *войщина* (хорв.), и которая сохранилась до позднѣйшихъ временъ въ русскомъ ополченіи, польскомъ посполитомъ рушеніи, хорватско-угорской инсурекиціи (устанкѣ), чешской готовности валечной. Военная служба была главною обязанностью знати, но тоже и остальнаго населенія. На Руси и въ древней Польшѣ (X—XI вв.) была

отборная военная княжеская *дружина*; возлѣ нея были и народные *вои* (русье.) подѣ своими тысяцскими или воеводами, сотскими или сотниками и др. начальниками, которые встрѣчаются у всѣхъ Славянъ и какъ начальники военные. Службу военную несло особенно населеніе на границѣ, стоя на стражѣ у главныхъ входовъ (бранъ, бронъ, воротъ) въ землю, и вообще на окраинахъ (краинахъ, украинкахъ, краицахъ); такое пограничное войско составляли чешскіе *ходы*, русскіе *казаки*, хорватско-сербскіе *краишники* (граничары). Болгарскіе *войники* во время турецкаго владычества, были обязаны къ извѣстной воинской службѣ, но за то были свободны отъ всѣхъ повинностей и налоговъ и владѣли своими свободными баштинами. Вооруженіе и способъ воеванья у Славянъ были во многомъ сходны, какъ сходны и названія оружія (мечъ, копье, сулица, лукъ, щитъ, пращакъ-порокъ, прилбца и пр.), и другихъ военныхъ порядковъ (трубы, бубны, возы, засѣки и пр.). Такъ въ VI в. словѣнское войско въ Мизіи воевало окруженное возами, Русскіе бились на Калкѣ съ Татарами изъ „города въ колѣхъ“, и такой восточный „городъ“ (укрѣпленіе) встрѣчается у Чеховъ, которые его усовершенствовали (возова градба, таборъ), у Поляковъ (таборъ, обозъ) и Русскихъ (казацкій таборъ). Дунайскіе Словѣне въ VI в. бросались въ сраженіе пѣшіе, полунагіе, безъ рубахъ и плащей, только въ гащахъ (штанахъ), а въ XIII в. русскіе Новгородцы „сѣдше съ конь и порты и сапожѣ сметавше бося поскочиша“. Чехи противъ нападающихъ враговъ „зарубляли лѣсъ“, дѣлали „засѣки“; Русскіе въ лѣсахъ „засѣкались“ отъ враговъ, засѣкали пути, дѣлали въ лѣсу „осѣки“ и „тверди“, какъ и Поляки (*osecones et firmitates*). Разумѣется, что Славяне тоже принимали разные военные порядки и ихъ названія отъ иноплеменниковъ, съ запада и съ востока; такъ уже въ древнѣйшія времена приняты отъ Нѣмцевъ слова шлемъ (*helms, helm*), стягъ, стегъ (знамя, *stange*), брѣнне (чеш. *brnění, brunja*), и позже много другихъ, такъ что военная терминологія у Славянъ испещрена множествомъ словъ нѣмецкихъ и французскихъ. Въ XV в. чешская военная терминологія, отъ части славянская, отъ части уже нѣмецкая, распростра-

нилась въ Польшу и на Русь (пушки—гуфницы, тарасницы, пищали, гейтманъ—гетманъ). Съ другой стороны Славяне приняли и отъ Турокъ и отъ Татаръ колчанъ, кольчугу, дзиду (копье), карабелу, бұздыгапъ—бұздованъ, булаву, бунчукъ, ханджаръ, ятаганъ, и пр. Къ военной повинности принадлежали разныя работы относительно главнаго военнаго центра округа, *юрода*; надо было городъ дѣлать, рубить, зидать, твердить, поправлять, какъ это хорошо опредѣляетъ сербскій законъ „о зиданіи града: где се градъ оборить, да га направе граждане того града и жупа што есть предѣль того града“. Надо было строить и поправлять стѣны и укрѣпленія, разныя избы, хижи, дома, копать рвы или перекопы, строить мосты и дороги; стеречь, блюсти городъ (градоблюденіе, стража—строжа—сторожа), и пр. Эта повинность, называемая часто просто *юродъ* (*юродъ*, *градъ*), была очень важна, и по этому рѣдко причислялась къ льготамъ, которыя жаловалъ князь землевладѣльцамъ.

Очень разнообразны и тяжелы были разныя повинности, относящіяся къ особѣ князя, къ его двору и хозяйству, къ его дружинѣ, прислугѣ, чиновникамъ, гонцамъ, посламъ, и пр. Надо было доставлять имъ во время объѣздовъ, путешествій, охоты—проводящихъ, возы, коней, что называлось *проводъ*, *преводъ*, *подводъ*, *повозъ*, *поызъ* (*поызда*); надо было доставлять имъ квартиру, гдѣ бы могли остановиться, приселиться, залазить (залѣзти), ночевать; эта повинность называлась *станъ* (поль., рус., серб.), *приселища* (серб., болгар.), *залазъ* (хорват., *descensus vulgariter zalaz*, вѣроятно и *залазина*), *поцлеизъ* (чеш.); надо было доставлять пищу и кормъ (*нарпъзъ* у запад. Славянъ, *кормъ* рус., *зобъ* хорв., *позобъ* серб., *зобы* болг.), вообще ихъ угощать (*юститва* у балт. Славянъ), содержать коней, псовъ и соколовъ и псарей и соколарей (что и называлось *конь*, *песъ*, *соколъ*, *псарь*, *соколарь*), и пр.; надо было отправлять разныя полевныя работы (дррус. *посошную службу*), оранье (паханье), жатву, сѣнокосъ, сѣнокошу или сѣножать, и пр., въ лѣсахъ производить вырубку, *пръспьку* (у запад. Славянъ), и т. д. Память о многихъ повинностяхъ цѣлыхъ селеній сохранилась до сихъ поръ въ ихъ названіяхъ, указывающихъ не только на занятія, но и на повин-

ности жителей: Скотники, Коняры, Волары, Кравары, Овчары, Свинары, Бортники, Уляры, Бобровники, Рыбары, Псары, Со-
воляры (Сокольниковы), Пекары, Кухары, Виняры, Ковары (Кова-
ле), Колодѣе, Здуны, Дегтары, Решетары, Златники, Рудники,
Водѣрады (радить—работать), Щитары (Щитники), Корабники,
Стрѣльце, Ратае, Полерады, Земѣтѣги, Сѣножаты, Слуги, и пр.
Были тоже добровольныя полевныя работы, которыми первоначаль-
но помогали сосѣди другъ другу, но которыя со временемъ
сдѣлались отъ части тоже повинностями относительно господина
это *толока* (*тлока*, *тлака*, литов. *talka*), *помочь*, извѣстныя до
сихъ поръ многимъ Славянамъ, *моба* (т. е. мольба) у южныхъ
Славянъ, *поваба* (поль., чешско-морав., повабить—позвать—
пригласить), *ласка* (чеш.), все старинныя слова и обычаи; такъ
на пр. въ XIV—XV вв. въ краковской землѣ на полевныя работы
созывали кметей на повабу, тлоу, помощь (*convocatio kmetonum
quae dicitur powaba vel tloka sive potoc*); толоки встрѣчаются
въ XV—XVI вв. въ югозападной Руси, на пр. въ бѣльскай землѣ.
Эти разныя повинности со временемъ тоже превращались въ де-
нежныя дани, мыта (цла, царины, пошлины), мостовое—мостное,
повозное и др.; такъ на пр. уже въ XIII в. въ Польшѣ строжа
замѣнялась данью шеурами, станъ данью зерномъ и серебромъ,
въ Чехіи повозъ или поѣзда тоже денежною платою.

Дани и повинности распредѣлялись, налагались (срв. на-
логъ), „рубились, разрубались, метались, розметались, примета-
лись, наметались“ (дррус.) на общины—волости, погосты, ополя,
жупы, и назывались на Руси *меты*, *розметы*, *приметы*, *наме-
ты*, у Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ *наметы*, *наметки*. Древ-
нерусское *рубить* (обрубать—распредѣлять, обкладывать), древ-
неполь. *врѣб* и *порѣб* (*wręb et oser*, *poręb porównu*)—извѣст-
ная плата, подать, дрчеш. *врѣз* (*vřez*)—тоже извѣстная плата,
серб. *порез*, *пореза* — подать, указываютъ вѣроятно на способъ
отмѣтки таковой дани и платы на кускѣ дерева, на биркѣ (чеш.
вруб), какъ и Сербы до сихъ поръ говорятъ: порез разрезать,
порезу порезати т. е. дань распредѣлить. Названія волостей —
общинъ, погостъ, ополе, жупа, употреблялись тоже въ смыслѣ
повинностей, налоговъ. Въ Польшѣ въ XIII в. разныя повинно-

сти отправлялись ополемъ (*solutiones ratione opole, stroza provinciae opole, vacca et bos pro usu ducalis mensae de vicinia*); въ Сербіи въ XIV в. были приплаты жупскія, работы у жупу. На Руси въ XVI в. населеніе волости „тянуло“ къ волостному старостѣ и къ сотскимъ, которые сами собирали по селамъ поборы для княжескихъ чиновниковъ и вообще смотрѣли за отправленіемъ повинностей тяглыхъ людей; въ западной Руси по волостямъ были старцы серебряный и медовый. Такія же обязанности, какъ русскіе старосты и сотскіе, имѣли древнехорватскіе сатники.

Всѣ эти дани и повинности тяготѣли первоначально на всѣхъ сословіяхъ, подчиненныхъ одному общему земскому праву. Со временемъ, когда особенно духовенство получало отъ благочестивыхъ князей и землевладѣльцевъ все больше земель и подданныхъ „за душу“ жертвователей, какъ „задушіе, задушнину, душниковъ“ (какъ говорили западные и южные Славяне), то духовнымъ землевладѣльцамъ (а потомъ тоже свѣтскимъ) удалось, приобрѣсти себѣ извѣстныя льготы (оттуда названіе Лгота нѣсколькихъ сотъ селеній въ земляхъ чешскихъ и польскихъ), освободить себя и своихъ подданныхъ отъ значительной части этихъ повинностей, отъ которыхъ остались только самыя важныя, именно военная служба и государственная дань. У западныхъ Славянъ эти тяжелыя повинности устранялись тоже введеніемъ такъ назыв. нѣмецкаго права, жалуемаго новымъ колонистамъ нѣмцамъ а потомъ и своимъ славянскимъ селянамъ; по этому праву колонисты и вообще поселяне дѣлались собственниками своихъ земель (*bona emphyteutica*, чеш. *zboží pátná*), вносили извѣстную ежегодную плату (чеш. по старому *úrok, pát úročný*, поль. *czynsz*, западнорусск. *чиншъ*, изъ *census, zins*), и за то были освобождены отъ государственныхъ повинностей и пользовались самоуправленіемъ. Но съ исчезновеніемъ государственныхъ повинностей въ частныхъ княземъ пожалованныхъ имѣніяхъ, такія повинности не прекратились, а продолжали существовать и умножаться, въ послѣдствіи и въ селеніяхъ на правѣ нѣмецкомъ—какъ частныя повинности подданнаго люда къ его господамъ, которые не преминули основательно пользоваться трудомъ своихъ мужиковъ, сгоняя ихъ на работу, работу, на влательскія, господскія рабо-

Славяне ихъ взаим. отнош.

ты, на панщину (панщизну) или барщину. Справедливо могъ чешскій кметъ XIV в. сказать своему пану: „Rane mój, jázt' jsem boží člověk i tvój“, а хорватскій кметъ XV в.: „Господине, то је све боже и твоје“; по этому въ нѣкоторыхъ югозападныхъ сербскихъ областяхъ (въ XIV—XV вв.) подданный крѣпостный человѣкъ назывался властѣн, принадлежащій (властити) своему господину. Долго оставалось правдою, не только въ смыслѣ общественномъ но тоже юридическомъ, древнесербское: „Вси людие њесу ѡднаци, ѡсу властеле и ѡсу кметићи, како то у Срьблѣхъ и по всемъ свѣту“; долго оставалось печальною правдою, на что въ XVII в. жалуется Полякъ Старовольскій: „Gdy się ubogi człowiek do prawa uciecze, zagaz mu mówią: Nie dla was to pisał statuty, smierdowie, ale dla panów“. Уничтоженіе льготъ и привилегированныхъ сословій, равенство всѣхъ гражданъ государства, въ смыслѣ юридическомъ, передъ закономъ, составляетъ приобрѣтеніе только новѣйшихъ временъ.

6. Народныя собранія.

Общины, большія и меньшія, собирались, скуплялись, „сѣмались, снимались“ на сходки, чтобъ на нихъ говорить, вѣстѣ, вѣщать, совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Такія сходки назывались *соборъ* (сѣборъ, съборъ, сабор, сбор), *снѣмъ* (сѣньмъ, санам, сажам, сѣм, снѣм), *вѣште* (вѣште, вѣће, вѣще), *промада* (у запад. и восточ. Славянъ), *кона*, *куна* и *миръ* (русск.), *скупштина*, *скуп* (югослав.), *жуна* (=община у Словенцевъ) и пр. Разныя эти названія означали вообще какую бы то ни было сходку членовъ общины, представителей общины, земли, государства. Такъ *сборъ* (*сѣборъ*) въ Сербіи XIV в. означалъ сходку, собраніе себровъ (плебеевъ), ближе неизвѣстное; вѣстѣ съ тѣмъ тоже собраніе представителей сербскаго и болгарскаго государства, бояръ, влатель, собранія великихъ общинъ (купан сбор въ Полицахъ, събор въ Дубровникѣ, јединкупни сабор и вѣће въ Черной Горѣ), парламентъ, какъ онъ до сихъ поръ и называется у Словенцевъ (сбор) и у Хорватовъ и Сербовъ (сабор); другіе Сербы употребляютъ здѣсь слово *скупштина*, извѣстное и древнимъ Хорватамъ; но сбор и скупштина означаютъ у южныхъ

Славянъ до сихъ поръ и сходки сельскихъ общинъ. Сборами назывались въ Червонной Руси XVI в. сходки поселянъ, а въ Великой Руси соборы были собранія представителей народонаселенія. Чешскій и польскій *zbor* былъ вообще собраніе, позже и религиозныхъ обществъ, на пр. чешскихъ братьевъ. *Сънѣмъ* былъ вообще всякая сходка; такъ на Руси снемъ и сонмъ то что съѣздъ князей, сходка войска; дрхорв. санам—сходка общины, саѣам (полицѣй) то что сбор, купни сбор, вѣче полицкое, самнь—торгъ; польскій съемъ (*sjem*, позже *sejm*) и чеш. снѣмъ (*sněm*)—парламентъ представителей народа (шляхты), но первоначально тоже сходка вообще (срв. дрполь.: *snímanie albo sebranie*, и дрболг.: царь повелѣ снѣнати ся събору). *Вѣче* вообще сходка (на пр. на Руси и сходка войска), сходка общинъ, какъ такія сходки назывались на Руси, у Хорватовъ и у Сербовъ; древнечешское вѣце — сходка, собраніе. Въ Польшѣ еще въ XVI в. *вѣце* означало сельскій судъ, и сюда принадлежать тоже слова *повѣтъ* (*powiat*) и *вѣтница*; но дрпольское вѣце (пополи-тое, великое), означало тоже съѣздъ князя—короля и кметей для судебныхъ дѣлъ, наивысшій судъ, на которомъ рѣшались болѣе важныя дѣла, и издавались законы (до XV в.), позже тоже суды или т. н. рови вальные или великіе по воеводствамъ (въ XVI в.). *Громада* у западныхъ и отъ части у восточныхъ Славянъ сходка поселянъ, господарей; „громада сябровъ (себровъ)“ до сихъ поръ въ курской губерніи сходка поселянъ—хозяевъ, имѣющихъ право голоса въ своей „сябровщинѣ“ т. е. общинѣ (срв. выше дрсерб. „съборъ себровъ“). То что громада т. е. количество, масу людей, означаетъ и *копа*, *купа*. какъ назывались до XVIII вѣка въ югозападной Руси сходки, сельскіе суды громадъ, сосѣдей, мужей господарей, купниковъ, собирающихся на коповища на копный (купный) судъ, коповать по копному праву; съ западно-русской купою срв. хорватско-сербскую скупштину, скуп и часто встрѣчающееся скупити се на куп, на вкуп, свећати се (совѣщаться) на купи, в купѣ, с купа, и пр. Русскій *миръ*—община, сходка, тоже такая громада, купа, количество людей, равнымъ образомъ какъ и словенское *жуна*. Сходка сербской общины или нѣсколькихъ общинъ называлась *станькъ*, нынѣ

састанак. Запорожскіе казаки называли свое вѣче по-польски *рада*, донскіе, яицкіе и др. по внѣшней формѣ—*кругъ*, что соотвѣтствуетъ и польскому *комо* — собраніе, шляхты (*кою сенаторские, кою гусарские*), въ сеймѣ, на войнѣ. Такъ и въ народной русской поэзіи калики становятся во единой кругъ; думаютъ думушку единую, и выбираютъ большаго атамана.

Вѣчевое устройство славянскихъ общинъ замѣтили уже Византійцы VI вѣка; по ихъ наблюденіямъ у дунайскихъ и днѣпровскихъ племенъ славянскихъ не было такой монархіи, какъ въ византійскомъ царствѣ, а съ древнѣйшихъ временъ у нихъ самъ народъ управляетъ собою по стариннымъ законамъ и совѣщается сообща о всѣхъ своихъ дѣлахъ. Шестъ вѣковъ спустя тоже самое рассказываетъ русскій лѣтописецъ о восточныхъ Славянахъ, что у нихъ изъ начала всѣ власти (волости, земли), Новгородцы, Смольняне, Полочане, Кіяне и др. сходятся на думу на вѣча, и на что старѣйшіе города сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ. Вѣчевое устройство общинъ сохранилось, болѣе или менѣе, и послѣ образованія великихъ монархій славянскихъ, въ польскихъ ополяхъ, въ русскихъ копахъ и волостяхъ, въ хорватскихъ общинахъ и пр. Въ сходкахъ общинъ (вѣчахъ, соборахъ, снемахъ) участвовали, съ правомъ голоса, господа—хозяева, родовые или семейные начальники, какъ это водится до сихъ поръ въ сельскихъ сходкахъ; старики, старцы, пользовались особымъ почетомъ; остальные члены общины присутствовали по всей вѣроятности безъ права голоса. Вѣче совѣщалось и рѣшало о всѣхъ дѣлахъ общины, единогласно; присутствовали первоначально высшіе и низшіе классы, бояре, земляне, и простой людъ, вмести, себры и т. д. Такъ это было и въ позднѣйшія времена на вѣчахъ общинъ русскихъ, хорватскихъ, лютичско-поморскихъ. Да и ополяченная шляхта русская въ югозападной Руси не всегда и вездѣ чуждалась копъ, и участвовала въ нихъ вмѣстѣ съ людомъ, какъ на пр. околичная шляхта въ сѣверной части кievской земли. Но иначе шляхта, подчинивши себѣ людъ, относилась враждебно къ такимъ проявленіямъ народной жизни; сербское государство и влaстельство на своемъ соборѣ запретило соборы себровъ, и влaстельство въ общинахъ далматскихъ также устраняло простой народъ отъ участія въ вѣчахъ.

Старинное устройство вѣчевое сохранилось особенно на Руси. Повсюду въ общинахъ, городскихъ и сельскихъ, собираются вѣча, болѣе или менѣе важныя; вѣча въ центрахъ волостей, земель—княжествъ, въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и др., были конечно самыя важныя. На вѣче являлись князь съ боярами и остальною дружиною, должностныя лица общины, находящіеся въ должности и прежнія (старыя), тысяцкіе, сотскіе, старосты и всѣ „старѣйшины“ или „старцы“ городскіе, всѣ свободные мужи, люди вятшіе и меньшіе, черные; они участвовали въ вѣчѣ лично, а не черезъ представителей. Всѣ собравшіеся на вѣчѣ обсуждали разнообразныя вопросы политическіе, военныя, финансовыя, судебныя, и законодательныя (на вѣчахъ составлены и утверждены судныя грамоты псковская и новгородская). Рѣшеніе должно было состояться по соглашенію всѣхъ, единогласно. Если такое соглашеніе не послѣдовало, то начинались споры и драки партій, вооруженная борьба кончанъ (жителей концовъ), возстанія черни, чернаго народа, людей меньшихъ, на бояръ, людей выщихъ, кровопролитныя междоусобицы, чѣмъ особенно богата жизнь общины новгородской. Власть вѣча обуславливалась большею или меньшею властью князя; если власть князя слабѣла, усиливалась власть общины, вѣче прогоняетъ князя, призываетъ его на извѣстномъ договорѣ (рядѣ), и вообще раздѣляетъ съ нимъ власть. Вѣча созывались вѣчевымъ колоколомъ, „созвонились“, княземъ должностными лицами и наконецъ всеимъ мужемъ, на извѣстныхъ пространныхъ мѣстахъ, на торгахъ или другихъ площадяхъ, около церквей и пр.; здѣсь бывали ступени для ораторовъ. Вѣчевый приговоръ или вѣчная грамота издавалась въ Новгородѣ отъ имени князя и всѣхъ членовъ общины, отъ архіепископа, посадниковъ, тысяцскихъ, бояръ, житыхъ людей, купцовъ, черныхъ людей. Вѣчевое устройство развилось и сохранилось дольше всего въ сѣвернорусскихъ общинахъ, Новгородѣ и Псковѣ, до конца XV и до начала XVI вѣка. Въ сѣверовосточной Руси вѣчевое устройство исчезало по мѣрѣ усиленія власти великихъ князей, которые уже со временъ великаго князя Андрея стремились стать „самовластцами“ на сѣверѣ. Бурныя вѣча Ростова, Суздаля и Володимера исчезаютъ

уже въ концѣ XII вѣка; усиливающіеся потомъ великіе князья московскіе не благоприятствовали вѣчевому устройству, и вѣчевый колоколъ володимерскій представлялъ при Иванѣ Калитѣ только историческую достопамятность. Въ сѣверовосточной Руси, въ Москвѣ, въ XIV в. подъ вѣчемъ и вѣчниками подразумѣвали уже мятежъ и ерамольниковъ, коромольниковъ, чѣмъ они на дѣлѣ и были; такъ въ 1382 г. въ Москвѣ „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ коловола, и сташа суймомъ народы мятежники, ерамольники“.

Въ югозападной Руси вѣче исчезало въ слѣдствіе перемѣнъ въ ея государственномъ устройствѣ на польскій ладъ. Княжества исчезали и мѣнялись въ земли и воеводства, управляемыя королевскими (великобняжескими) старостами, намѣстниками и воеводами; бояре дѣлались шляхтою и собирались на соймахъ, сеймахъ, и эти соймы отличаются существенно отъ древнерусскихъ вѣчъ; горожане становились мѣстичами, мѣщанами, пользующимися нѣмецкимъ (магдебургскимъ) правомъ, тѣ Кіане, Галичане, Полочане, Смольняне, „гражане, мужи градьстін, добрыи люди и малыи“, которые на вѣчахъ рѣшали вопросы о занятіи княжескаго стола, о войнѣ и мирѣ, и др. Въ Полоцкѣ еще во второй половинѣ XV в. (до пожалованья ему нѣмецкаго права) бояре, мѣщане (такъ уже назывались), дворяне городскіе, и все посполство, вся чернь, отправляли „соймы, сымались вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймивались здавна“. Но этотъ соймъ полоцкій не былъ уже то старинное вѣче мужей Полочанъ, полоцкой власти XII в., которое помнили въ югозападной Руси еще въ XVI вѣкѣ, рассказывая, что „городъ Полтескъ и мужи Полочане вѣчомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ“. Не даромъ король и великій князь Казиміръ въ уставной грамотѣ Полоцку (1486 г.) приказываетъ, чтобъ всѣ полоцкія сословія „въ згоди межи собою были, а дѣла городскіе вси згодою посполу справляли, а сымались вси посполу, а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“. Старинный антагонизмъ между людьми вѣтшими и меньшими заявилъ свою силу еще нѣсколько лѣтъ до изданія этой грамоты, въ другомъ городѣ югозападной Руси, въ

Смоленскѣ, гдѣ ок. половины XV в. „князи, бояре, мѣстичи (мѣщане) и черныи люди“ цѣловали крестъ воеводѣ Андрею, но потомъ „здумали Смольняне, черныи люди, вузнеци, кожемяки, шевники, мясники, вотельники, пана Андрея согнати силою съ города“, и вооружившись „завозили въ колоколъ“.

Рядомъ съ вѣчемъ князя совѣщались съ своею старѣйшею дружиною, съ сановниками и другими своими мужами, съ боярами — думцами, „думали съ ними о строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ“. Значеніе и вліяніе этой *боярской думы* обуславливалось не какимъ нибудь писаннымъ договоромъ, а просто практическою жизнью; слабые князя должны были относиться въ своей боярской думѣ иначе, чѣмъ сильные великіе князя московскіе и цари всея Руси; между тѣмъ въ югозападной Руси, въ Литвѣ „паны рада“ (такъ назывались на польскій ладъ прежніе бояре дума), по первому статуту (1529), ограничили власть господара великаго князя, который обязался дѣйствовать „съ ведомостью и порадою и съ призволеньемъ радъ“. Въ московской Руси XVI и XVII вв. цари совѣщались тоже съ представителями разныхъ сословій и не-служилыхъ, которыхъ цари. по своему усмотрѣнію и по своей волѣ, созывали на земскіе *соброры*, для сообщенія имъ своихъ рѣшеній и для выслушанья ихъ мнѣній, ихъ чисто совѣщательнаго голоса по разнымъ вопросамъ.

Отъ стариннаго вѣчеваго устройства сохранились на Руси одни только остатки въ устройствѣ общинъ (волостей, околицъ), собиравшихся на сходкахъ, вѣчахъ, которыя однако были уже не выраженіемъ какой нибудь политической власти, а только вспомогательнымъ учрежденіемъ государства. Только на окраинахъ русскаго міра, въ общинахъ — войскахъ казацкихъ, вѣчевое устройство существовало до XVIII в., при полномъ господствѣ казацкой демократіи, безъ всякихъ „вѣтшихъ“ людей, которыхъ замѣняли одни только старшины и старики съ своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Звучъ колоколовъ или бубновъ (барабановъ), созывающій товарищей казаковъ на раду, на кругъ, — выраженіе верховной власти казацкаго войска —, старшины (атаманы, кошевой, войсковый и куренные атаманы, судьи, писарь или дьякъ, есаулы, полковники, сотники, и др.), кланяющіеся казакамъ, кото-

рые ихъ выбираютъ и прогоняютъ, самовольное созываніе рады, круга одною партією, драки партій, грамоты писанныя отъ имени войска запорожскаго, атамана кошеваго, войсковой старшины, стариковъ, атамановъ куренныхъ, всего войска и товариства: все это тѣ древнерусскіе вѣчевые порядки, вытѣсненные монархією на нижній Днѣпръ, на Донъ и на Яикъ. Когда же казаки бросались на государство, на бояръ, шляхту, дворянъ, то они уничтожали его строй и вводили свой. Такъ Хмѣльницкій раздѣлилъ въ началѣ возстанія южнорусскаго народа всю подвластную ему южную Русь и тамошній народъ „казаковъ“ — на полки, сотни, курени, десятки, подъ выбираемыми старшинами, полковниками, сотниками, атаманами; такъ и Разинъ на Волгѣ устраивалъ городскія общины по-казацки: всѣ люди стали казаками, раздѣлены на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, сотниками и десятниками; и по Днѣпру и по Волгѣ зашумѣли казацкія рады и круги, т. е. уже не сходки казацкихъ войскъ, а общенародныя собранія, вѣча.

Вѣчевое устройство на Руси, какимъ бы любопытнымъ явленіемъ народнаго быта восточнаго Славянства оно ни было, повело бы, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, только къ междоусобицамъ русскихъ племенъ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, къ расчлененію и разслабленію Руси, къ гибели политическаго и національнаго ея единства. Новгородцы могли говорить: „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода“, могли гордиться, что „кдѣ имъ любо, ту же собѣ князя поймаютъ“, что они вольны „въ посадничествѣ и въ князѣхъ“; Псковичи еще на канунѣ паденія вѣча могли гордиться, что „отъ начала русскія земли градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе“. Но именно эта „своя воля“, это своеволие могли повести къ печальнымъ для Руси послѣдствіямъ. Съ одной стороны борьба партій и сословій изъ-за мелочныхъ причинъ поглощала русскія силы, которыя могли обратиться противъ многочисленныхъ враговъ Руси на западѣ, востокѣ и югѣ: „великое чюдо съвади оканьныи дѣволъ; кѣгда баше брани быти на поганяи, тѣгда ся начаша бити межи собою“, справедливо замѣтилъ новгородскій лѣтописецъ. Съ другой

стороны въ Новгородѣ нашли себѣ дорогу центробѣжныя стремленія, угрожавшія единству Руси; крики подстрекаемой Боречными черни на вѣчахъ 1470—1471 гг.: „Не хотимъ великаго князя московскаго, хотимъ короля польскаго!“ — скоро заглушили крики вѣрной русскимъ интересамъ боярской партіи, и могли нанести только что происходящему единенію сѣверной Руси опасный ударъ, тѣмъ болѣе, что по требованію Новгородцевъ, „мужей вольныхъ“, могъ „честный король польскій и князь великій литовскій Казиміръ со своею радю литовскою всѣсти на конь за Великій Новгородъ противъ великаго князя московскаго и боронити Новгородъ“. Эта опасность тогда предотвращена, но единству сѣверной Руси предстояли еще разныя испытанія. Въ смутное время „казацкое царство“, соединившись съ Польшею, угрожало единству русской монархіи; казаки не переставали угрожать ей и дальше, Выговскій и Дорошенко, Мазепа и Гордіенко, Разинъ, Булавинъ и Пугачевъ. По этому требованію великихъ князей Ивана Васильевича и Василя Ивановича, чтобъ въ Новгородѣ и въ Псковѣ не было вѣча и вѣчеваго колокола, торжество единой монархіи надъ всѣми центробѣжными стремленіями русскихъ окраинъ и надъ анти-государственными затѣями казаковъ, прекращеніе безконечныхъ междоусобицъ въ русскомъ народѣ и направленіе его силъ къ одной цѣли: все это имѣетъ важное значеніе въ исторіи русскаго народа и всего Славянства.

У южныхъ Славянъ вѣчевое устройство замѣтно особенно въ адриатическомъ приморьѣ, отъ части въ чисто славянскихъ общинахъ, отъ части въ общинахъ, въ которыхъ смѣшались элементы римско-итальянскій и славянскій. Участіе простаго народа въ вѣчѣ или соборѣ устранили властеле, которые и пріобрѣли себѣ власть въ общинахъ и властвовали здѣсь посредствомъ великаго вѣча, состоявшаго изъ нихъ же, вѣчниковъ. Вѣче „созвонилось“ и собиралось на площади или въ вѣѣнницѣ, выбирало сановниковъ (кнѣза, бана, и др.), издавало законы, и вообще рѣшало всѣ дѣла общины. Такъ это было въ *Дубровникѣ* и въ другихъ городскихъ общинахъ Далмаціи, сохранившихъ свое значительное самоуправленіе подъ верховною властью Византіи, Хорватіи, Угріи, Венеціи и Сербіи. Такою же автономіею поль-

зовалась и сельская община-жупа *полицкая* въ хорватской Далмаціи, управляемая выбираемыми кнезомъ (княземъ), войводою, судьями, и др.; на сборѣ, вѣчѣ, саймѣ, рѣшали дѣла влестеле и дидићи (дѣдичи), всѣ люди племенитые (благородные) Поличане, а прежде несомнѣнно и простой полкъ (люди); постановленія же сбора составляютъ статутъ общины. Въ приморской Хорватіи и на островахъ находилось тоже нѣсколько такихъ общинъ. *Винодолская* община или кнежество (княжество), состояло изъ нѣсколькихъ городскихъ общинъ и управлялось наслѣдственными князьями Франкапанами. Эти общины собирались на вѣче, на которомъ присутствовали кромѣ князя и его чиновниковъ тоже „общинскіа“ должностныя лица (сатники), люди „общинскіе“ т. е. городскіе, и первоначально несомнѣнно тоже люди простые или кметы. При составленіи законовъ винодолскихъ на вѣчѣ 1288-го г. присутствовали выборные „старѣйшіе“ городскихъ общинъ, сатники и другіе свѣдущіе люди, которые знали законы своихъ отцовъ, дѣдовъ и всѣхъ предковъ. Въ общинѣ *керцкой* (на островѣ Креѣ, Керѣ) на вѣче передъ церковью собиралась вся община, чиновники князя и общины, влестеле и кметы, весь полкъ (плк, народъ), или только добрые мужи, всѣ вѣчники, и „ча би виѣе учинило, да неморе (не смѣетъ) ниедан рећи проту тому“. На такомъ вѣчѣ 1388-го г. составленъ статутъ керцкой общины. Подобное устройство было и въ хорватскихъ общинахъ Истріи, гдѣ еще въ концѣ XVII в. горожане и кметы городского округа выбирали изъ 12-ти судей жупана—судью на сходеѣ, отправляемой въ особой избѣ на площади. Устройство истріанскихъ общинъ Каства (Каствы) и Вепринца извѣстно по ихъ хорватскимъ статутамъ XV—XVI вв. Такое устройство было и во многихъ другихъ общинахъ адриатическаго приморья, и въ ихъ статутахъ, составленныхъ на языкахъ латинскомъ и итальянскомъ, встрѣчаются между прочимъ также слова *stanićum* (станье) и *svogo* (сѣборъ). Въ концѣ XVIII в. (1798 г.) собрались черногорскіе и бердскіе главары, старѣшины и остальные братья изъ всякаго племени на единокупный саборъ и вѣче, и всѣ единогласно и договорно установили законъ.

У западныхъ Славянъ общинно-вѣчевое устройство сохранилось тамъ, гдѣ государство не пустило глубокихъ корней, т. е. у балтійскихъ Славянъ, именно у Лютичей и у Поморанъ. Между тѣмъ у Поляковъ и у Чеховъ, у которыхъ является очень рано, въ X в., сильная государственная власть, о вѣчевомъ устройствѣ сильныхъ общинъ уже нѣтъ и помину, и только его слѣды скрываются въ польскихъ ополахъ, на сколько эти уцѣлѣли въ государствахъ. Устройство „великой общины“ пражской въ началѣ гуситскаго движенія напоминаетъ славянскую общину, такъ какъ составляли ее не только мѣщане, но и чернь; но это демократическое устройство тогдашней пражской общины выросло все таки уже на чужой почвѣ нѣмецкаго мѣстскаго права. У Лютичей Нѣмцы уже въ X — XI вѣкахъ замѣтили тоже самое, что Византійцы у южныхъ и у восточныхъ Славянъ; у лютичскихъ племенъ не было никакихъ особенныхъ властителей; общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкахъ о своихъ дѣлахъ, они рѣшали ихъ единогласіемъ. Такое вѣчевое устройство существовало и позже, въ XII в., въ поморско-лютичскомъ княжествѣ, гдѣ общины пользовались значительною самостоятельностью. Въ извѣстные дни собирались горожане и селяне, съ копьемъ въ рукахъ, на сходку на торгѣ своего города; въ Шетинѣ стояли на торгѣ деревянные ступени для ораторовъ, и три избы — континны (кѣтинны), назначенныя для такихъ же сходокъ. На такихъ сходкахъ видное мѣсто занимала шляхта. Сходки созывались по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и по судебнымъ; такъ на пр. у Вагровъ собирались на судъ весь народъ, князь и жрецъ, въ священной рошѣ; сходка давно отмеченныхъ Ранъ XVI в. на земскомъ судѣ живо напоминаетъ такіа старинныя вѣча Лютичей и Русскихъ. Отъ такихъ всенародныхъ, общинныхъ сходокъ отличались собранія сановниковъ (кметей?) и пановъ (жупановъ), съ которыми князья балтійскихъ Ляховъ совѣщались о земскихъ дѣлахъ.

У остальныхъ, восточныхъ Ляховъ, у Поляковъ, всенародныя вѣча рано исчезли, такъ какъ въ Польшѣ рано образовалась сильная монархія. Сильные князья спрашивали не мнѣнія народа, а только совѣта у своихъ кметей и другихъ пановъ, тоже у остальныхъ земянъ и у высшаго духовенства; съ ними князь

отправлялъ сѣзды по поводу разныхъ публичныхъ дѣлъ, политическихъ, военныхъ, финансовыхъ, судебныхъ, законодательныхъ и пр. На такіе сѣзды являлись иногда свидѣтелями тоже селяне близкой „осады“, какъ бы послѣдніе ничтожныя слѣды старинныхъ общенародныхъ, демократическихъ вѣчъ. Сѣзды, отправляемые по поводу разныхъ дѣлъ политическихъ (въ послѣдствіи тоже избранія князя), международныхъ, финансовыхъ назывались, вѣроятно уже съ древнѣйшихъ временъ, *сѣмы* (sjemu, а съ половины XVI в. sejm); сѣзды же, на которыхъ производился судъ — *влица* (великія или посполитыя); но на латинскомъ языкѣ назывались тѣ и другіе сѣзды colloquia. Совѣщательный голосъ пановъ и еметей (изъ такихъ же пановъ) мало по малу перемѣняется въ рѣшительное вліяніе на князя, особенно когда, въ слѣдствіе дробленія Польши на мелкія княжества, значеніе пановъ и шляхты все больше усиливалось, и они вліяли на избраніе князя. Князь-король не могъ уже (de facto, хотя еще не de jure) ничего постановлять безъ согласія и одобренія пановъ свѣтскихъ и духовныхъ (сената). Голосъ низшей шляхты, присутствовавшей на сѣмахъ или вѣчахъ, не былъ съ начала такъ важенъ, какъ голосъ пановъ, но усиливался со временемъ все больше. Шляхта только въ XV в. приобрѣтала и по праву (привилегіями) все больше власти на своихъ земскихъ (воеводскихъ) *сѣмикахъ* (sjemiki, sejmiki), а со второй половины XV в. посылала своихъ представителей въ избу пословъ (палату депутатовъ). Такимъ образомъ является *сѣма*, *сейма*, состоящій изъ сената и посольской избы. Это представительство шляхетскаго народа ограничиваетъ по праву (статуту) королевскую власть, и безъ представительства король не можетъ уже ничего постановлять. Городское (мѣстское) сословіе въ Польшѣ не приобрѣло себѣ выдающагося политическаго значенія. Даже безобразное позднѣйшее *liberum veto* (nie pozwalam — не позволяю), появившееся какъ законное право cadaго депутата прервать работы сейма, выросло изъ древнеславянскаго обычая, что дѣла надо рѣшать единогласіемъ. Въ слѣдствіе этого парламентарнаго абсурда польскіе сеймы, какъ бы воспринявши роль древнерусскихъ вѣчъ, сдѣлались однимъ изъ самыхъ опасныхъ средствъ для расшатанія

государства. Рядомъ съ сеймомъ продолжало существовать великое или посполитое *вѣце*, наивысшій судъ, на которомъ король и паны или паны одни, сидя на столцѣ вѣцовомъ (*stolec wiesowy* — *sedes colloquialis*), рѣшали болѣе важныя дѣла; эти вѣща съ XV в. назывались тоже роки вальные, хотя и слово вѣце осталось извѣстнымъ еще до половины XVI вѣка.

Сеймы чешскій, угорскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, были такія же собранія одной шляхты, властель, бояръ, какъ и польскіе; городское сословіе пріобрѣло только въ Чехіи выдающееся политическое значеніе, и было для короля опорой противъ шляхты. Чешскій *снѣмъ* состоялъ изъ наивысшихъ сановниковъ придворныхъ и земскихъ (кметей-господарей, составлявшихъ раду князя-короля), изъ другихъ пановъ, и изъ низшей шляхты, землянъ владыкъ; къ этимъ двумъ „ставамъ“ (сословіямъ) прибыли позже и два другихъ, духовенство и мѣщанство. Подобно польскому панству и шляхтѣ-земянству, и чешскіе паны и шляхта-земяне только мало по малу пріобрѣтали, вмѣсто голоса совѣщательнаго, голосъ рѣшающій въ дѣлахъ публичныхъ; это фактическое право опредѣлилось потомъ формальными привилегіями (съ начала XIV в.) и наконецъ земскимъ уложеніемъ (*zemské zřízení*, какъ бы „уряженіе“) 1500 года. Польскому вѣцу (слово вѣце знали и Чехи, но въ общемъ значеніи сходен) соотвѣтствовалъ въ Чехіи сеймовый судъ, позже земскій судъ, въ которомъ засѣдалъ князь-король съ кметями, панами судьями. Польскимъ сеймикамъ соотвѣтствовали чешскіе крайскіе съѣзды. На государственныхъ *соборахъ* югославянскихъ, хорватскомъ, сербскомъ (и босенскомъ), болгарскомъ, и угорскомъ, собирались одни только наивысшіе сановники (жупаны, везы, кмети), главные совѣтники государя, властеле или бояре, великіе и малые, высшее духовенство. Польскимъ сеймикамъ и чешскимъ крайскимъ съездамъ соотвѣтствовали угорскія и хорватскія скупщины жупаній (*congregationes comitatum*). Сеймы какъ представительство однихъ высшихъ сословій сохранились у многихъ Славянъ до недавна, а только съ 1848 г. они перемѣнились въ представительства всѣхъ сословій. Этотъ демократическій принципъ завладѣлъ и въ сербской скупщинѣ и въ болгарскомъ со-

браніи, тѣмъ болѣе, что у этихъ южныхъ Славянъ нѣтъ никакой аристократіи.

7. П р а в о.

Славянское право, если его понимать какъ одно цѣлое, коренится въ обычномъ правѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, которое сохранило до новѣйшихъ временъ много общихъ чертъ первоначальнаго своего единства. Если на пр. у Черногорцевъ еще нынѣ *соки*, т. е. извѣстные сыщики ищутъ украденную вещь, и если такіе соки встрѣчаются еще въ XVI в. въ югозападной Руси, а въ XII—XIII вв. въ Чехіи, то, разумѣется, такое учрежденіе—общеславянское, и его начало теряется въ доисторическихъ временахъ. На такое единство славянскаго обычнаго права указываетъ много одинаковыхъ учрежденій у разныхъ народовъ славянскихъ, указываетъ тоже много одинаковыхъ названій, на пр. право—криво, правда—кривда, законъ, судъ, дѣдина—отчина, сводъ, лице, вданіе—выдача, вражда, глава, и пр. Если въ послѣдствіи славянскіе народы заимствовали другъ у друга нѣкоторые учрежденія, то это замѣтно уже по самымъ названіямъ; такъ на пр. названія шляхта, панове рада, староста (намѣстникъ), воевода (намѣстникъ), сеймъ, вгородъ, мѣсто, войтъ и др. въ югозападной Руси сейчасъ указываютъ на ихъ происхожденіе изъ Польши; Русскимъ неизвѣстны слова и учрежденія: шляхта, панове рада, мѣсто (т. е. городъ), войтъ (т. е. нѣмецкій *voigt*), а староста и воевода означаютъ не намѣстника государя, а начальника общины и полководца или тоже тысяцскаго (а только позже и намѣстника), сеймъ или русск. снемъ не парламентъ, а вообще сходку, вгородъ (поль. *grod*) не городъ, а замокъ, и пр.

Обычное право долго хранилось устно, и только позже отчасти записывалось, либо частнымъ образомъ, либо какъ собраніе или сводъ законовъ, законникъ, статутъ, правда, право, уставъ, судебникъ, уложеніе, извѣстнаго государства. Нѣкоторые законы записывались уже въ древнѣйшія времена, подобно

какъ и у другихъ народовъ, на деревянныхъ доскахъ, и по этому у Чеховъ собраніе записанныхъ постановленій, законовъ, государственный архивъ, называется до сихъ поръ земскими досками. О древнихъ законахъ у Славянъ вспоминають Византійцы уже въ VI в. и Нѣмцы въ IX вѣѣ. „Законъ отцовъ, законъ русскій“ знаетъ русскій лѣтописецъ, рассказывая о древнѣйшей исторіи восточныхъ Славянъ, и многіе такіе законы вошли въ „правду русскую“ великаго князя Ярославъ XI в., и въ другія собранія или своды русскихъ законовъ XV—XVII вв., въ право Пскова, въ статуты западно-русскіе (литовскіе), въ московскіе судебники, въ уложеніе, въ разныя грамоты, и др. Винодольскіе Хорваты собирають въ концѣ XIII в. „старе и искушене законе“ своихъ отцовъ, дѣдовъ и всѣхъ предковъ; позже собирають свои старыя законы и обычаи Керчане, Поличане, Кастьяне, Вепринчане и др.; разныя славянскія учрежденія вошли тоже въ статуты далматскихъ общинъ Задра, Сплѣта, Трогира, Дубровника, Котора, Будвы, Корчулы, Хвара, Ластвы, Млѣта и др. Нѣкоторые законы обычнаго права чешскаго записаны уже въ концѣ XII в. въ статутѣ князя Конрада, и позже въ разныхъ юридическихъ памятникахъ XIV—XV вв. (книга пана Розенберга, *Majestas Carolina*, Судебный порядокъ, объясненіе земскаго права пана Андрея изъ Дубой, книги о чешскомъ и моравскомъ правѣ Викторина изъ Вшегрѣдъ и пана Цтибора изъ Цимбурга и др.), и наконецъ въ чешскомъ и моравскомъ уложеніяхъ XVI в. (*zřízení zemské*). Разныя статьи обычнаго права польско-мазовскаго записаны для нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи въ первой половинѣ XIII в. Въ половинѣ XIV в. издается польскій статутъ короля Казиміра, позже другія статуты польскіе и мазовскіе, въ началѣ XVI в. статутъ короля Александра, и потомъ и другіе статуты. Одновременно съ польскимъ Казиміромъ издаетъ сербскій царь Стефанъ Душанъ сербскій законникъ, въ концѣ XVIII и въ половинѣ XIX в. составлено обычное право черногорское въ двухъ братскихъ законникахъ, и т. д. Въ разныхъ этихъ славянскихъ статутахъ и въ обычномъ правѣ славянскомъ встрѣчаются многія общія подѣ часъ поразительныя черты единства славянскаго права; нѣкоторые учрежденія сохранились

долженъ былъ дотрогиваться до раскаленного желѣза, человѣческихъ костей, земли какъ богини, или ея куска, дерна, который клался на голову, и позже до христіанскаго креста или мощей, все при извѣстныхъ обрядахъ и формулахъ. Если на пр. въ XV в. краковскіе Поляки опредѣляя межи, клялись землею „мы созданы изъ земли, и землею должны быть“, то Сербы еще не давно въ такомъ же случаѣ клялись „черною землею, нашею матерью, изъ которой мы всѣ созданы и въ которую мы опять ляжемъ“. Обвиняемый оправдывался тоже присяжными свидѣтелями *поротниками* (югослав.), которые могли его „очистить“, быть его *очистниками* (чеш.).

Право на извѣстную спорную вещь доказывалось обѣими противными сторонами, *поводомъ* или *истцемъ* (чеш., поль., рус.) и *позваннымъ*, *попаланнымъ* (отвѣтчикомъ), посредствомъ *вданія* (*взданія* чеш.) или *выдачки* (рус.), денежнаго залога, который доставался выигравшей сторонѣ и отъ части судѣ. Въ Чехіи вдавались (вздавались) въ вданіе въ XIV в., а въ югозападной Руси выдавались на выдачку еще въ XVI в. Украденную вещь искали (*сочили*) особые сыщики—*соки*, въ Чехіи въ XIII в., на Руси въ XVI в., а въ Черной Горѣ они дѣйствуютъ до сихъ поръ; слова *сокъ* и *сочить* сохранились въ чешскомъ языкѣ, но уже въ другомъ значеніи, соперника и клеветать. Украденную вещь искали тоже посредствомъ *свода* (*извода*, *отвода*), при чемъ владѣлецъ заподозрѣнной вещи сводилъ, отводилъ отъ себя подозрѣніе въ вражѣ, указывая на прежняго владѣльца вещи; на Руси XI—XII вв. и въ Чехіи XII—XIII вв. дозволялось вести до третьяго свода; а въ восточной Руси XVI в. и до десятаго свода; сводъ существовалъ въ Сербіи въ XIV в., и въ югозападной Руси въ XVI в. и позже. Искать — *сочить*, *ионить слѣдъ* преступленія и преступника въ извѣстномъ округѣ, когда раздался крикъ и вопль пострадавшихъ: *настойте*, *помогайте*, было долго повинностью общинъ связанныхъ круговою порукою.

Судъ обвиняемаго оправдалъ, оправилъ, поправилъ, очистить; по этому дрчеш. *цуда*—судъ (*цудить* = чистить), и извѣстные судьи назывались въ XIV—XV вв. въ Чехіи *поправцы*, и въ Польшѣ *оправцы*. Судъ обвиняемаго окривилъ, осудилъ,

особенно когда предметъ преступленія, *лице, личба, поличное, долика*, было „на лице“, и преступникъ былъ обличенъ, доличенъ, уличенъ. Судъ „налезъ правду“, какъ выражались смоленскіе Русскіе въ XIII вѣкѣ, „налезъ за право, вынеслъ налезъ“, какъ говорили Чехи, выноситъ „выналязоетъ, знайдёніе“, какъ выражались на копныхъ судахъ югозападной Руси; а Хорваты отождествляя судъ съ правдою, говорили о судѣ, что „правда обнайде“. Приговоръ, вырокъ, налезъ и пр. суда окончили тяжбу, *распрю, прю* (рѣа, чеш. и поль.), *парбоу, парню* (серб.), въ которой стороны защищали адвокаты, *рѣчники* (чеш., поль.) или *перцы* (ріегса поль., пьрьць — парац югослав.). Осужденный подвергался разнымъ наказаніямъ тѣлеснымъ, увѣчьямъ, смертной казни, изгнанію (рус. потокъ, рус. и чеш. поточить — послать, выслать), разграбленію, денежнымъ пенямъ (продажамъ, винамъ, покутамъ, осудамъ и др.). Выигравшій платилъ судѣ небольшую сумму денегъ, которая называлась пересудъ (русс., *přísud, přísudné* чеш., *przysąd, przysądne* поль.) или памятное (ра-мáтнѣ чеш., *ramiętne* поль.).

О многихъ другихъ одинаковыхъ или сходныхъ чертахъ славянскаго права, государственнаго и частнаго, говорилось на предыдущихъ страницахъ.

8. Мифологія и поэзія.

- Славянская мифологія основывается на обожаніи природы и ея силъ. Первобытные люди увидали небо, солнце, молнію, тучи, и испытывая ихъ добрыя или дурныя дѣйствія, желали ихъ или боялись ихъ, наконецъ олицетворили эти явленія и силы природы, сдѣлали изъ нихъ божества, и стали имъ поклоняться. Такъ нарицательныя имена *сварогъ* (срв. санскрит. сварга—блескъ, небо) т. е. небо, и *перунъ* т. е. молнія (поль. *pięun*), сдѣлались названіями божествъ. Силы природы и затѣмъ божества могли приносить счастье, благо (бог-атство, събожіе—збожіе)—это *боги* (противуполож. не-богъ, у-богъ), или несчастье, зло—это *бѣсы*, позже *черти*. Со временемъ однако слово *богъ* стало означать вообще высшее существо, доброе или злое,

и такимъ образомъ объясняются названія: *бѣлобогъ* и *чернобогъ*, *злѣбогъ*, *злой богъ*, *мстѣбогъ*, *лютѣбогъ*.

Небо т. е. облака окружающія землю, *сварогъ*, считалось наивысшимъ богомъ, и какъ бы отцомъ остальныхъ боговъ. У этого наивысшаго небеснаго бога, *Сварога*, и у матери *Земли* было нѣсколько сыновей *Сварожичей*, именно солнце и огонь (небесный т. е. молнія), вѣроятно тоже мѣсяцъ, звѣзды и вѣтры. Сварожичъ Солнце, извѣстный всѣмъ Славянамъ, назывался, какъ дающій всякое благо, *Даждѣбогъ* (словѣн.), *Дажьбогъ* (рус.), *Дадзибогъ* (ляш.); Словѣне и Русскіе называли его тоже *Хр҃сѣ*, *Хр҃сѣ*, *Хорсѣ*, что сохранилось тоже въ именахъ лицъ у Сербовъ и у Чеховъ; къ нему относится вѣроятно и названіе *Велесъ* или *Волосъ*, извѣстное Словѣнамъ, Русскимъ и Чехамъ; оба названія темнаго происхожденія. У балтійскихъ Славянъ Сварожичъ Солнце былъ не только главный богъ, дающій людямъ всякія блага, но тоже богъ войны; онъ былъ богъ сильный—святый—святovitъ (*Святovitъ*), ярый—яровитъ (*Яровитъ*), изображался какъ повелитель разныхъ царствъ съ четырьмя и тремя головами (*Триглавъ*). Чешское имя *Свьѣтѣбогъ* вѣроятно тоже прозвище этого свѣтащаго бога. Сварожичъ-Огонь-Молнія по главному дѣйствию своему назывался *Перунъ* (прать, пороть—бить, ударять), и это слово означаетъ у Поляковъ до сихъ поръ молнію. Сварожичъ Вѣтеръ какъ богъ сваливающій, простирающій, носилъ у восточныхъ Славянъ прозвище *Стрибогъ*.

Вся природа представлялась оживленною разными сверхъестественными существами, живущими въ облакахъ, водахъ, лѣсахъ, горахъ, и дѣлающими людямъ добро и зло. Это олицетвореніе природы и ея дѣйствій на человѣка сохранилось у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, и христіанство могло здѣсь сдѣлать очень мало. Вѣра въ сверхъестественныя существа, обитающія въ водахъ, лѣсахъ, горахъ, у Славянъ очень древняя, и доходитъ до VI в послѣ Р. Х.; а до сихъ поръ русскія *русалки* живутъ въ руслахъ рѣкъ, югославянскія *вилы* (самовилы, самодивы) „вьются“ въ облакахъ и водахъ, горахъ и лѣсахъ, польскія Гоплянки, обитающія въ озерѣ Гоплѣ, губятъ людей. Лѣшіе — лѣсовики, поледницы — приполудницы — при-

полюницы, бѣлыя или дивныя жены, морской царь или враль, водяной, разные страхи — страшида, матоги, облуды, навьи (дррус. мертвецы), и др. бѣсы. черти (со временъ христіанства „нечистая сила“, „дьяволы“) „бѣсятся“ въ славянскихъ земляхъ навѣрное съ древнѣйшихъ временъ; на Руси XI в. представляли себѣ бѣса на подобіе Ляха, а Поляки часто изображаютъ чорта въ нѣмецкомъ платьѣ. Разныя болѣзни — бѣсы, трясавицы — траски, морь (чума, куга) и другія бѣдствія и язвы (поль. *jędzu*, чеш. *jezínku*) мучили и мучать славянское простонародье, по примѣру того русскаго бѣса, который „нападе на князя Святослава Володимировича: и разслабѣша кости его, не можаше сидѣти на кони“. Предки родовъ, семей, домовъ, *дѣды* (дѣды, дѣдушки, домовые, чеш. тоже шетти т. е. дѣдки), *господарики*, *божники*, обожались и пользуются до сихъ поръ почетомъ и внушаютъ страхъ; ихъ изображенія ставились въ избѣ на почетномъ мѣстѣ, которое со временъ христіанства заняли образа. Судьбу (осудъ, усудъ, родъ) родившагося человека опредѣляли, усуждали *рожденицы* (словѣн), *роженицы*, *рожаницы* (дррус.), которыя водятся до сихъ поръ у южныхъ Славянъ (соѣеницы т. е. соѣеницы, сод — судъ, роѣеницы т. е. роѣеницы) и у Чеховъ (судички). Вѣра въ разные примѣты, встрѣчу съ кѣмъ-нибудь, въ захватаніе — чехъ, птичій грай и въ другую птичью кобъ (волдунство), ухозвонъ и пр., преслѣдовала людей на каждомъ шагѣ.

Священныя, „святыя“ горы, рощи или боры (святоборы), дѣревья, родники, рѣки, озера — долго почитались какъ жилища боговъ или другихъ сверхъестественныхъ существъ, и на ихъ почитаніе указываютъ сохранившіяся въ послѣдствіи географическія названія, Святोगора, Святоборъ, божій камень, Святое (озеро), Святая и Святыня (рѣка), Бѣлбогъ, Лютбогъ, Перунъ, Велешъ и др. Боги у нѣкоторыхъ Славянъ (балтійскихъ и полабскихъ, и русскихъ) изображались какъ деревянные или металлические болваны — балваны, истуканы, кумиры, капи, и ставились на холмахъ, и въ храмахъ (капищахъ), что замѣтно особенно у балтійскихъ Славянъ. У послѣднихъ были тоже особые *жрецы* (жрьць — жрьѣти, литов. *girti* — прославлять, хвалить), которыхъ у другихъ Славянъ не было; тамъ начальники народа, рода

семьи были посредниками между божествомъ и людьми; такъ на пр. древніе Чехи (въ XII—XIII вв.) представляли себѣ, что ихъ мнимый праотецъ Чехъ принесъ дѣдовъ въ новую родину на Рипъ, и здѣсь имъ принесъ благодарственную жертву. Богослуженіе состояло въ прославленіи боговъ пѣснями и обрядами, и въ приношеніи *жертвъ*, *требъ* (требъ), земныхъ плодовъ, яствъ и напитковъ, но тоже кровавыхъ, скота и людей; человѣческія жертвы встрѣчаются на Руси и особенно у балтійскихъ Славянъ; люди зарѣзывались или тоже замуровывались въ основу строеній какъ бы въ жертву землѣ. Эти старинные обряды сохранились долго и въ христіанское время, въ тѣхъ играхъ и шествіяхъ, противъ которыхъ постоянно вопила церковь; разные скомрахи (скоморохи, *scamagi* — *actores, latrones* уже въ VI в. у подунайскихъ Славянъ), глумцы, игрецы, пласцы, гудцы, свирцы, свиральники (*mimi, histriones, joculatores* etc.), съ гусями, трубами, бубнами и другими инструментами, постоянно зывали людей на скомрашества, игры, игрища, сборища и пр. Слѣды всѣхъ этихъ старинныхъ обычаевъ сохранились до сихъ поръ въ разныхъ пѣсняхъ, обрядахъ, играхъ, пласкахъ; „плашущій Славянинъ“ (*Slavus saltans* рядомъ съ *mimus*) былъ въ Германіи IX в. довольно обычнымъ явленіемъ.

Боги и другія сверхъестественныя существа удѣляли своимъ возлюбленнымъ людямъ свою помощь, свои знанія; такіе люди по своему знанію, стоя выше остальнаго простонародья, могли ему приносить добро или зло. Это—вѣды, вѣдуны, вѣдьмы, вѣщицы, знахари, чаровники, чародѣи, чернокнижники, чаровницы, чародѣйки, баяны, врачи и врачкы, вражіи (ворожеи, врожеи), кузельники, гатари или гадачи, влѣхвы (волхвы, вухвы, вухвицы), колдуны, кудесники, виленики — вильцы, виленицы и пр. Все это люди свѣдущіе, знающіе больше чѣмъ простонародье, предсказывающіе, врущіе, влѣснующіе (бормочущіе), бающіе разные таинственныя слова, заговоры противъ разныхъ бѣдствій, кузла (чеш., оттуда поль. гусли), дѣлающіе разные чары (черты и колдовства), коби (оттуда вѣроятно поль. кобета—чародѣйка, женщина), гадающіе по чертамъ и рѣзамъ, по крови, утробамъ приносимыхъ въ жертву животныхъ (утробные волхвы), по птичьему

граю, друзья вилъ и пр. Ихъ души могутъ выходить изъ тѣлъ, они могутъ превращать людей и себя въ разные предметы и животныя, мучить, морить спящихъ людей (морусы, моры, муры, зморы, кикиморы, вѣдогони), оборачиваться въ страшныхъ кровопійцъ оборотней, волкодлаковъ (волкъ, длака — волосъ, шерсть) и упирей (упырей, упѣровъ, вепириновъ, вампировъ), духовъ оставляющихъ тѣло въ могилѣ и мучающихъ другихъ людей, пьющихъ ихъ кровь. Суевѣріе о волкодлакахъ должно быть у Славянъ очень древнее; его замѣтили у восточныхъ Славянъ, кажется, уже Греки V-аго в. до Р. Х., именно Геродотъ.

Колдовство практиковалось и въ княжескихъ родахъ. Колдуньями слыли полумиѳическія чешскія княжны Краковны, Казя и Любуша. На Руси, гдѣ водилось много волхвовъ, своихъ и чуждыхъ, въ XI в. полоцкій князь Всеславъ считался колдуномъ и волкодлакомъ. Въ Болгаріи въ X в. слыли колдунами царевичъ Баянъ Симеоновичъ, который могъ тоже оборачиваться въ волка, и попъ Іеремія Богомилъ; о послѣднемъ рассказывали въ средніе вѣка балканскіе и русскіе Славяне, что этотъ еретикъ былъ въ навѣхъ (въ аду) на „Верзіуловъ колу“, т. е. въ колѣ, кругѣ волшебномъ (нын. серб. Врзино коло), названномъ по другому „волшебнику“ среднихъ вѣковъ, римскому поэту Вергилію, итал. Вирджилію, Верджилію. Іереміѣ Богомилу приписывала православная церковь много ложныхъ, апокрифическихъ книгъ, въ томъ числѣ и разныя молитвы, заговоры недуговъ, трясавицъ, нежита, тѣ „болгарскія басни“, какъ ихъ называли на Руси еще въ XVI вѣкѣ. Приверженцы Богомила, Богомилы или Бабуны (назывались такъ по горѣ Бабунѣ въ македонскомъ Пологѣ или Пелагоніи) считались вообще какъ-то особыми колдунами, такъ что „бабунска рѣчь“ въ Сербіи XIV в. означало волшебство. Можно-ли дрчеш. бобонки (bobonek, суевѣріе) и поль. забобоны (zabobon) отнести къ бабунамъ или къ нѣм. роранъ, неизвѣстно. Въ области чародѣйства отличались особенно женщины, которыя отъ этого своего умѣнья до недавна гибли подъ руками темной невѣжественной массы. Болгарія считалась всегда родиною разныхъ обаяльницъ, магесницъ (шагае), баснарокъ, лекарицъ, и пр., и одинъ Болга-

ринъ XVIII в. самъ сказалъ, что онъ побывалъ во многихъ земляхъ, но нигдѣ не видѣлъ „только многу магесницы, катю у тая наша земля бльгарска“.

Славяне вѣрили въ безсмертіе души, которая послѣ смерти переходила въ *рай*, прекрасный садъ, или въ *навъ*, мѣстопробыванія навей (мертвецовъ, мертвыхъ, срв. дрчеш. унавити—убить, и дрполь. ныя—по выдумѣ Длугоша провожатый усопшихъ). Тѣла мертвыхъ хоронили въ лѣсахъ, поляхъ, на перекресткахъ, погребали въ землѣ или сожигали, при чемъ жены и рабы умершихъ предавались смерти въ пламени или иначе. Похороны знатныхъ особъ сопровождались военною игрою, битвою, *тризною*, *трызною*, при чемъ дѣйствительно „трызнились“ (чеш. трызнити—мучить, трызень—мука) до крови, и послѣ того пиромъ; надъ похороненнымъ насыпали *моцилу* или *гомилу* (югослав.). Могила многихъ знаменитыхъ князей сохранялись долго; такъ на пр. еще въ XII в. въ Чехіи показывали могилы княжны Кази и богатыря Стыра, а на Руси могилы Олега и Игоря; могилы многихъ казацкихъ молодцовъ существовали въ южной Руси еще недавно. У балтійскихъ Славянъ часто упоминаются могилы Славянъ, исполиновъ, въ Хорватіи каменная гомила Видомира (въ XIV в.), въ сербской народной поэзіи описывается могила войводы Каицы, и пр. Въ извѣстные дни поминали умершихъ родственниковъ пиромъ, яствами, которыя клали на могилы, приглашая покойныхъ дѣдовъ участвовать въ поминальномъ пирѣ; этотъ праздникъ называется на Руси дѣды, радуница (родуница?). Въ половинѣ V в. въ подунайскихъ славянскихъ земляхъ отпраздновали Гунны и Славяне великолѣпные похороны князя Атили; они справили по немъ тризну, „играли“ на коняхъ, прославляли подвиги покойнаго князя, и въ знакъ скорби обстригли себѣ волосы и разодрали лица до крови, чтобъ по такомъ богатырѣ грустить не слезами, а кровью; послѣ того отпраздновали огромный пиръ — *страву* на холмѣ, на которомъ лежалъ покойникъ, и наконецъ его похоронили. Подобно тому дунайскіе Славяне въ VI в. совершали тризны по умершихъ князьяхъ, восхваляли ихъ пѣснями, и пировали на ихъ могилахъ. На Руси въ X в. княгиня Ольга „приде къ гробу мужа, Игоря, плакася по

мужи своимъ и повелѣ людямъ своимъ съсуги могилу велику и тризну творити, и Деревляне сѣдоша пити“. Такія тризны совершались на Руси и послѣ введенія христіанства въ XI—XII вв.: „аще кто умраше, творяху тризну надъ нимъ, мертвеца сожъжаху и по семъ собиравше кости вложяху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ; сыпаху могилы верхъ холмомъ, дѣяху тризница, битву, вожи крояніе и лицедраніе, и плачъ безмѣрный“. Подобно тому и въ Чехіи еще въ концѣ XI в. хоронили мертвыхъ въ рощахъ и поляхъ, и отправляли, по языческому обычаю, на распутьяхъ и перекресткахъ игры и своморошества, какъ бы для упокоя душъ.

Старинныя народныя религіозныя вѣрованія уступали новымъ христіанскимъ очень медленно, и христіанская церковь не переставала ратовать противъ этихъ остатковъ поганыхъ, поганства (изъ латин. *paganus*), язычества (языкъ, по греч. *ἑθνος*, язычникъ — *ἑθνικός*). Какъ мало христіанскаго замѣтно на пр. въ южнорусскомъ *Словѣ о полку Игоревѣ*, въ пѣснѣ о походѣ Игоря противъ Половцевъ (1185 г.); пѣвецъ вѣщій Боянъ называется здѣсь внукомъ Велеса, Русичи—внуками Дажь-бога, Половцы—дѣтьми Бѣсовыми, вѣтры—внуками Стрибога, Ярославна обращается къ свѣтлому и тресвѣтлому солнцу господину, князь Всеславъ великому Хорсу волкомъ путь прерываше, и пр.; и только въ концѣ прославляются князья, которые боролись „за христьяны на поганя плѣкы“. Между тѣмъ сѣверорусскій пѣвецъ или гудецъ *Задоницы*, прославляя, по примѣру пѣвца *Слова о полку Игоревѣ*, „пѣснями и гусельными словы“ побѣду великаго князя Дмитрія Ивановича надъ Татарами (1380 г.), избѣгъ уже всѣхъ тѣхъ языческихъ воспоминаній, и его князья удалцы молятся Богу и Пречистой его Матери и всѣмъ святымъ, сражаются за русскую землю и за вѣру христіанскую, православную, за святыя церкви противъ поганыхъ Татаръ.

Ревнители христіанской религіи у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, ратуютъ и въ средніе вѣка постоянно противъ такихъ остатковъ и воспоминаній язычества; они съ негодованіемъ отзываются о своихъ славянскихъ соотечественникахъ, что, не

смотря на принатіе христіанства, „овъ не сжщимъ богомъ жьреть, овъ рѣж богыниж нарицаеть и трѣбж творить, овъ трѣбж творить на студеньци дѣжда исемь отъ нѣго, овъ кобені пѣтичь смотреть, овъ сѣрѣтениемъ сжмѣнить са, овъ мушнѣ тѣстѣмъ скотъ твора убииньтъ“; что люди называли богами „слѣнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, отъ камени устроая Трояна, Хърса, Велеса, Перуна“; что, особенно по украинамъ „вѣрують въ Перуна и въ Хърса и въ Вилы, ихже число тридѣвать сестрениць; огневи моляться зовуще его Сварожичемъ; моляться Роду и Рожаницамъ (Роженицамъ), и глаголють невѣгласы и мнѣть боги и богынями, и владуть имъ требы, трапезу, короваи, хлѣбы, сыры, медъ, и рѣжють куры; жруть бѣсомъ и болотомъ и кладезимъ, поганьски вѣрують въ сращустрѣчю, закыханіе — чехъ, птичій грай и другую кобъ“, и пр Подобно тому и въ Чехіи XI — XII вв. духовенство ратовало противъ разныхъ суевѣрій „глупаго полуязыческаго сельскаго народа“, который почитаетъ разныя сверхъестественныя существа (*Oreadas, Dryadas, Hamadryadas*), студенцы — колодцы, огни, святыя боры и деревья и камни, приносятъ на горахъ и холмахъ и студенцахъ жертвы кровавыя и другія, молятся сдѣланнымъ имъ идоламъ (дѣдкамъ), и просятъ оберегать дома. Всѣ эти старинныя обычаи соблюдались у Славянъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ еще въ XI—XII и позднѣйшихъ вѣкахъ, когда тѣ Славяне съ IX—X вѣковъ познакомились съ христіанствомъ. Между тѣмъ у балтійскихъ Славянъ тогда процвѣтало старинное язычество, и въ ихъ святыняхъ Радигощѣ, Арконѣ, Щетинѣ, Волынѣ, Бранденбургѣ и др., передъ идолами Сварожича — Сватовита — Яровита — Триглава, Перуна и другими, жрецы совершали богослуженіе, приносили жертвы кровавыя и безкровныя, гадали при помощи священныхъ копьевъ и коней объ успѣхѣ или неуспѣхѣ задуманнаго похода, а при помощи меда въ рогѣ Сватовита и большого пирога объ урожаѣ; почитали святоборы, священныя деревья, родники, камни и пр.

Небесныя тѣла не только почитались какъ божества; они считались то же „мѣрильщиками“ времени, часа, года, години, т. е. вообще времени, потомъ извѣстнаго времени, года

солнечнаго, мѣсяцевъ. Теплая, жаркая половина года (врѣмя—врѣти), яро (ярое время) или весна (санскрит. *vasanta* отъ *vas* — засіять, *vāsaḥ*—день, литов. *vasaga* —лѣто), лѣто, было важнѣе холодной осени и зимы. За небесными тѣлами слѣдили, придумали для созвѣздій разныя подходящія названія, объясняли себѣ ихъ перемѣны по своему. Такъ на пр. затмѣніе солнца и мѣсяца объясняли себѣ тѣмъ, что ихъ съѣдаютъ волхвы; въ XI в. на Руси говорили „невѣгласы мѣсяць снѣдаему сущу“, и въ Чехіи въ XIII в. утверждали, что во время затмѣнія мѣсяць ѣдятъ вѣды (вѣдуны); въ Сербіи въ XVI в. говорили селяне, что „югда погубнеть луна или слънце, влькодлаци луну или слънце изѣдоша“. Слѣды такихъ воззрѣній замѣтны до сихъ поръ въ народной письменности. Мѣсяць считался „мѣрильщикомъ“ (*mensis—metiri*) извѣстной части года, мѣсяцевъ; разнообразныя ихъ названія у Славянъ, принятія по явленіямъ природы (просинецъ — солнце просіяло, мѣсяцы, когда распускаются береза, дубъ, липа, когда собираютъ траву, хлѣбъ серпомъ, мѣсяцы ледяной, лютый, листопадъ и пр.), указываютъ на довольно позднее происхожденіе этихъ названій. Также и названія дней въ семидневной недѣлѣ поздняго христіанскаго происхожденія (недѣля — воскресенье, дни второй, четвертый, пятый послѣ воскресенья, средній, жидовская суббота); только по названію четвертка у полабскихъ Славянъ „Перунъ день“ можно бы было заключить, что и Славяне когда-то знали названія дней въ недѣлѣ по божествамъ, подобно Римлянамъ (*dies Jovis, Jendi*) и Нѣмцамъ (*Donarstag, Thursday*).

Остатки и слѣды старинныхъ вѣрованій сохранились, больше или меньше, до сихъ поръ въ народной письменности всѣхъ Славянъ, особенно южныхъ и восточныхъ, въ сказкахъ, пословицахъ, пѣсняхъ, обрядахъ, пляскахъ, играхъ, обычаяхъ и пр. Въ нихъ сказалось единство Славянъ часто поразительнымъ образомъ, не смотря на разнообразное чужое вліяніе. Христіанство не могло, конечно, упразднить всѣ эти вѣрованія и взгляды, и часто прикрыло ихъ только по своему. Христіанскія понятія и воззрѣнія, почерпнутыя изъ книгъ истинныхъ и ложныхъ (апокрифовъ), смѣшались со старинными народными вѣрованіями, которыя постоянно проглядывали подъ новымъ христіанскимъ

покрываломъ. Съ другой стороны эти новыя воззрѣнія проникали тоже въ произведенія народнаго творчества, и измѣняли ихъ; такъ на пр. нѣкоторыя апокрифическія рассказы о созданіи міра нашли себѣ путь и въ народную славянскую письменность, въ пѣсни, сказки и пр. Легенда, духовный стихъ, не всегда принимались всецѣло въ первоначальной формѣ; съ одной стороны примѣшались къ нимъ народные преданія, а съ другой стороны этотъ новый элементъ повліялъ и на произведенія народнаго творчества. Старинныя божества Сварожичи скрылись подъ именами христіанскихъ святителей, которые напоминали имена или дѣйствія старинныхъ боговъ. Св. Георгій (Егорій, Юрій) храбрый, сражающійся съ змѣемъ, прикрылъ Сварожича Солнце лѣтнее, прогоняющее смерть, зиму, и оживляющее всю природу, благопріятствующее земледѣлію и скотоводству. Св. Власій (Власъ), покровитель скота, замѣнилъ на Руси Велеса, Волоса, скотьяго бога; св. Илья — громовникъ-огненный (20 іюля) замѣнилъ Перуна, и къ нему присоединилась у Болгаръ и Сербовъ огненная Марія (блажена Марія 17 іюля), и тоже св. Пантелеймонъ, Пантелія (27 іюня), повелитель жаровъ (врушнѣ), который на южной Руси и назвался Палій (палить); св. Николай у южныхъ Славянъ сталъ повелителемъ водъ, и замѣнилъ такимъ образомъ морскаго царя. Нѣкоторыя имена боговъ и другихъ такихъ существъ сдѣлались, со временъ принятія христіанства, именами злыхъ боговъ, злобоговъ, бѣсовъ, чертей, на пр. Велесъ у Чеховъ. Дабогъ у Сербовъ; имя Троянъ (вѣроятно по римскому цѣсарю Траяну) попало тоже въ число югославянскихъ боговъ, а у Сербовъ оно означаетъ теперь царя злобога боящагося солнца, подобно другому злобогу царю Дуеляну. Слово вила означало въ древнечешскомъ и древнепольскомъ языкахъ—глупый, сѣумасшедшій. Богини у Сербовъ—оспа, богинки, богенки у Поляковъ—дивожены, крадушія дѣтей.

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, огонь, вѣтры, вода, земля, являются въ народной славянской письменности, въ пѣсняхъ (обрядовыхъ), сказкахъ, пословицахъ, заговѣтияхъ и пр., до сихъ поръ олицетворены, какъ извѣстныя царствующія лица. Солнце царствуетъ въ блестящихъ чертогахъ—теремахъ, и живетъ вмѣстѣ

но переводъ латин. *adventus Domini*, срв. югослав. крак—нога, кракати—шагать, корак—шагъ), въ вечеръ бадњи—бѣдни, бѣдникъ (югослав.), когда надо бѣдѣть (срв. латин. *vigilia*), у южныхъ Славянъ зажигаютъ колоду (баднякъ, бѣдникъ), и посыпаютъ этотъ пылающій символъ рождающагося свѣтлаго, яркаго, грѣющаго божества, зерномъ и поливаютъ его виномъ, выражая въ пѣсняхъ и молитвахъ пожеланіе урожая. Эти божичевыя пѣсни, коледы, равнымъ образомъ какъ и русскія колядки (колѣдушки), которыя отъ части относятся до сихъ поръ къ солнцу, малорусскій обычай скрыванья хозяина за большимъ пирогомъ—хлѣбомъ желающаго урожая, какъ это дѣлалъ и у балтійскихъ Славянъ XII в. жрецъ на Ранѣ: все это отголоски стариннаго народнаго богослуженія Сварожичу Солнцу.

Воскресеніе природы весною, яромъ, подъ вліяніемъ грѣющаго солнца, приурочено къ христіанскому празднику Воскресенія Христова, къ Пасхѣ, и къ празднику св. Георгія, который прикрьлъ Сварожича Солнце, отмыкаетъ, отворяетъ землю, оберегаетъ земледѣліе и скотоводство; ему же въ Болгаріи на холмахъ приносятъ въ жертву барашка, закалываемаго старикомъ, и боговицу (пѣсный хлѣбъ). У западныхъ Славянъ сожигали или утопали зиму, смерть, морену, соломенное чучело, при извѣстныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ; въ Польшѣ въ XVI в. одна такая пѣснь начиналась словами: *Śmierć się wije po płotu szukającą kłopotu*. На Руси закливаютъ весну, справляютъ красную горю, пѣснями и плясками. Лѣтній праздникъ Солнца приуроченъ особенно къ двумъ христіанскимъ праздникамъ, къ Духову дню, Троицѣ, Пятидесятницѣ (зеленые святки, лѣтницы) и къ празднику св. Ивана Предтечи. Зеленые святки назывались у Славянъ тоже *русалія*, *русалии* (изъ греч. *ῥοσχαλία*, латин. *pascha rosagium*, словѣн. и др.серб. *русалии*—*pentekost*), что сохранилось отъ части до сихъ поръ у угорскихъ Словенцевъ (*risale*) и Словаковъ (*rusadla*, *rusadljé*, *rusadelné svátky*), и у западныхъ Сербовъ (*rusalje*, *rusalji*—*petdesetnica*, *duhovi*, *trojica*); на Руси русальная недѣля, болгар. русальница—недѣля передъ Троицею. Но уже рано слово *русалія*, *русалии*, стало означать, особенно на Руси, а тоже у Сербовъ, не святки, а обряды, игры, языческаго харак-

тера, сопровождаемая скоморохами (своими и иностранными), гуслями, трубами, и совершаемая въ разные дни, не только въ русальную недѣлю, но тоже на канунѣ Рождества, Крещенія, св. Ивана Предтечи и пр. Такъ уже въ XI в. на Руси сѣтовали на то, что „превабляютъ ны отъ бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи на игрища“. Подобно тому въ XI в. и въ Чехіи порицали полугязыческихъ поселанъ, что они на Троицу соблюдали еще суевѣрные обычаи, и приносили злымъ духамъ жертвы на студенцахъ, что они вообще отправляли похороны въ рощахъ и поляхъ, игры на распутьяхъ, какъ бы для упокоя душъ, и безбожныя и безстыдныя скоморошества надъ своими покойниками, имѣя маски на лицахъ и крича на пустыя тѣни (*scenas in biviiis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, et jocos profanos super mortuos suos, inanes scientes manes, ac induti faciem larvis bachando exercebant*). Подобно тому на Руси еще въ XVI в. „въ Троицкую субботу сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача представше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти на тѣхъ же жальникахъ: въ великій четвертокъ кличють мертвыхъ, о велицѣ дни творять оклички на радуници (родъници) и всякое бѣсованіе“. Противъ такихъ „русалій“ и бѣсовскихъ игръ съ скоморохами, ходившими ватагами, глумцами, ягрецами, плясцами, гудцами, гусельниками, пьяницами, съ гуслями, сопѣлями, трубами, бубнами, бѣсовскими нѣснями, на бѣсовскихъ игрищахъ, сборищахъ, стогнахъ, свадьбахъ— не переставала возставать православная церковь, особенно на Руси. У Словаковъ еще въ XVI в. запрещаются распутныя пляски на русальные праздники (*perořádné tance obzvláště na rusadelné svátky*). При такихъ играхъ скоморохи надѣвали маски, личины, разныя „неподобныя одѣянія“. тоже маски животныхъ, коня (бѣсовской кобылки), козы (срв. „козлогласованіе“ кормчихъ книгъ XIII в.), тура (срв. маску гурицу въ Дубровникѣ) По этой послѣдней маскѣ зеленые святки у западныхъ Славянъ называются тоже турци.

Другой лѣтній праздникъ Сварожича Солнца, солнечнаго крѣса, крѣсинъ (югослав., *mutatio temporum, solstitium*, срв.

общеславян. кресить, воскресить), приуроченъ къ 24-ому іюня, къ дню св. Івана Крестителя. Тогда, ночью съ 23-аго на 24-ое іюня, солнце придаетъ растеніямъ, водѣ и пр. особенную волшебную и цѣлебную силу. Въ эту ночь мужчины и женщины отправляли тѣ „сборища, игрища межи селы“ (рус.), при чемъ мужчины „умыкали“ себѣ дѣвицъ, купались (оттуда прозвище св. Івана Купало), прыгали черезъ пылающіе огни—крьсы (югослав.), соботки (поль., вѣроятно уже подѣ христіанскимъ вліяніемъ: соботка, sobota—канунъ праздника), творили „огненное скаканье“ (въ южной Руси XVI в.); въ эту ночь въ Болгаріи въ XIII в. Богомилы (а несомнѣнно и православные) творили „вльшвеніа и плодовъ влаченіа и еликаа въ тѣ ношъ скверная тайинства“, противъ которыхъ возставала православная церковь. Въ Польшѣ въ XVI в. плясали и пѣли „pieśni plugawe“ (скверныя), и творили „około sobótki rozmaite złości“, противъ которыхъ ратовали польскіе моралисты тѣхъ временъ. На Руси въ XVI в. творили всѣ тѣ „богомерзкія дѣла, бѣсовскія пѣсни, играніе сатанинское, безчинный говоръ, русаліа, глумы, игры, скомрашества, кличъ, плесканіе, плясаніе, главами киваніе, хребтомъ вихляніе, ногами скаканіе и топтаніе, гудѣніе въ гусли, сопѣли, бубны, отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“; тогда „огавницы мужіе и жены и дѣвицы, чаровницы, исходятъ по лугомъ и по болотомъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуще смертныя травы, отравнаго зеля, копають дивыя коренія, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни, и умываются водою“. Такими словами рисуется православная русская церковь XVI в. всѣ тѣ старинные обычаи, которые сохранились, больше или меньше, у Славянъ до сихъ поръ.

Разныя миѣическія преданія, смѣшанныя съ позднѣйшими христіанскими воззрѣніями и съ разными книжными премудростями, почерпаемыми изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ (изъ баснословныхъ сказаній западноевропейскихъ, византійскихъ, восточныхъ и др.)—живутъ въ народной поэзіи славянской, именно въ русской, болгарской и сербской, до сихъ поръ. Сюда относятся сказанія, въ которыхъ являются говорящія животныя, великаны, исполины—споли (срв. споръ-великій), волоты,

велеты, велетни, дивы, обры, обрины (по народу Обровъ, Аваръ), столымы (дрполь. и кашуб. изъ нѣмецкаго), сильные богатыри, добрые молодцы, юнаки, борющіеся съ чудовищами, змѣями, съ препятствіями природы, взбирающіеся на хрустальную гору, освобождающіе царевну, и пр. Въ этихъ сказаніяхъ, хотя измѣненныхъ въ слѣдствіе разныхъ чужихъ вліяній, встрѣчаются многія общія всѣмъ Славянамъ черты, остатки старинныхъ общеславянскихъ мифовъ.

Народная *эпическая поэзія* у Славянъ не общая, всеславянская; ея источникъ надо уже отыскивать у каждаго отдѣльнаго народа славянскаго. У западныхъ Славянъ, у Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, лужицкихъ Сербовъ, и у южныхъ Словенцевъ, народной эпической поэзіи нѣтъ, и, въ историческое время, не было; есть только отдѣльныя пѣсни историческаго содержанія. У южныхъ Славянъ, у Болгаръ, Сербовъ и отъ части у Хорватовъ, народная эпическая поэзія процвѣтала въ древнія времена, и ея отголоски можно замѣтить уже въ югославянской діоклейской лѣтописи XII в. Въ болгарской и сербской народной эпической поэзіи осталось не много воспоминаній о лицахъ и событіяхъ до-турецкаго періода; они заслонены страшною катастрофою турецкаго завоеванія, косовскою битвою и ея роковыми послѣдствіями, гибелью Сербіи и Болгаріи и подвигами тогдашнихъ юнаковъ, князя Лазаря, Милоша Кобилевича (позже Обилича), Юговичей, царя Іоанна Шишмана, измѣною Вука Бранковича, и др. Юнаки сербскаго и болгарскаго эпоса отъ части лица историческія, но разукрашенные народною фантазією, отъ части лица въ исторіи неизвѣстныя; это послѣднее замѣтилъ уже одинъ Византиецъ въ началѣ XIV в. Такъ на пр. юнаки Канца, Момчило, Стоянъ и Дойчинъ совсѣмъ неизвѣстныя лица, а самый любимый юнакъ сербскаго и болгарскаго эпоса, королевичъ Марко Вукашиновичъ, это олицетвореніе сербско-болгарскаго юначества вообще, лицо въ исторіи мало извѣстное. За сербскими и болгарскими юнаками косовскаго кружка, боровшимися противъ Турокъ, слѣдуютъ такіе же юнаки угорско-сербскіе и хорватскіе, Якшичи, Сибинянинъ Янко (Янъ Гуняди), Свилоевичъ (Силады), Секула, Иво Сенянинъ, Николай Зринскій и др.,

гайдуки (между ними прославляется особенно Новакъ), наконецъ юнаки черногорскіе и сербскіе, взявшіеся за оружіе для освобожденія сербскаго народа отъ турецкаго ига. У южныхъ Хорватовъ въ Далмаціи юнацкія пѣсни (именно стихъ 15-и и 16-и сложный, а не 10-и-сложный), преимущественно пѣсни чисто сербскаго происхожденія (косовскія, о Марѣѣ, о угорско-сербскихъ юнакахъ), назывались, неизвѣстно почему, болгарскими (бугарьини, бугарштицы). Примѣшавшіяся къ историческому разсказу баснословныя сказанія могутъ быть остатки миѣическихъ преданій или просто остатки разныхъ такихъ баснословныхъ сказаній западноевропейскихъ, византійскихъ, восточныхъ; на пр. борьба юнака Милоша Воиновича съ трехголовымъ чудовищемъ Балачкою войводою изъ Леђана града, борьба Высокаго Стефана съ дивами, Вукъ змѣй-огненный, Секула освобождаемый отъ трехголовой змѣи самовилами, и пр.

Въ русскомъ народномъ эпосѣ, въ *былинахъ*, замѣтно нѣсколько историческихъ наслоеній, замѣтны примѣсы миѣическая и христіанская, библейская и сказанія апокрифическія, византійскія, восточныя и западноевропейскія; баснословный элементъ можетъ быть не только остаткомъ миѣическихъ временъ, но тоже простой переходъ таковыхъ баснословныхъ сказаній изъ византійскихъ или восточныхъ источниковъ, воспоминанія о св. Георгіѣ змѣеборцѣ; такъ борьба Добрыни Никитича съ Змѣемъ Горыничемъ, борьба Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, и пр. Древніе русскіе богатыри, защитники русской земли противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, дѣйствуютъ либо самостоятельно, либо сгруппировались около кіевского князя Володимера, другіе дѣйствуютъ въ Новгородѣ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ имена историческихъ лицъ, какъ на пр. Добрыня, Алеша Поповичъ, Ставеръ, Василиій Буслаевичъ, Илья Муромецъ и др. Нѣкоторыя имена доходятъ до очень отдаленныхъ временъ, какъ на пр. Добрыня Никитичъ до X вѣка; Илья „Моровлинъ, Муравленинъ“ считался въ XVI—XVIII вв. въ югозападной Руси знаменитымъ богатыремъ, славнымъ воиномъ, и его останки покоились въ Кіевѣ около собора св. Софіи. Но кромѣ этихъ именъ богатырей въ былинахъ нѣтъ ничего истори-

ческаго. Имена другихъ богатырей въ исторіи совсѣмъ неизвѣстны; нѣкоторые богатыри перенесены на Русь извнѣ, и здѣсь окрещены и раскрашены на русскій ладъ; такъ Птоломей сдѣлался на Руси Вотолманомъ, Волотоманомъ, Волотомъ Волотовичемъ, святой Егоръ, Егорій храбрый—Святогоромъ, св. Михаилъ изъ Потуки — Михайломъ Потыкомъ, Потокомъ, и пр. Нѣкоторые имена, заѣзжихъ богатырей и ихъ родины каковы напоминаютъ давнишнія сношенія Славянъ русскихъ съ другими Славянами и съ другими народами; такъ на пр. имя богатыря Дуная Ивановича можетъ указывать на Дунай, священную рѣку Славянъ, отсюда „разидеся словѣнскій языкъ“; въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ изъ богатаго города Воляня и о Соловьѣ Будиміровичѣ изъ славнаго города Леденца изъ-за синяго моря волянскаго изъ земли веденецкой—можетъ быть, слышны отголоски старинныхъ сношеній восточныхъ, русскихъ Славянъ съ западными, балтійскими „Ляхами“, какъ этихъ Славянъ называли на Руси еще въ XI—XII вв., съ землею „лядьскою“, „венедскою“, съ городомъ Воляннемъ, гдѣ проживали уже въ XI в. русскіе купцы; а городъ Леденецъ можетъ быть тотъ же самый что Леѣан град сербскихъ пѣсней. Чурила Пленковичъ изъ Сурожа можетъ указывать на связи Русскихъ съ Сурожемъ, съ тамошними франко-итальянскими купцами. Къ древнимъ богатырямъ присоединились потомъ и новые русскіе богатыри, которые тоже сражались съ врагами Руси, съ Татарами; это казаки, защищавшіе Русь на востокъ и на югъ противъ Татаръ и Турокъ, завоевавшіе Сибирь (Ермакъ), но тоже бросавшіеся на русское государство (Разинъ). Старые и новые богатыри часто смѣшиваются, равнымъ образомъ какъ и смѣшиваются событія, времена и пр. Кромѣ эпическихъ пѣсней о богатыряхъ и о казакахъ русскій народъ на сѣверѣ помнитъ въ своихъ историческихъ пѣсняхъ нѣкоторые другія событія временъ царей Ивана Грознаго, Алексѣя Михайловича, Петра Алексѣевича и др.

Былины сохранились теперь только въ сѣверовосточной, Великой Руси, между тѣмъ какъ въ югозападной Руси ихъ уже нѣтъ; но пѣсни о „былинахъ“ (событіяхъ), о князьяхъ и богатыряхъ, о ихъ подвигахъ, пѣлись прежде и на югозападной Руси, какъ вид-

но изъ пѣсни о походѣ князя Игоря (Слово о полку Игоревѣ); былины объ Ильѣ Муромленинѣ и о Соловьѣ Будиміровичѣ были въ югозападной Руси извѣстны еще въ XVI в., и отголоски древней былины сохранились отъ части до сихъ поръ въ сказаніи о богатырѣ Михайлѣ, который во время князя Володимера живетъ въ Кіевѣ, сражается съ Татарами, и уноситъ въ Царьградъ золотыя ворота. Но эти старинныя былины исчезали передъ новымъ предметомъ, который проникнулъ жизнь русскаго народа на югъ, и отразился въ эпической его поэзи; это борьба казаковъ богатырей (рыцарей) съ Татарами и съ Турками, по Днѣпру и по Черному морю. Память объ этой борьбѣ сохранилась въ *думѣхъ* и пѣсняхъ о рыцарѣ Байдѣ (князѣ Димитріѣ Вишневецкомъ) погибшемъ въ Царьградѣ, о Самуилѣ Кошеѣ, о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о тяжеломъ положеніи „плачѣ“ невольниковъ, и пр. Кромѣ этой борьбы съ магометанскимъ міромъ предметомъ южнорусской или малорусской эпической поэзи — борьба съ Ляхами, думы и пѣсни о Хмѣльницкомъ, Нечаѣ, Морозенѣ, Перебійносѣ, Паліѣ, Зализнякѣ и другихъ гайдамакахъ козакъ, и преданіе объ уничтоженіи запорожской сѣчи.

Подвиги славянскихъ богатырей прославляли особые пѣвцы или гудцы, гусельники, гусяри, которые встрѣчаются у Славянъ съ древнѣйшихъ временъ и не вывелись до сихъ поръ. Такъ уже въ VI в. у южныхъ задунайскихъ Словѣнъ встрѣчаются такіе гудцы (гжельники), игравшіе на гусляхъ (*хѣдѣра*, словѣн. гжсли). На Руси полумифическій „вѣщій Боянъ“ пѣлъ пѣсни, и его „живыя струны сами княземъ славу рождаху“. Подобно тому неизвѣстные пѣвцы Слова о полку Игоревѣ (XII в.) и Задонщины (XIV в.) прославляли подвиги князей-богатырей, по примѣру того-же „вѣщаго Бояна, кіевскаго горазда гудца, восхвалявшаго русскихъ князей пѣснями и гусленными буйными словесы;“ такоѣ же пѣвецъ Митуса жилъ въ XIII в. при дворѣ Даниила Романовича галичскаго. Но не одни пѣвцы, гудцы по призванію, часто слѣпцы или вообще калѣки, а тоже сами богатыри „творили и пѣли пѣсни“, играли на гусляхъ, „воскладали десять перстовъ на живыя струны“; между тѣмъ сербскія гусли — родъ скрипки съ одною струною, на которой играется *смычкомъ*; юж-

ные Русские играли на бандурѣ (греч. *πανδοῦρα*) или кобзѣ (гитарѣ). Такъ Соловей Будиміровичъ „пѣсни поетъ и гусли играетъ“, а казаки на Черномъ морѣ „медъ кружатъ, на бандуркахъ выгравають, що слухати мило“. На свадьбѣ Тимофея Хмѣльницкаго пѣлись казацкія думы, равнымъ образомъ какъ еще въ первой половинѣ XVII в. въ Хорватіи на пиряхъ войны воспѣвали славу предковъ, особенно Милоша Кобилевича, кралевица Марка и Новака Дебеляка. Кромѣ того тогда сербскіе пѣвцы, бродя въ Польшѣ и южной Руси, пѣли думы о борьбѣ Поляковъ и Хорватовъ съ Турками. Юнацкія пѣсни поютъ сами сербскіе юнаки до сихъ поръ, и самъ черногорскій князь Николай беретъ за гусли и пѣсни. Народная эпическая поэзія была прежде богаче чѣмъ теперь, гдѣ она и у Славянъ восточныхъ и южныхъ, въ слѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, мало по малу исчезаетъ. Славянскіе рапсоды нашего вѣка, сербскій Вишничъ, великорусскій Рабининъ, малорусскій Вересай, — вѣроятно одни изъ послѣднихъ славянскихъ пѣвцовъ, гусярей, бандуристовъ (кобзарей, лирниковъ). Богатырскій элементъ былинъ примѣшался не рѣдко и къ духовнымъ стихамъ русскимъ, которые поютъ „калѣки (калики) переходящіе“; такой характеръ имѣютъ на пр. духовные стихи про Егорія—Георгія храбраго (св. Георгія), утверждающаго святую вѣру по всей землѣ свѣтло-русской или свято-русской.

У западныхъ Славянъ встрѣчаются въ XII—XIII вв. какіе-то *joculatores* въ службѣ князей чешскихъ и польскихъ (Коята Добрыта, Юриѣ). Но эти *joculatores* были вѣроятно пѣвцы по образцу западноевропейскому, которые „тѣшили“ князей, вельможъ, народъ, пѣснями серьезнаго и комическаго содержанія. Такіе *joculatores* приходили къ Славянамъ особенно изъ нѣмецкихъ странъ; по этому они назывались у южныхъ и восточныхъ Славянъ *шпильманы*. Это слово объясняется уже въ двухъ кормчихъ книгахъ XIII в., сербской и русской, словами *глумецъ*, *игрецъ*, и по этому даже св. мученикъ Ардалеонъ называется *шпильманомъ* (игрецъ, *μῦθος*); на Руси *шпильманъ* обратили потомъ вѣроятно въ *шпынь* (балагуръ, насмѣшникъ); эти *шпильманы* были тѣ чужіе бродячіе своморохи, которые упоминаются на Ру-

си до XVII в. Такіе бродячіе нѣмецкіе музыканты и комедіанты (Аламаны) въ XVI в. тѣшили тоже Дубровчанъ, и учили ихъ „у трумбуне трумбетати“, чтобъ съ ними потомъ выпить (потринкати).

9. ЯЗЫКЪ И ПИСЬМО.

Славянскій „языкъ“, какъ одно выработавшееся, установившееся и всѣми Славянами принятое средство взаимнаго пониманія и обмѣна мыслей, не существуетъ, равнымъ образомъ какъ нѣтъ одного „народа“ славянскаго. Есть языкъ русскій и его нарѣчія (великорусское, малорусское, бѣлорусское, съ разными говорами), языкъ польскій и его нарѣчія (кашубское, мазурское, слензское и др.), языкъ чешско-словенскій, языкъ сербско-хорватскій и другіе „языки“ славянскихъ народовъ. Если же нѣтъ славянскаго „языка“, то нельзя говорить и о его „нарѣчіяхъ“. „Славянскій языкъ“ можетъ пониматься только какъ идеальный ближе неизвѣстный „праязыкъ“ того въ историческое время неизвѣстнаго славянскаго „пранарода“. Исторія знаетъ уже только славянскіе „языки“. По этому трудно говорить о раздѣленіи славянскаго „праязыка“ на нѣсколько языковъ въ доисторическое время. Полагають, основываясь на двухъ различныхъ славянскихъ названіяхъ домашней птицы *пѣтуха*, который является въ средней Европѣ не раньше V в. до Р. Хр., что уже тогда Славяне раздѣлялись по крайней мѣрѣ на двѣ главныхъ отрасли; ибо западные Славяне называютъ ту птицу *когутъ*, *кокотъ*, а восточные и южные вообще пѣвуномъ—*пѣтухъ*, *пѣтла*, *петелина*, *пивацъ* и пр. Какъ бы то ни было, раздѣленіе славянскаго праязыка и пранарода на нѣсколько частей надо отнести къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ; адриатическіе Венеты, балтійскіе Сवेфы, днѣпровскіе Венеты, черноморскіе и дунайскіе Сарматы, говорили навѣрное на своихъ особыхъ языкахъ, какъ и ихъ потомки Словѣне, Ляхи и Русь. Какъ только записывается хотя бы то или другое славянское слово, тотъ или другой письменный памятникъ, славянскіе языки являются какъ строго опредѣленные органическія единицы, которыя въ фонетическомъ отношеніи отличаются существенно другъ отъ друга. Такъ на пр. надо отнести къ доистори-

ческими временамъ отличительные знаки языка русскаго (полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ) и языка ляхскаго (отсутствіе полногласія, носовые звуки), и всѣ вопросы, почему Русскіе говорятъ *город* и *буду*, а Ляхи *гард*, *юрд*, *юрод* и *бждж*, надо считать пока необъяснимыми. По древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ языка—хотя бы это были только отдѣльные имена и слова—видно, что уже въ древнѣйшее историческое время западные Славяне говорили: *радо*, *меза* или *медза*, *ноц*, *земя*, *Древяне*, *выгон*, *розток*, *Ратиборовици*, *град* (Чехи) и *гард* — *грод* (Ляхи), *вльк*, *вльк*, *вль*, *вильк*, *муж* (Чехи) и *мжж* (Ляхи); восточные Славяне (Русь): *рало*, *межа*, *ноч*, *земля*, *Деревляне*, *изгой* и *выход*, *разток* и *розток*, *Мирятичи*, *город* (а *городъ* только писали), *вльк* — *вольк*, *муж* южные Славяне: *рало*, *земля*, *изход*, *разток*, а на востокъ (дунайскіе и болгарскіе Словѣне): *градъ*, *межда*, *пешть*, *кѣназь*, *мжжъ*, *сѣтъниѣъ*, *Сватоплѣъъ*, *Богданишти*, на западъ (Словенцы, Хорваты и Сербы): *град*, *меја* — *меѣа*, *пеѣ*, *кнез*, *мож* — *муж*, *свет*, *полѣ* — *плѣ* (позже *пуѣ*), *Богдановиѣи*, и пр. Названіе русской рѣки Березины записалъ уже Геродотъ вѣрно по правиламъ восточнославянскаго полногласія, *Borysthenes* т. е. Берестина (Березина) а не Брѣстина; въ названіи балтійско-славянскаго племени *Vagini*, *Vagni*, какъ его передаютъ Римляне и Греки, замѣтна правильная въ западно-ляхскомъ нарѣчій форма *варн* (а не *вран*, *врон*), а въ названіи лужицео-сербскихъ *Lugi*—форма *луг* безъ носоваго звука. Нѣкоторые словѣнскія слова въ готскомъ языкѣ, на пр. *plinsjan*—пласати, латинское слово *калада* (*calendae*) въ словѣнскомъ языкѣ—указываютъ на присутствіе носовыхъ звуковъ въ языкѣ дунайскихъ Словѣнъ уже въ II—IV вв. послѣ Р. Хр., что еще виднѣе по словамъ словѣнскимъ перешедшимъ въ языки волошскій и угорскій въ IX в. (*турка*, *réntek* и пр.). Въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ славянскихъ, на пр. въ переводахъ евангелій Остромира или зографскаго, въ отрывкахъ фрейзингенскихъ, въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ и въ Русской Правдѣ, въ древнѣйшихъ грамотахъ сербскихъ, и въ словахъ и именахъ встрѣчающихся въ древнѣйшихъ латинскихъ грамотахъ хорватскихъ, чешскихъ, ляхскихъ—являются языки словенскій, русскій, хорватско-сербскій, чешскій, ляхскій (балтійскій и польскій), уже со всѣми своими отличительными чертами.

Въ славянскихъ языкахъ и ихъ нарѣчійхъ и говорахъ, хотя они въ фонетическомъ отношеніи представляютъ вообще опредѣленные единицы, часто являются сходства, не только на этнографическомъ рубежѣ, но въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Такъ на пр. носовые звуки—важный знакъ языка лашскаго и словѣнскаго, хотя эти два языка въ остальномъ существенно отличаются; въ другихъ же славянскихъ языкахъ болѣе близкихъ къ лашскому (въ чешскомъ, полабско-сербскомъ) или къ словѣнскому (въ словенскомъ, хорватско-сербскомъ, русскомъ) носовые звуки, въ историческое время, встрѣчаются какъ очень рѣдкое исключеніе. Относительно глухихъ *з* и *ѣ*, которыя играютъ такую важную роль въ словѣнскомъ языкѣ, въ остальныхъ славянскихъ языкахъ замѣтно уже очень рано стремленіе выпускать ихъ или замѣнять ихъ чистыми: изъ *влякъ* (вълкъ, влькъ, выльъ) сдѣлали Русскіе и Словенцы *воле* (вълъ), Поляки *вилъъ*, Чехи *вльъ*, *влъ*, Хорваты и Сербы *вльъ*, *вуъ*, Болгаре *влъе* — *вълъ*; изъ *трѣвъ* — *торг* (*търгъ*), *тергъ*, *таргъ*, *трыгъ*, *тръгъ*, *търгъ*; изъ *сѣтъникъ* — *сотникъ* (*сѣтъникъ*), *сетникъ*, *сѣтникъ*, *сатникъ*, *сѣтникъ*. Гласную *ь* произносятъ Поляки, Бѣлые Русскіе и Болгаре какъ *я* (*вѣра*—*вара*), Чехи, Хорваты и Малые Русскіе какъ *и* (*вира*). Звукъ *ы* исчезаетъ въ языкахъ словенскомъ и хорватско-сербскомъ очень рано (въ IX—X вв.), въ чешскомъ начинаетъ исчезать съ XIV в., а только въ языкахъ польскомъ и русскомъ сохранился вполнѣ. Восточные Ляхи (Поляки) произносятъ *дѣ* и *тѣ* какъ *дзѣ* и *цѣ*, дзекають и цекають (*дзеца* — *dziecię*, дитя, словѣн. *дѣта*), между тѣмъ западные Ляхи (балтійско-полабскіе) этого не знали, говоря *дета* (*deta*), что по всей вѣроятности и была первоначальная форма всѣхъ лашскихъ нарѣчій; срв. поль. *Wladislaus* и *Włodzisław*, *Mistigneu* и *Mscis*, *Mscivou*. Бѣлые Русскіе, подобно Полякамъ, тоже дзекають и цекають, а *дз* встрѣчается тоже въ языкѣ словѣнскомъ (*з*), отъ части въ нарѣчійхъ македонскихъ Болгаръ (*слѣдза*), и въ нѣкоторыхъ говорахъ великорусскихъ. Согласную *ѣ* произносятъ Ляхи, восточные Русскіе, и Югославяне какъ *з*, остальные западные Славяне и Русскіе какъ (латин.) *h*, и такъ и въ одномъ краньско-словенскомъ говорѣ. Замѣна шипящихъ *щ* и *ч*, *с* и *ш*, *з* и *ж*, встрѣчается въ разныхъ славянскихъ нарѣчійхъ:

цловѣ — цлавак — целовѣкъ, прѣва — червова, прн — чарни, цо — чо, ча — ца, деуса — душа, зена — зона, и пр. Свойственная чешскому языку перегласовка *a* (*ja*) въ *e* (*je*), душа — душе, надѣја — надѣје, встрѣчается тоже въ одномъ говорѣ краинско-словенскомъ и червонорусскомъ. Слабые слѣды свойственнаго всѣмъ западославянскимъ нарѣчьямъ суффикса — *дло* (радио подлѣ рало на югѣ и на востокѣ) встрѣчаются въ одномъ хорутанско-словенскомъ говорѣ (шидло, мотовидло), и пр.

Разнообразно *удареніе* въ славянскихъ языкахъ, особенно въ русскомъ и югославянскихъ; въ другихъ, въ чешскомъ и въ югославянскихъ, отличаются краткія и долгія гласныя. И здѣсь является иногда сходство въ самыхъ отдаленныхъ славянскихъ языкахъ, на пр. въ удареніи нарѣчій великорусскаго и хорватскаго—чакавскаго: голова—гѣлову, глава—глѣву, гѣлосъ—глас, болѣто—блѣто; также удареніе словенское (хорут.) часто сходно съ великорусскимъ. Чешская долгота гласныхъ имѣетъ извѣстную связь съ удареніемъ великорусскихъ полногласныхъ словъ, на пр. долгія чеш. крѣва, клѣда=русс. корѣва, волѣда, но краткія чеш. клас, глава=вѣлосъ, голова.

Что касается *формъ* славянскихъ, то въ историческое время замѣтно во всѣхъ славянскихъ языкахъ стремленіе сократить первоначальное богатство формъ, какъ оно является еще въ языкѣ словѣнскомъ, и отъ части и въ древнечешскомъ. Оттуда происходитъ стремленіе упростить склоненіе и спряженіе; отсюда формы въ родѣ: рабами (рус. вмѣсто рабы), јеленима (серб. вм. јеленом, -их, -и), рыбом (поль. вм. рыбам), и пр.; исчезновеніе въ большинствѣ славянскихъ языковъ простыхъ прошедшихъ временъ (*imperfectum*, *aoristus*, несмахъ, несъ, несохъ), и замѣна ихъ сложными (неслѣ несмѣ), исчезновеніе двойственного числа и пр. Всѣ эти древнія формы не исчезли во всѣхъ славянскихъ языкахъ разомъ и одновременно; въ иныхъ онѣ сохранились больше или меньше, а въ другихъ только ихъ слѣды.

Въ *лексикальномъ* отношеніи славянскіе языки можно раздѣлить на три части, западную, южную и восточную; но вмѣстѣ съ тѣмъ лексикальныя сходства встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ нарѣчьяхъ. Такъ на пр. западнорусскія нарѣчія во многомъ

приближаются къ западно-славянскимъ, именно къ польскому, помимо того, что на нихъ польскій языкъ съ XIV—XV вв. имѣлъ сильное вліяніе. Но и въ сѣверныхъ великорусскихъ говорахъ попадаются многія слова, неизвѣстныя остальнымъ великорусскимъ говорамъ а извѣстныя западнымъ Славянамъ. Много одинаковыхъ, всѣмъ Славянамъ извѣстныхъ словъ приняло, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, новыхъ порядковъ, чужого вліянія и пр., у разныхъ славянскихъ народовъ различное значеніе, на пр. слова господинъ, князь, владыка, староста, жметъ, землянинъ, добытокъ, было, красный, худой, черствый, и пр. Въ слѣдствіе сношеній Славянъ съ разноплеменными сосѣдами въ славянскіе языки перешло много чужихъ словъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, чудскихъ, турецко-татарскихъ и др. Нѣкоторыя такія слова перешли къ Славянамъ очень рано, свидѣтельствуя о славянскомъ единствѣ и родствѣ въ древнѣйшія времена; такъ на пр. цѣсарь—царь (латин. caesar), краль (нѣм. kargl), кѣнагъ—кѣназь (нѣм. kuning), пѣназь (нѣм. pening), колада (латин. calendae), цръки (нѣм. chiricha), и пр. Нѣмецкое thiuda (deutsch, народъ) стало для Славянъ штудъ (чуждъ) и штудинъ (чудинъ т. е. великанъ), равнымъ образомъ какъ и славянское вать стало для Нѣмцевъ ent (великанъ). Другія чужія слова вошли въ отдѣльные славянскіе языки позже, греческія, турецкія, татарскія въ языки болгарскій, сербскій, русскій, латинскія и итальянскія въ языки адриатическихъ Славянъ, латинскія и нѣмецкія въ языки западныхъ Славянъ. Христіанство постоянныя политическія и культурныя сношенія Славянъ съ западомъ и съ востокомъ, способствовали водворенію чужихъ словъ въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ областяхъ народнаго быта Славянъ ихъ единство нарушалось болѣе или менѣе; такъ на пр. отъ названій частей одежды уцѣлѣло уже не много одинаковыхъ славянскихъ словъ (плащъ, суеня, козюхъ и пр.), по большей части эти названія уже чужія, латинскія, нѣмецкія, французскія, итальянскія, турецкія, татарскія и др. (кабатъ, кафтанъ, армякъ, жупанъ—зипунъ, контушъ—кандушъ, сюртукъ; шаравары, кальготы, брюки; боты, чоботы, чижмы; клобукъ, капелушъ, шляпа, шеширъ, чапекъ, шапка и пр.). Языки иноплеменниковъ, съ которы-

ми Славяне сносились, повліяли тоже на граматическій строй славянскихъ языковъ; такъ языкъ балканскихъ автохтоновъ, Шкипетаровъ (Албанцевъ) и ихъ романизованныхъ потомковъ Влаховъ (Румуновъ), существенно нарушилъ строй языка Словѣнъ поселившихся на балканскомъ полуостровѣ, языка болгарскаго; нѣмецкій языкъ значительно повліялъ на строй западнославянскихъ языковъ, а языкъ послѣднихъ остатковъ полабскихъ Ляховъ является въ слѣдствіе этого вліянія совсѣмъ изуродованнымъ. Наконецъ, славянскіе языки вліяли тоже другъ на друга, чешскій на польскій, польскій на западно-русскій, словѣнскій на болгарскій, сербскій и русскій, и на оборотъ эти три на словѣнскій.

Языкъ извѣстнаго народа или нарѣчіе извѣстной части народа сдѣлались, въ слѣдствіе политической и культурной силы такого народа или его части, литературнымъ языкомъ у разныхъ племенъ этого народа, вытѣсняя ихъ нарѣчія; такимъ образомъ предотвращалось безконечное дробленіе языковъ, нарѣчій, говоровъ, и поддерживалось дальнѣйшее культурное развитіе народа посредствомъ одного литературнаго языка. Словѣнскій языкъ сдѣлался бы вѣроятно литературнымъ языкомъ всѣхъ или большинства Славянъ, если бы политическое могущество Великой Моравы или Болгаріи продержалось, и если бы подунайскіе Словѣне остались въ Паноніи и Дакіи какъ соединяющее звено почти всѣхъ Славянъ. Церковный словѣнскій языкъ изводовъ болгарскаго, сербскаго и русскаго былъ и въ послѣдствіи до извѣстной степени литературнымъ языкомъ православныхъ Славянъ; но такъ какъ онъ, подобно латинскому, сталъ скоро языкомъ мертвымъ, то онъ, подвергаясь все больше вліянію окружающихъ его живыхъ языковъ славянскихъ, съ наступленіемъ свѣтскаго элемента въ литературѣ вмѣсто церковнаго, долженъ былъ уступить живымъ языкамъ, русскому, сербскому, болгарскому. Нарѣчіе пражскихъ Чеховъ, политически и культурно сильнаго племени, сдѣлалось латературнымъ языкомъ остальныхъ племенъ въ Чехіи, Моравіи, и наконецъ тоже у Словаковъ. Подобно тому, нарѣчіе браковскихъ Поляковъ (Малополанъ), сдѣлалось литературнымъ языкомъ польскимъ, хотя само названіе „польскій“ принадлежитъ собственно Великополянамъ. На югѣ

нарѣчіе штогавское распространялось съ XVI в. въ ущербъ чакавскому, а позже въ ущербъ кайкавскому, и сдѣлалось литературнымъ языкомъ Хорватовъ и Сербовъ, литературнымъ языкомъ сербско-хорватскимъ или хорватско-сербскимъ. На востокъ русскія племена, равнымъ образомъ какъ они образовали русскій народъ, соединены тоже однимъ письменнымъ языкомъ, который, не смотря на элементъ словѣнскій и на отличія русскихъ нарѣчій, носитъ на себѣ уже съ древнѣйшихъ временъ характеръ русскаго языка. Политическое раздвоеніе Руси отразилось и на ея языкѣ; на югозападѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ и польскаго языка, образовался западно-русскій отдѣльный русскаго литературнаго языка; на сѣверовостокѣ московскій говоръ сдѣлался письменнымъ языкомъ всей Великой Руси. Съ политическимъ могуществомъ Москвы, Великой Руси, московскій говоръ, великорусское нарѣчіе сдѣлалось литературнымъ языкомъ русскимъ. Этотъ языкъ сталъ важнымъ представителемъ единства русскаго народа, и, какъ сила матеріальная и культурная, можетъ со временемъ стать и важнымъ факторомъ въ сближеніи и соединеніи Славянъ.

Общеславянскія слова *писать*, *письмо*, *книга*, указываютъ на какую-то графику у древнихъ Славянъ. Кромѣ того есть слѣды, что Славяне до своего ознакомленія съ письмомъ греческимъ и римскимъ знали родъ письма, вѣроятно на подобіе нѣмецкихъ руноу. О такомъ письмѣ есть положительныя свидѣтельства X вѣка у Славянъ балтійскихъ, восточныхъ и южныхъ. У послѣднихъ, именно у дунайскихъ Словѣнъ, такое письмо называлось *чрты* (черты) и *рѣзы*, которыми они не только читали, но и гадали, какъ и Нѣмцы съ своими таинственными рунами; *черта* тоже самое что *чара*, а чары означаютъ не только линіи, но и чародѣйство. Слово *рѣза* указываетъ на то, что такіе знаменья вырѣзывались на *доскахъ* деревянныхъ; о такомъ способѣ замѣтокъ свидѣлствуютъ уже выше упомянутыя славянскія слова *мета* (мѣта), *врѣбъ* (врубъ), *врѣзъ*, *порезъ*, и можетъ быть и дрруг. *рѣзъ*—процентъ. Слово *дѣска*, *дѣштица*, *дѣщка*, *доска*, *дештыка*, сохранилось, въ значеніи записи, грамоты, до позднѣйшихъ временъ, когда вмѣсто деревянныхъ таблицъ, до-

сокъ, письменнымъ матеріаломъ служили уже пергамина и бумага. Такъ въ Новгородѣ въ XIII в. досками называли извѣстные записи, а въ XV в. въ Псковѣ извѣстные грамоты, акты; Чехи же называли вообще записи, именно судебныя записи, книги, и потомъ вообще государственный архивъ—дески (desky zemské, tabulae teggae). Слово *книга* означало первоначально тоже доску (срв. поль. knieja—лѣсъ), и потомъ вообще письмо, записъ, какъ и латин. caudex—codex, нѣм. buche (букъ)—buch (бoka), что и приняли Словѣне, *буки, буква*, въ смыслѣ письменъ, книгъ. Слово *письмо* и *писать* означало тоже малѣвать, какъ отъ части до сихъ поръ (писанное яйцо, писанный красавецъ). Какое было это древнеславянское письмо, ближе опредѣлить нельзя.

Славяне сносясь съ Греками и съ Римлянами, принимая христіанство, ознакомлялись съ болѣе удобнымъ письмомъ греческимъ и римскимъ, и попробовали его приспособить и къ своему языку. Это не было легко при большемъ богатствѣ славянскихъ звуковъ; ибо нельзя ни греческимъ ни латинскимъ письмомъ передать на пр. ѣ, ъ, ы, ѣ, ж, а, б, ҃, ш, ж и пр. По этому Славяне писали съ начала свой языкъ „безъ устроенія“; по этому писались Сватоплѣкъ (Светоплѣ, Сватоплѣ)—Σφειδοπλέκος, Sfetopelek, Suatoplik, Дръжиславъ (Дръжислав, Држислав)—Dirszizlaus, Звънимир—Svinimir, Пльзень—Plizen, Гьданьскъ—Gidanize, Пачично—Pagenchno, Вышеславъ—Βοισέσδλαφος, Лютомысль—Lutomuslo, Чернин—Cyrnin, Chernin, Цатина—Τζεντίνα, Мѣшко (Мѣшко)—Mesco, Miseco, Чрезпѣяне—Circipani, жупанъ—ζοοπάνος, zuranus (супра), сътъникъ (сътъникъ)—setenik, setinik, и пр. Такъ писали Славяне западные и южные, Словѣне подунайскіе въ Византіи, и черноморскіе Русскіе, у которыхъ уже около половины IX в. были свои переводы нѣкоторыхъ христіанскихъ книгъ. Неустройство словѣнскаго правописанія устранилъ около половины IX в. ученый Солунянинъ *Константинъ* (*Кириллъ*), приспособивъ греческое письмо къ словѣнскому языку именно такимъ образомъ, что онъ придумалъ, при помощи удвоенія и разныхъ комбинацій греческихъ буквъ, особыя буквы для передачи выше упомянутыхъ славянскихъ (преимущественно словѣнскихъ) звуковъ. Это греческо-словѣнское письмо, это

„словѣньское письмо, словѣньскія письма, книги, буквы, словѣньская азбука“, устроено прежде всего для языка Словѣнь, а потомъ распространилось и къ другимъ Славянамъ. Словѣньское письмо основывается на двухъ видахъ греческаго алфавита, на письмѣ курсивномъ и на письмѣ унциальномъ. Первый видъ словѣньскаго письма былъ въ употребленіи въ западной Македоніи и Илиріи (словѣньской), Далмаціи (хорватско-сербской), Паноніи (словѣньской), въ Моравіи (съ словенскою землею) и въ Чехіи. У западныхъ Славянъ этотъ видъ словѣньскаго письма исчезъ вмѣстѣ съ словѣньскимъ богослуженіемъ, и отъ словѣньскихъ рукописей сохранились незначительные остатки (отрывки пражскіе и кievскіе). Въ Хорватіи (т. е. Истріи, южной Паноніи и въ Далмаціи) это словѣньское (словинское, славянское, тоже хорватское) письмо сохранилось въ церкви, съ начала вопреки воли папской куріи, потомъ съ ея одобреніемъ, и въ послѣдующихъ вѣкахъ, да отъ части до сихъ поръ; кромѣ того Хорваты употребляли это письмо и въ своей свѣтской литературѣ. Въ Македоніи и Илиріи (Албаніи) этотъ видъ греческо-словѣньскаго письма замѣненъ рано (съ XI—XII вв.) другимъ видомъ греческо-словѣньскаго письма унциальнаго, который возникъ вѣроятно въ восточной Болгаріи, но скоро, какъ болѣе удобный, распространился у балканскихъ Славянъ (за исключеніемъ Хорватовъ), въ Угрію и Румунію, и наконецъ на Русь. Названія обоихъ видовъ греческо-словѣньскаго письма, *глаголица* и *кирилица*, относятся къ позднему времени, къ XVI вѣку; оба они, въ сущности, представляютъ мысль и трудъ Константина философа, оба они „кирилица“, равнымъ образомъ какъ и словѣньскій языкъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголическихъ (на пр. евангелій вографскаго, ватиканскаго, маріинскаго, псалтири синайской) и кириловскихъ (на пр. евангелій Остромира и Савы, рукописи супрасльской)—одинъ, и всѣ эти памятники библейскихъ и литургическихъ книгъ, переводы съ греческаго, представляютъ результатъ трудовъ обоихъ братьевъ Солунянъ, Константина и Меодія. Имъ же, учителямъ словѣньскаго языка (народа), этотъ трудъ, уложенный безразлично въ рукописяхъ глаголическихъ и кириловскихъ, всегда приписывался; даже католическіе Хорва-

ты до XII в. не знали другихъ своихъ просвѣтителей, кромѣ Константина и Меѳодія, и только съ половины XIII в. стали свое словинское, хорватское письмо приписывать св. Іерониму.

Кирилица на Руси, употребляемая съ конца XVII в., со времени преобразованій Петра Великаго, въ нецерковной, гражданской письменности, приняла болѣе круглый видъ, сдѣлалась гражданскимъ письмомъ (шрифтомъ), *гражданкою*, которая распространилась потомъ и къ Сербамъ и Болгарамъ. Католики въ Босніи и въ Хорватіи, чтобъ отличатся отъ своихъ православныхъ соплеменниковъ, придумали особый видъ кириллицы, *буквицу*. Югозападные Славяне, Чехи и Поляки, лужицкіе Сербы, Словенцы и Хорваты, употребляющіе латинское письмо, долго писали своимъ языкомъ „безъ устроенія“; они, желая передать славянскіе звуки ч, ш, ж и пр., вынуждены были прибѣгать къ странному „правописанію“ своей выдумки, или устраивали правописаніе по образцу нѣмецкому, итальянскому, угорскому. Неустройство такого славянскаго правописанія устранено только *І. Гусомъ*, который ввелъ въ латинскій алфавитъ діакритическіе значки, отличая с (ц) и ѿ, ѣ (ч), в и ѿ, ѿ, z и z, ž, г, ģ и пр. Это чешское правописаніе принято позже лужицкими Сербами, Словенцами и Хорватами. Въ польскомъ языкѣ господствуетъ отъ части старинное неустройство (cz, sz, rz), отъ части употребляются діакритическіе значки (ą, ę, ɛ, ó, ć, ś, ź, ń, ż, ł).

Славянскій языкъ, подразумѣвая подъ этимъ общее лексикальное богатство всѣхъ славянскихъ языковъ, на сколько оно одинаково и сходно, составляетъ важное свидѣтельство о древнѣйшей славянской образованности въ доисторическія времена, о которыхъ не имѣется никакихъ письменныхъ извѣстій современниковъ. Если на пр. нынѣ всѣ славянскіе народы знаютъ слова (приводимъ только русскія ихъ формы): пшеница, хлѣбъ, груша, раю, плугъ, коса, городъ, законъ, соборъ, вѣче и пр.: то всѣ эти слова и означаемыя ими вещи и понятія существовали у Славянъ несомнѣнно еще въ тѣ отдаленныя времена, когда Славяне стояли другъ другу ближе, употребляя такіа слова либо еще какъ первобытное общее арійское, либо уже какъ свое собственное славянское достоиніе. При помощи этого общеславян-

скаго лексикальнаго богатства можно представить довольно полную картину древнѣйшаго быта Славянъ, принимая ихъ еще за одно національное цѣлое, за одну особь арійскаго племени. Земля и ея плоды составляла главное богатство народонаселенія, землевладѣльцевъ—землянъ, земцевъ, дѣдичей, унаслѣдовавшихъ землю—дѣдину, отчину или баштину отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, баштъ. Все, что добыто земледѣлемъ и скотоводствомъ, составляетъ добытокъ — движимое имущество вообще, и скотъ, збожіе (сѣбожіе т. е. богатство)—поземельный участокъ, хлѣбъ и товаръ, статокъ—имущество, быдло—жилище и скотъ, который замѣнялъ деньги. Плоды земли составляли жито, чѣмъ жили, збожіе и обиліе, богатство разнаго рода: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо, ленъ, разныя овощныя (фруктовыя) деревья, груша, яблоня, слива, вишня, и зелень (овощи), капуста, горохъ, чеснокъ и пр. Поля, роля, нивы и гряды, лѣхи, въ огородахъ, обрабатывали, орали, пахали, разными земледѣльческими орудіями, раломъ и плугомъ, боронили бороною, жали косою, серпомъ; дальше употребляли грабли, мотыки, лопаты и пр. Хлѣбъ молотили цѣпами, и зерно мололи въ муку, и пекли въ печи хлѣбъ, колачи, варили кашу, приготовляли пиво и медъ. Другой источникъ богатства и пропитанія были домашнія животныя, скотъ, кони, быки, волы, коровы, бараны, овцы, козы, гуси, куры и пр. Лѣса доставляли разную дичь или звѣрину, рѣки и озера разную рыбу. Славяне занимались не только земледѣлемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, охотой, а тоже ремеслами, торговлею и другими промыслами. Они знали ковы (металы), желѣзо, мѣдь, серебро, золото, и умѣли дѣлать разныя деревянныя, каменныя, кововыя орудія, оружіе или брань, мечи, копыя, сулицы, стрѣлы, щиты, прилбы (шлѣмы), луки, пращи (пороки) и пр. Они умѣли прясть, ткать, шить, готовить платно—полотно и сукно, разное платье, рубы (рубахи), ризы, плащи, гащи, порты и пр. Они умѣли строить дома, вущи, хоромы, ладіи (корабли) и пр. Славяне жили въ открытыхъ селеніяхъ, селахъ или всяхъ (весь), и въ укрѣпленныхъ градахъ (городахъ), общинами и государствами, подъ начальниками, господами, старостами, жупанами, князьями и пр. Они жили по своему

праву, правдѣ, по своимъ законамъ, совѣщались — особенно высшія сословія, бояре, земляне—съ своимъ княземъ о публичныхъ дѣлахъ на соборахъ, снемахъ, вѣчахъ. Они знали письмо и книги, и развили свои понятія о сверхъестественномъ мірѣ, о богахъ и о бѣсахъ, о небѣ, раѣ, нави, объ отношеніи человѣка къ этому міру. Это рассказываетъ языкъ, вполне достовѣрный свидѣтель, о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ, о степени славянской образованности тѣхъ отдаленныхъ временъ, о которыхъ исторія умалчиваетъ.

Больше двухъ тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, когда великая отрасль Аріидцевъ, извѣстная въ послѣдствіи подъ названіемъ Славянъ, явилась впервые на историческомъ поприщѣ, и заняла огромныя пространства между морями адріатическимъ, балтійскимъ и Чернымъ. Славянскій языкъ „разидеся“; Славяне на западѣ, на югѣ и на востокѣ стали развиваться во многомъ самостоятельно, независимо другъ отъ друга, и не безъ вліянія сосѣдей иноплеменниковъ. Но племенное единство и родство все таки осталось преобладающимъ; все еще „бѣ единъ языкъ словѣнскъ: Словѣне иже сѣдаху по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ угорска земля и болгарска, Хровате, Серебъ и Хорутане, Моравѣ, Чеси, Ляхове, и Русь“. Это коренное единство, съ теченіемъ времени, во многомъ измѣнилось, его замѣнило во многомъ разнообразіе, но *разнообразіе въ гармоніи*, этотъ во всемъ вождѣленный идеалъ славянской.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>
6	5	сохранились	сохранилась
16	30	соединенными	соединенным
33	29	дѣдень	дѣдень
38	26	-ныя и національныя	-ные и національные
61	5	продолжая	продолжая
90	10	сосѣдами	сосѣдами
93	14	при —	при
136	6	знатиѣ	знатные
—	9	но	по
139	6	пѣтушей	пѣтушей
175	28	другія	другіе
193	55	останки	останки
208	22	вождѣнный	вождѣнный

GENERAL BOOKBINDING CO.

77 2109T 53 C05 P I

QUALITY CONTROL MARK

2333

D 147 .P398 C.1
Slovians, ikh vzaimnyia otnosh
Stanford University Libraries

3 6105 036 500 358

D
147
.P39
v.1

DATE DUE			

